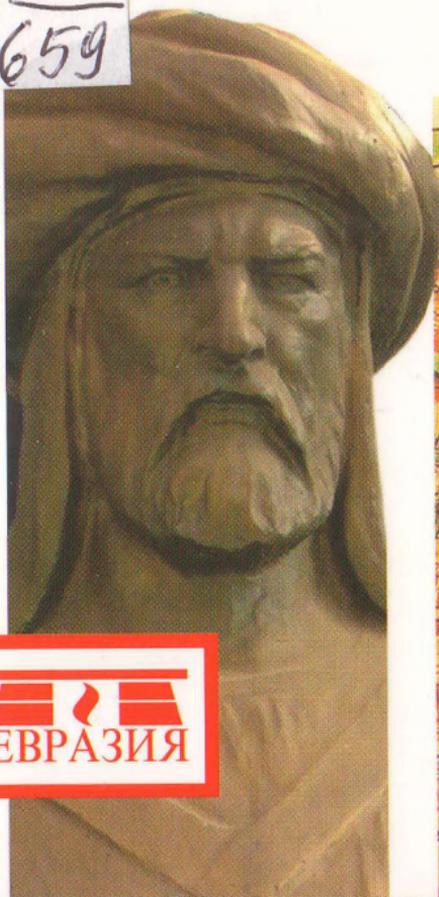

Р. Ю. Ночкаев

Ханы

Золотой Орды

X13
659

ЕВРАЗИЯ

Р. Ю. Почекаев

ХАНЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Санкт-Петербург
2010

ББК 63.3(0)43

УДК 94

П65

Почекаев Р. Ю.

П65 Ханы Золотой Орды — СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. — 384 с.
ISBN 978-5-91852-011-6

За несколько веков своего существования Золотая Орда пережила этапы становления, расцвета, упадка и, наконец, окончательного падения. Каждый из этих этапов совпадал с деятельностью конкретных правителей — ханов и временщиков Золотой Орды, — которым и посвящена эта книга.

Героями биографических очерков являются: Бату, фактический основатель Золотой Орды; Менгу-Тимур, ее первый хан, официально принявший этот титул; Узбек, при котором Орда достигла наивысшего расцвета и могущества; временщик Мамай, старавшийся сохранить единство государства в эпоху смут; Токтамыш, при котором Золотая Орда сначала объединилась после смуты, а затем окончательно пришла в упадок; Улуг-Мухаммед, золотоордынский хан, ставший основателем Казанского ханства; Ахмат, при котором Русь освободилась от ордынского «ига»; и еще восемь властителей, оставивших значительный след в истории.

Привлечение многочисленных исторических источников позволило по-новому оценить деятельность ряд золотоордынских правителей и их роль в истории.

© Почекаев Р. Ю., текст, 2009

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2009

© Оформление, ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ», 2009

ISBN 978-5-91852-011-6

Предисловие

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЕЕ ВЛАСТИТЕЛИ

Настоящая книга представляет собой серию биографических очерков о властителях Золотой Орды — обширной державы, простиравшейся от Балкан до степей Казахстана и на протяжении XIII–XV вв. игравшей важную роль в истории Евразии. Автор предпринял попытку представить биографии наиболее ярких правителей Золотой Орды, чья жизнь и деятельность олицетворяет тот или иной этап в развитии этого государства. Фактически в биографиях представлена вся история Золотой Орды до ее распада и крушения.

Так, с именами Бату, Берке, Менгу-Тимура, Ногая и Токты традиционно связывается становление Золотой Орды, ее превращение в независимое государство, утверждение на международной арене. Правление Узбека и Джанибека — эпоха расцвета Золотой Орды, апогея ее могущества. Темник Мамай, а также ханы Пулад и Арабшах — деятели смутного времени, известного по русским летописям как «великая замятня». Деятельность хана Токтамыша и временщика Едигея представляют собой последнюю попытку восстановления могущества Золотой Орды. Последующие же ханы — Улуг-Мухам-

мад, Ахмад и Шейх-Ахмад — это уже правители осколков некогда обширной империи, фактические основатели (или основоположники династий) государств — ее преемников.

Еще сравнительно недавно об Золотой Орде было принято говорить, как о «паразитическом государствоподобном образовании», существовавшем за счет обложения данью и даже «ограбления» соседних стран и народов. Сегодня, в свете новейших исследований Золотая Орда предстает как отдельная и самобытная цивилизация — со своим языком, государственными и правовыми традициями, культурой, искусством и даже философией.

Соответственно, изменилось отношение и к золотоордынским правителям, которые прежде рассматривались историками лишь как характерные представители высшего слоя «паразитического государства», тиранившие и собственных подданных, и правителей вассальных государств. В последнее же время личности отдельных золотоордынских властителей привлекают внимание историков и публицистов и вызывают самую широкую гамму отношений — от резкого осуждения до безоговорочного восхищения.

Уже неоднократно различные авторы посвящали свои работы личностям золотоордынских правителей. В частности, еще на рубеже XIX–XX вв. татарский богослов и историк Р. Фахретдин написал серию небольших биографических статей о 12 правителях (включив в число золотоордынских монархов также Чингис-хана и Джучи). В 1922 г. вышла крупная работа Н. И. Веселовского о Ногае. В. В. Трепавлов в своей фундаментальной «Истории Ногайской Орды» целую главу посвятил ее осно-

вагелю Едигею и его эпохе. И. В. Зайцев в 2003 г. опубликовал биографический очерк о последнем ордынском хане Шейх-Ахмаде. В том же 2003 г. вышли научная монография И. М. Миргалеева о жизни и деятельности хана Токтамыша и научно-популярная книга Р. М. Амирхана «Золотая Орда и ее правители». Наконец, в 2007 г. в Казахстане появилась книга К. Бегалина «Ханы Золотой Орды» — также научно-популярного характера. Периодически появляются публицистические работы, посвященные известным ордынским ханам и правителям — Узбеку, Мамаю, Улуг-Мухаммаду.

В большинстве исследований золотоордынские ханы представлены как своеобразные «герои второго» плана по сравнению с «главным героем» — самой Золотой Ордой и в какой-то мере заложниками различных социально-экономических и политических процессов. При этом нередко отмечается, что даже талантливый и энергичный государь не мог «противостоять объективным процессам», несмотря на все свои способности и дарования.

Нам представляется, что подобный подход несправедлив, поскольку роль отдельных личностей в истории очень часто принижается. Особенно заметно это на примере как раз золотоордынских ханов — правителей одного из крупнейших государств средневековой Евразии, от личных качеств, намерений и предпочтений которых нередко зависела судьба многих государств и народов. В самом деле, например, почему именно Узбек сумел провести масштабную реформу, введя ислам и практически полностью изменив систему управления, существовавшую в Золотой Орде до него более века?

Почему темник Мамай в течение двадцати лет сохранял власть над западными уделами Золотой Орды, когда в Поволжье и восточных областях иногда менялось по несколько ханов в год? Почему хану Токтамышу удалось взять верх над этим властным и решительным правителем и объединить Золотую Орду? Почему хану Ахмаду так и не удалось вернуть распадающейся Орде ее былое величие? Чтобы ответить на эти вопросы необходимо уделить более пристальное внимание именно особенностям личностей отдельных ханов и правителей — естественно в контексте общей социально-политической ситуации в Золотой Орде.

Приступая к жизнеописанию того или иного политического деятеля автор сталкивается с опасностью необъективного подхода. При этом он либо целиком и полностью становится на сторону своего героя, стараясь представить его в наиболее положительном свете. Или же напротив — находясь под влиянием ранее сложившихся негативных стереотипов, готов все факты из биографии своего героя толковать не в его пользу. Чтобы избежать подобной опасности при написании настоящей книги, автор постарался использовать максимально широкий круг источников самого различного происхождения. Нами использовались официальные документы, исторические хроники и летописи (арабские, персидские, китайские, тюркские, западноевропейские, армянские и др.), свидетельства современников, исследования, данные археологии и нумизматики. Эти данные, нередко вычлняемые из источников по крупицам, позволили не только выявить роль и место героев очерков в истории

Золотой Орды и Евразии, но и в некоторых случаях даже обозначить их личные свойства и качества.

Автор озаглавил книгу «Ханы Золотой Орды». Однако следует оговориться, что первые несколько правителей Золотой Орды (Джучи, Бату, Сартак, Улагчи, Берке) не носили ханского титула, который только около 1269 г. впервые принял только ее шестой правитель — Менгу-Тимур, внук Батыя. Кроме того, несколько героев, представленных в очерках — Ногай, Мамай, Едигей — также не были ханами, поскольку не могли претендовать на него в силу своего происхождения. Это, впрочем, не делает их менее сильными властителями, поскольку именно эти временщики, а не легитимные ханы, обладали фактической властью над Ордой в тот или иной период ее истории.

Всех правителей Золотой Орды объединяло одно: они либо являлись Джучидами — прямыми потомками Джучи, старшего сына Чингис-хана (это было обязательное условие для занятия ханского трона), либо были связаны с этим родом брачными узами (большинство временщиков и крупных ордынских сановников женились на представительницах ханского рода). Необходимо отметить, что само название «Золотая Орда», используемое в книге, достаточно условно: в исторических источниках это государство обычно называется Улус Джучи (по имени своего первого официального правителя), Кипчакское ханство, Великий (или Монгольский) Улус. Золотой Ордой его стали называть впервые только в XVI в., однако на сегодняшний день именно это название стало всеупотребительным и широко используется и в историографии, и в популярной литературе.

Поэтому мы сочли целесообразным использовать именно его.

Аналогичным образом мы подошли и к именам ханов и правителей: в заглавия очерков вынесены более распространенные в отечественной историографии формы имен — Едигей, Улуг-Мухаммед, Ахмат и т. д. В самом тексте очерков используются более корректные формы, принятые в востоковедческой литературе — Идигу, Улуг-Мухаммад, Ахмад и т. д.

Очерк первый

БАТЫЙ, ИЛИ САИН-ХАН И ЕГО ТРИ ЖИЗНИ (правитель, 1227–1256)

Земли, на которых впоследствии возникла Золотая Орда, были выделены Чингис-ханом своему старшему сыну Джучи, который управлял ими в 1222–1227 гг., и поэтому в дальнейшем эти владения назывались Улусом Джучи. Однако фактически первым правителем Золотой Орды стал Бату, второй сын Джучи (известный в русских источниках как Батый), правивший улусом около тридцати лет.

В биографии Бату четко прослеживаются три этапа: царевич, рядовой представитель «Золотого рода» Чингизидов, один из многочисленных внуков Чингис-хана; полководец, возглавивший великий поход монголов на Запад; и, наконец, правитель, фактически определявший судьбу не только Золотой Орды, но и всей Монгольской империи. Эти три этапа, столь отличающиеся один от другого, мы и назвали «тремя жизнями Батыя».

I

Бату родился в год земли-змеи (1209 г.). Он был сыном Джучи, первенца Чингис-хана, и его второй супруги Уки-хатун из племени кунграт. У Джучи было, по некоторым

сведениям, до сорока сыновей, а наследование отцовского имущества и титулов у монголов не было четко регламентировано, так что Бату совершенно не обязательно должен был занять видное место среди Джучидов — не говоря уж обо всем семействе Чингис-хана, число внуков и подрастающих правнуков которого приближалось к сотне. Таким образом, в своей «первой жизни» Бату был всего лишь одним из многочисленных отпрысков «Золотого рода» без особых надежд на заметное положение в Монгольской империи и семейной иерархии.

Кроме того, над Джучи, отцом Бату, в течение всей его жизни тяготело подозрение в незаконнорожденности. Дело в том, что когда Чингис-хан еще не был Чингис-ханом и носил имя Тэмуджин, его любимая супруга Борте была похищена племенем меркитов, напавших на лагерь ее мужа. Тэмуджину через какое-то время удалось спасти ее, но в плену или вскоре после освобождения Борте родила сына, и будущий Чингис-хан не мог быть уверен в своем отцовстве. Этим сыном и был Джучи.

Сам Чингис-хан никогда не выказывал сомнений в происхождении своего первенца: он поручал ему командование войсками и при разделе своих владений между сыновьями выделил ему самые обширные области. Однако когда между сыновьями Чингис-хана вспыхнула ссора по поводу того, кто будет наследником отца, Чагатай, второй сын Чингис-хана, прилюдно обозвал Джучи «меркитским подарком». За это он получил выговор от отца, но нет сомнения, что Чагатай всего лишь озвучил то, о чем другие шептались.

Как бы то ни было, ни Джучи, ни Чагатай не стали наследниками Чингис-хана, который завещал после своей смерти избрать новым монгольским ханом своего третьего сына Угедэя. По этой причине или по какой-то другой между Чингис-ханом и Джучи произошло отчуждение, и отец Бату, покинув монгольские степи, несколько лет безвыездно пребывал в своих новых владениях в Дешт-и Кипчаке (Половецкой степи), под различными предложениями отказываясь приезжать к отцу.

Весной 1227 г. (по некоторым сведениям, еще в 1225 г.) Джучи умер, и в источниках указываются различные причины его смерти. По одним сведениям, он умер от болезни в своей ставке. По другим, старший сын Чингис-хана погиб во время охоты, причем и здесь присутствуют разные версии — упал с лошади и сломал себе шею, был затоптан стадом диких куланов и даже погиб в схватке с тигром! Наконец, средневековые историки, наиболее недоброжелательно относившиеся к Чингис-хану и его семейству, сообщают, что Джучи задумал заговор или мятеж против своего отца и был отравлен по его приказанию.

Как бы то ни было, старший сын Чингис-хана и первый глава Улуса Джучи скончался, и было необходимо выбрать ему преемника. Чингис-хан назначил новым главой Улуса Джучи (который далее мы будем именовать Золотой Ордой) Бату — второго сына Джучи. Историки и исследователи предлагают самые различные объяснения причин выбора Чингис-хана. При этом большинство склоняется к тому, что Бату, якобы, уже успел проявить себя эффективным правителем и воинственным полководцем. Однако не будем забывать, что Бату к моменту

смерти отца было всего 18 лет, и он, скорее всего, еще не участвовал в военных действиях. И, уж во всяком случае, не командовал войсками, поскольку у Чингис-хана и помимо Бату было несколько сыновей, немало старших внуков и много опытных полководцев!

Полагаем, наиболее вероятной причиной назначения Бату наследником отца является его происхождение по материнской линии: его мать Уки-хатун была дочерью Алчи-нойона, приходившегося братом Борте — старшей хатун Чингис-хана и матери Джучи. Таким образом, Бату был и внуком, и внучатым племянником Борте, которая вместе со своим влиятельным родом кунгратских нойонов (из которого члены «Золотого рода» постоянно брали себе жен) вполне могла предложить супругу назначить наследником Джучи именно Бату.

Однако в августе 1227 г. скончался и Чингис-хан, переживший своего старшего сына всего на полгода. И Бату пришлось ехать в Монголию, на курултай, где должны были выбрать нового великого хана, который по закону должен был подтвердить назначения сделанные его предшественником.

II

Как и ожидалось, преемником Чингис-хана стал его третий сын Угедэй. Он подтвердил основные назначения, сделанные его отцом, в т. ч. и статус Бату, как правителя Золотой Орды (хотя в источниках сообщается, что Угедэй в свое время, как и Чагатай, враждовал с Джучи). Однако вступить во владение отцовским наследием Бату так и не удалось: по приказу своего дяди-хагана (так

Бату обращался к Угедэю в переписке) ему пришлось сопровождать новоизбранного хана в походе против северно-китайской империи Цзинь. Вероятно, Угедэй не доверял малознакомому племяннику и поэтому решил на какое-то время оставить его при себе.

Империя Цзинь была разгромлена монголами в 1234 г., и годом позже состоялся великий курултай, на котором члены «Золотого рода» и монгольская аристократия распределили завоеванные территории и приняли решения относительно дальнейших завоеваний. Бату также получил удел в Китае — ему отошла область Пиньянфу, с которой он (а затем и его преемники) имел право получать доходы. Кроме того, на курултае 1235 г. было принято решение о завоевании земель на западе — тех, которые по замыслу Чингис-хана должны были отойти еще Джучи.

Еще через год, в 1236 г. Бату принял участие в еще одном курултае — на этот раз специально посвященном западному походу. Сыновья Чингис-хана, по-видимому, решили, что отдать все завоеванные на западе земли роду Джучи будет слишком щедро, и поэтому решили отправить в поход также и своих отпрысков — естественно, в благодарность за помощь эти царевичи должны были получить или новые земли на западе, или солидную часть добычи! В результате в поход отправились Гуюк и Кадан — сыновья хана Угедэя, сын Чагатая Байдар и внук Чагатая Бури, Мунке и Бюджек — сыновья Тулуя, а также младший сын Чингис-хана Кулькан и внучатый племянник Чингис-хан Аргасун (внук Хачиуна, брата Чингис-хана). Поскольку изначально поход затевался все же как расширение удела Джучидов, вместе

с Бату выступило гораздо больше его братьев, нежели других потомков Чингис-хана: в завоевании западных земель приняли участие Джучиды — Орду, Шибан, Тангут, а позднее к ним присоединился и еще один брат, Берке.

На основании источников нельзя однозначно утверждать, что Бату с самого начала предводительствовал всем западным походом монголов (хотя исследователи и высказывают такое предположение). На самом деле, ряд Чингизидов в течение 1236–1239 гг. действовал самостоятельно. Например, Гуюк и Менгу командовали отдельными отрядами и вели военные действия против кипчаков, народов Северного Кавказа и русских городов, Бури также самостоятельно действовал на Руси и в Крыму, даже Берке, брат Бату, сам предводительствовал войсками в борьбе с кипчаками. Бату, таким образом, являлся, видимо, номинальным предводителем похода, «старшим среди равных». Тем не менее, для него даже такой статус был большим шагом вперед в семейной иерархии. Так началась его «вторая жизнь» — жизнь полководца, предводителя Великого западного похода Чингизидов.

III

Под личным командованием Бату войска монголов в 1236 г. вторглись в Волжскую Булгарию и к осени 1237 г. разгромили эту страну, которой впоследствии суждено было стать центром владений Бату. Именно поэтому он не стал разрушать города и вырезать их население, хотя согласно русским летописям, монголы разруши-

ли болгарские города и вырезали практически все население «от старца... и до сушаго младенца».

После того, как Волжская Булгария была покорена, войска Бату начали вторжение на Русь. В декабре 1237 г. они вступили на территорию Рязанского княжества и начали переговоры с местными князьями. Современные исследователи, опираясь на «Повесть о разорении Рязани Батыем», фольклорное произведение XVI в., подробно описывают убийство монголами рязанских послов, героическую битву рязанцев с монголами «в диком поле», подвиги Еватия Коловрата. Однако все эти события, несомненно, относятся к народному творчеству, что отмечали уже исследователи XIX в.

На основании источников (западных и восточных современников событий) восстанавливается следующий порядок вторжения Бату на Русь. В декабре 1237 г. часть войск под командованием Бату вступила на рязанские земли. К местным правителям были отправлены монгольские послы с требованием подчиниться монголам, уплачивать им дань («десятину во всем») и предоставлять людей для дальнейших походов. Получив отказ, Бату дождался подхода своих родичей и вместе с ними осадил Рязань. В осаде участвовало семеро Чингизидов — Бату, Орду, Гуюк, Мунке, Кадан, Кулькан и Бури. Совместными усилиями им удалось уже на седьмой день осады захватить Рязань, которая была полностью разрушена. Вскоре были захвачены и другие рязанские города, и в самом начале января 1238 г. войска монголов подошли к последнему оплоту рязанцев — Коломне.

Здесь в рязанско-монгольский конфликт вмешался новый участник — великий князь владимирский Юрий

Всеволодович, отправивший войска под командованием своего сына Всеволода на помощь Коломне. Объединенные силы рязанцев и владимирцев были разгромлены у стен города, который затем также пал, а монголы получили законное основание для вторжения во Владимиро-Суздальскую Русь. Кроме того, в битве под Коломной (или при штурме города) погиб Кулькан, младший сын Чингис-хана, и война с Владимирской Русью приобрела для его родственников еще и характер мести.

Сам Бату в битве у Коломны, по-видимому, не участвовал, поскольку в эти дни осаждал пограничную крепость Суздальской Руси — Москву. Город был взят благодаря энергичным действиям Шибана, брата Бату, 20 января 1238 г.

Войска восьми Чингизидов вновь соединились под стенами столицы Северо-Восточной Руси — города Владимира-Залесского, который осадили 2 февраля. Великий князь еще накануне осады покинул город, отправившись на север своих владений, чтобы собрать войска для отпора монголам, а защиту столицы поручил своим сыновьям. Несмотря на то, что в осаде участвовали практически все войска монголов, она, по-видимому, не была слишком трудной для них — не случайно в самый разгар осады Владимира, 5 февраля, часть монгольских войск оставила лагерь и без боя захватила Суздаль — личный удел великого князя.

Между тем, сыновья великого князя Юрия оказались не слишком эффективными военачальниками. Согласно русским же летописцам, Всеволод Юрьевич попытался сдаться на милость Бату и явился к нему с дарами, но был убит, поскольку решил сдаться уже по-

сле начала военных действий. Мстислав, брат Всеволода, напуганный его участью, решил искать спасения в бегстве, но также был убит. Владимир-Залесский пал на шестой день осады, 8 февраля 1238 г.

После взятия столицы Северо-Восточной Руси силы монголов разделились и в течение февраля захватили, согласно летописцам, 14 городов Владимиро-Суздальской Руси. Менее чем за месяц были захвачены Ярославль, Галич-Мерьский, Стародуб, Переяславль-Залесский, Юрьев и др.; Ростов и Углич сдались монголам без боя.

4 марта 1238 г. монгольский отряд под командованием полководца Бурундая обнаружил лагерь великого князя Юрия на р. Сить. Согласно русским летописям, между русскими и монголами произошла битва, в которой великий князь погиб с большинством своих воинов. Однако венгерский хронист сер. XIII в. Фома Сплитский и персидский историк начала XIV в. Рашид ад-Дин ничего не сообщают о битве, а упоминают лишь, что великий князь был схвачен и убит монголами. Так что, есть основания полагать, что битва на р. Сити — такой же поздний вымысел, как и битва рязанцев с монголами «в поле», а на самом деле великий князь просто был схвачен в результате неожиданного нападения монголов и казнен ими.

Бату не достались лавры победы над великим князем владимирским: он в это время осаждал передовую крепость Новгородской земли — Торжок. И, захватив его после 5 недель осады, отступил от Новгорода, не дойдя до него около ста верст! Это отступление монголов представлено русскими летописцами как некое чудо,

приписываемое заступничеству святых, современные же исследователи объясняют его либо весенней распутицей и невозможностью продвижения далее, либо большими потерями, уже понесенными монголами. На наш взгляд, истинной причиной отхода Бату от Новгорода стало невмешательство новгородского князя Ярослава Всеволодовича в конфликт монголов с Рязанью и Суздалем (кстати, впоследствии именно Ярослав Новгородский первым из русских князей признал зависимость от монголов...).

Так, к апрелю 1238 г. Бату выполнил поставленную задачу и разгромил всех князей Северо-Восточной Руси, оказавших сопротивление монголам. После этого он повернул на восток и направился в Поволжье для восстановления сил и отдыха. Дойдя до границ Черниговской земли, он осадил небольшой пограничный город Козельск, который не мог взять в течение семи недель. Только когда на помощь Бату подошли войска Чингизидов Кадана и Бури, город был захвачен. Отметим, что в отличие от битвы «в поле» или сражения на р. Сить, осада Козельска является отнюдь не мифом: о многодневной осаде этого города сообщают не только русские летописцы, но и Рашид ад-Дин.

Взятие Козельска стало завершающим актом кампании 1237–1238 гг., после чего в походе наступил перерыв. Сам Бату занимался устройством своего нового улуса; высказывались предположения, что он мог даже отправиться в Монголию и принять участие в курултае 1240 г.

Как раз к этому времени (между 1238 и 1240 гг.) относится известная ссора Бату со своими родичами Гую-

ком, Бури и Аргасуном, о которой сам Бату так написал в письме к хану Угедэю: «Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: "Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!" А Гуюк говорил: "Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!" Эльжигидаев сын Аргасун добавил: "Давайте-ка, мы вправим им деревянные хвосты!" Что же касается нас, то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись непримиренные под влиянием подобных речей Бури с Гуюком. Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди».

Угедэй, по-видимому, неплохо относившийся к Бату после совместного участия в походе против империи Цзинь, вызвал к себе и сурово отчитал провинившихся царевичей. Гуюк вообще был отозван из похода на запад. Есть все основания полагать, что именно после этого досадного инцидента Бату и был назначен действительно верховным военачальником в западном походе — для того, чтобы пресечь возможные дальнейшие попытки неповиновения ему со стороны амбициозных родственников.

IV

Бату не спешил, впрочем, сразу реализовать свои новые полномочия: почти все 1238–1240 гг. он посвятил обустройству своих новых владений на Волге, тогда как завоевательные действия вели его родственники-Чингизиды. Так, летом 1238 г. войска Берке, Мунке, Гуюка и Кадана действовали против кипчаков и народов Северного Кавказа. В 1239 г. Шибан, Бюджек и Бури вторглись в Крым, а Гуюк и Кадан — в мордовские земли и пределы Муромского княжества.

Но уже в 1239 г. начался первый этап вторжения в Южную Русь. В марте был осажден и захвачен Переяславль-Южный, а осенью — Чернигов, после чего Мунке двинулся к Киеву, но то ли не смог его взять, то ли не имел на то полномочий. Последнее представляется более вероятным, поскольку в начале осени следующего года войска монголов под общим командованием Бату, верховного главнокомандующего, осадили Киев. Осада «матери городов русских» длилась с 6 сентября по 19 ноября, а возможно и по 6 декабря 1240 г. Город был жестоко разорен, однако не так сильно, как считали позднейшие исследователи: уже 4–5 лет спустя в Киев приезжали торговать иностранные купцы.

После захвата Киева войска Бату двинулись в Юго-Западную Русь и в начале 1241 г. захватили Галич, Владимир-Волынский, Каменец, Изяславль и другие города Галицко-Волынской земли. Небольшие, но хорошо укрепленные города Кременец и Данилов оказали упорное сопротивление, и монгольские войска не стали задержи-

ваться, поскольку спешили вторгнуться в Венгрию, пока венгерские войска не заперли перевалы в Карпатах.

Формальным поводом для нападения Бату на Венгрию стало то, что король Бела IV предоставил убежище кипчакскому хану Котяну — злейшему врагу монголов еще со времен битвы на р. Калке (в 1223 г.). Король Венгрии не только позволил кипчакам укрыться в своих владениях, но и не реагировал на многочисленные послания монгольского хана Угедэя, требовавшего их выдачи. Непродуманная политика Бела IV повлекла монгольское вторжение и разорение его страны. Стоит отметить, что в походе на Венгрию приняли участие и выходцы из Южной Руси, которые только что упорно сопротивлялись монголам, но охотно согласились вместе с ними пойти на «угров».

Несмотря на то, что Бату обладал статусом верховного главнокомандующего, фактически вся стратегия вторжения в Европу была разработана и реализована Субэдэй-багатуром — выдающимся монгольским полководцем, соратником Чингис-хана. Согласно его плану, вторжение в Центральную Европу состоялось по трем направлениям.

Южная колонна под командованием Кадана, Бюджека и Бури двинулась на территорию Молдавии и Валахии.

Северная колонна, возглавляемая Орду и Байдаром, ворвалась в Польшу и 9 апреля 1241 г. разгромила у Лигницы цвет польского рыцарства под предводительством Генриха Силезского — самого могущественного из польских князей, который сам погиб в этой битве. Военные действия в Польше не были основными и имели це-

лью лишь не допустить соединения польских и чешских правителей с венгерским королем. Поэтому вскоре после битвы у Лигницы войска Орду и Байдара покинули Польшу и соединились с основными силами монголов.

Центральная колонна монгольских войск под командованием самих Бату и Субэдэй-багатура вторглась непосредственно в Венгрию. 11 апреля 1241 г. на р. Шайо войска Бату встретились с армией короля Белы IV и полностью разгромили ее. Битва у Шайо является весьма знаменательной страницей в биографии Бату, поскольку на этот раз именно он осуществлял командование войсками и имел полное право отнести победу над венграми на свой счет. Правда, согласно китайский династийной истории «Юань ши», Бату просто-напросто пришлось принять на себя руководство сражением с венграми, так как Субэдэй-багатур с частью войск отправился форсировать реку и задержался в поисках переправы. Когда же Субэдэй, наконец, подошел, Бату обрушил на него упреки в неисполнении обязанностей военачальника и в гибели войск из-за его опоздания. Однако впоследствии все же вынужден был признать, что «все, что захватили в то время, — это заслуга Субэтая!»

Между тем, венгерский король Бела, потеряв всю свою армию, бежал на запад, и монголы преследовали его, попутно захватывая венгерские города и деревни. В результате к концу 1241 г. восточная Венгрия оказалась во власти монголов. Сами венгры называют период господства монголов в Венгрии (кон. 1241 — весна 1242гг.) «тартарьярас» и считают одним из тяжелейших периодов своей истории. Но, кажется, Бату вовсе не собирался уничтожать страну: согласно современнику

и очевидцу событий, канонику Рогерию, он приказал заняться восстановлением хозяйства и даже привлек к сотрудничеству часть венгерских и немецких феодалов, которым удалось убедить население вернуться обратно в города и деревни.

Монархи Европы, между тем, не были готовы к оказанию вооруженного сопротивления столь активно продвигавшимся на запад монголам. Один, король-крестоносец Людовик IX, готовился принять мученический венец в случае вторжения варваров во Францию. Другой, император Фридрих II, по некоторым сведениям даже вел переписку с Бату, намереваясь вступить с ним в союз против папы римского (по другим сведениям, напротив, папа римский Григорий IX намеревался использовать монголов в борьбе против императора). И в таких условиях просто как божья милость была воспринята весть о том, что монголы уходят из Европы: такой приказ Бату отдал весной 1242 г.

Русские историки уверены, что Бату заставила повернуть назад упорная борьба русского народа в тылу его войск, их европейские коллеги придерживаются мнения, что превосходно вооруженные и обученные рыцари остановили натиск легкой конницы «варваров». Однако средневековые источники ничего не говорят о «партизанской борьбе» русского народа — напротив, русские пополнили ряды войск Бату в походах на Польшу и Венгрию. Об «успехах» же европейского рыцарства свидетельствуют итоги битв у Лигницы и на р. Шайо! Причиной ухода Бату из Европы было решение поставленных задач — уничтожение хана Котяна и обеспечение безопасности западных границ Монгольской империи.

К тому же, получив известие о смерти хана Угедэя, скончавшегося в конце 1241 г., он, согласно обычаю, должен был прервать поход и явиться на курултай для избрания нового монарха. Это стало вполне обоснованным поводом прекращения наступления на Запад. Великий поход подошел к концу, как и карьера Бату в качестве военачальника.

Завершая рассказ о «второй жизни» Бату, обратим внимание на весьма примечательный факт: за весь поход он только в битве при Шайо и командовал лично войсками — во всех остальных сражениях и осадах другие Чингизиды или полководцы более ярко проявляли свои полководческие таланты. Так, в Волжской Булгарии это был Бурундай, при осаде Москвы — Шибан, при осаде Козельска — Кадан и Бури; Рязань, Владимир, Киев и другие города осаждали войска сразу нескольких Чингизидов. Следовательно, нет никаких оснований считать Бату выдающимся полководцем, да и сам он, по-видимому, к этому не стремился. Гораздо более ярко он проявил себя в «третьей жизни» — жизни политика и правителя, начавшейся с 1243 г.

V

Между смертью хана Угедэя и воцарением его преемника на троне Монгольской империи прошло около пяти лет. Причиной столь затянувшегося «междоусобия» стали многочисленные интриги членов «Золотого рода», стремившихся посадить на опустевший трон наиболее устраивающих их кандидатов, каковых насчитывалось не менее трех-четырёх. Среди претендентов на

трон называли имена Гуюка, старшего сына Угедэя, его брата Годана, племянника Ширэмуна (внука Угедэя) и даже Тэмугэ-отчигина, брата Чингис-хана. Пока шла борьба за трон различных группировок, фактическая власть в стране принадлежала Туракине-хатун, вдове Угедэя, которая вполне была довольна сложившейся ситуацией и не очень-то желала проведения курултая и выборов нового хана.

Немалое значение имело и то, что Бату, глава Золотой Орды не спешил ехать на курултай: вскоре стало ясно, что наиболее вероятным претендентом на трон Монгольской империи был Гуюк (сын Угедэя), с которым Бату открыто враждовал. Естественно, правитель Улуса Джучи не горел желанием поскорее посадить на трон своего недруга и под разными благовидными предложениями оттягивал свое участие в курултае. А поскольку после смерти в мае 1242 г. Чагатая, последнего из сыновей Чингис-хана, Бату стал «ака» — старейшиной рода Чингизидов, без его участия курултай просто не мог состояться. В результате выборы преемника Угедэя затянулись на пять лет, однако Бату в конце концов пришлось согласиться на проведение курултая. Сам наследник Джучи так и не прибыл в Монголию, но в курултае участвовали насколько его братьев, которые в соответствии с указаниями Бату поддержали кандидатуру Гуюка.

За время междоусобия 1242–1246 гг. Бату восстановил порядок в завоеванных странах и существенно укрепил свои позиции. Фактически именно при нем оформились более-менее стабильные границы Золотой Орды, хотя считать его основателем этого государства (как делают многие исследователи) оснований нет: ни при Бату,

ни при его ближайших преемниках Улус Джучи не являлся самостоятельным государством, и его правители не обладали ни независимостью, ни ханским титулом (первым ханом Золотой Орды стал лишь в 1269 г. Менгу-Тимур, внук Бату).

Тем не менее, именно при Бату были заложены основы могущества и будущей независимости Золотой Орды. Он не только объединил под своей властью многочисленные народы и племена Сибири, Урала, Поволжья, Дешт-и-Кипчака и южнорусских степей, но и сумел создать эффективную систему управления. И хотя формально Бату делил власть со своим старшим братом Орду, возглавлявшим восточное крыло Улуса Джучи (современные Урал, Западная Сибирь, Северный Казахстан), а несколько других братьев и менее близких родичей управляли крупными уделами, верховная власть Бату в Улусе Джучи не оспаривалась на протяжении всего его правления. Кроме того, в 1243–1246 гг. Бату установил монгольский сюзеренитет над соседними государствами — княжествами Северо-Восточной Руси, Грузией, Сельджукским султанатом, княжеством Феодоро в Крыму, возможно — над Влахо-Болгарским царством. Наместники Бату управляли также и некоторыми иранскими областями.

Таким образом, Бату был готов противостоять хану Гуюку. Однако, понимая, насколько катастрофичны для Монгольской империи (а возможно, и для него лично) могут оказаться последствия этого противостояния, наследник Джучи неоднократно старался найти общий язык с новым ханом. Так, в беседах с иностранными по-

слами Бату всячески подчеркивал свое единомыслие с Гуюком (в частности, об этом пишет участник таких бесед, Иоанн де Плано Карпини, посланец папы римского). Когда встал вопрос о назначении вассальных правителей на Руси, в Грузии и Сельджукском султанате, Бату не принял решение лично, а отправил претендентов на трон к монгольскому хану. В результате на Руси появились два великих князя (Александр Невский и его брат Андрей), в Грузии — два царя (Давид Нарин и Давид Улу), а в государстве Сельджуков — два султана (Изд ад-Дин Кей-Кавус и Рукн ад-Дин Килич-Арслан). При этом один из каждого дуумвирата был ставленником Багу, другой — Гуюка.

Тем не менее, вооруженный конфликт между ханом Гуюком и главой рода Чингизидов Бату представлялся неизбежным, несмотря на попытки Бату и других родичей закончить дело миром. В начале 1248 г. Гуюк, собрав значительные силы, двинулся к границам Улуса Джучи, с сарказмом заявив: «Погода склоняется к теплу, воздух Имиля подходит для моей природы, и тамошняя вода благотворна для моей болезни», тем самым намекая на постоянные отказы Бату приезжать в Монголию под предлогом нездоровья. Формально хан лишь требовал от Бату выразить ему покорность, что тот до сих пор не сделал, поскольку так и не явился на курултай. Но все понимали, что в Монгольской империи началась гражданская война, которая должна была закончиться лишь со смертью одного из соперников. Более расторопным оказался Бату: около Самарканда Гуюк как-то очень своевременно скончался; посланник французского коро-

ля Вильгельм де Рубрук, посетивший Монголию несколько лет спустя, со слов другого французского дипломата прямо обвинил Бату в организации убийства Гуюк-хана.

VI

Как и в прошлый раз, «междоусобица» в Монголии затянулось на несколько лет. На трон претендовали сразу два сына Гуюка, Наху и Ходжа, и его племянник Ширэмун. Пока царевичи из рода Угедэя спорили за власть, регентство, как и в прошлый раз, перешло к вдове умершего хана — на этот раз к Огуль-Гаймиш, старшей супруге Гуюка. Бату поначалу поддержал регентшу, когда начались раздоры между ней и ее собственными сыновьями, претендовавшими на трон. Но вскоре правитель Золотой Орды предпринял такие действия, которые сегодня можно было бы назвать государственным переворотом.

По его решению в 1249 г. был созван очередной курултай — причем на этот раз не в Монголии, а во владениях самого Бату. Помимо его братьев, на курултай съехались сыновья Тулуя — Мунке, Арик-Буга и Мого, сын Угедэя Кадан и сын Чагатая Мауци (оба последних просто не могли не явиться, поскольку имели уделы во владениях Бату). Приехали также и внук Чагатая Кара-Хулагу и сыновья Гуюка, Наху и Ходжа, которые сразу же заняли подчеркнуто независимую позицию, демонстрируя свою незаинтересованность в решениях курултая. Уже на следующий день они покинули место сбора, оставив вместо себя некоего Темур-нойона, которому дали

указания: «Бату — ака всех царевичей. Что бы он ни приказал, его слово закон. Мы соглашаемся со всем, что он посоветует и что сочтет наилучшим, и не будем возражать против этого». Аналогичным образом действовал и несостоявшийся наследник Угедэя Ширэмун, который даже не соизволил прибыть на курултай, а направил туда своего представителя Конкур-Токай-нойона, дав ему примерно такие же наставления. Видимо, Угедэиды и Чагатаиды полагались на завещание Чингис-хана и на уже сложившуюся традицию, согласно которой именно потомство Угедэя должно было наследовать монгольский трон.

Однако Бату сделал заявление, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. Это было фактически обвинительное заключение против Угедэидов, согласно Рашид ад-Дину, состоявшее в следующем: «Дети Угедэя поступили вопреки словам отца и не отдали трон Ширэмуну, и, преступив закон и обычай, убили без суда младшую дочь Чаур-сэчен [любимую дочь Чингис-хана, упоминаемую в монгольских источниках под именем Актылун-хаан — *Р. П.*]. По этой причине ханство им не подобает». Убедительны были эти доводы или нет, но Бату прекрасно понимал, что собравшиеся у него Чингизиды и нойоны были полны решимости отстранить Угедэидов от трона Монгольской державы, а потому им было вполне достаточно и таких оснований.

И пока участники курултая переваривали неожиданное заявление главы рода, Бату, не дав им опомниться, предложил в качестве альтернативы потомкам Угедэя своего ставленника — Мунке, сына Тулуя (четвертого сына Чингис-хана). Примечательно, что когда родичи

предложили трон самому Бату, он отказался, заявив, что предпочитает управлять своей Золотой Ордой. Уверовав после смерти Гуюка в свое могущество, Бату даже попытался провести в собственных владениях курултай для выборов хана, но неожиданное упорство Чингизидов все же заставило его согласиться на проведение выборов в традиционном месте — в Монголии, на берегу р. Онон.

В Монголию Бату, однако, как и в прошлый раз, не поехал. Вместо этого он отправил в Монголию своего брата Берке с 30 000 воинов, которые и обеспечили «победу» Мунке в 1251 г. Вскоре после воцарения Мунке сторонники семейства Гуюка составили заговор с целью убийства нового хана, но их заговор был раскрыт, а многие заговорщики были казнены. Некоторые из врагов Мунке и Бату — Бури, внук Чагатая и Эльджигитай, племянник Чингис-хана, были отправлены к Бату, который не смог отказать себе в удовольствии лично расправиться с давними противниками.

После воцарения Мунке статус Бату повысился еще больше: он стал формальным соправителем нового хана в западных уделах Монгольской империи, получив право издания ярлыков, что являлось прерогативой исключительно ханов. Любопытно, что Бату ханского титула так и не получил: персидский историк Джувейни называет его «каан-ака» (т. е., «старший над ханами»), а армянский летописец Киракос Гандзакечи — «ханским отцом», вероятно переводя так титул, упомянутый Джувейни.

Казалось бы, в Монгольской империи наконец-то наступили мир и согласие. Мунке заявлял посланцу Лю-

довика IX Вильгельму де Рубруку: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату». Но вскоре выяснилось, что Мунке оказался далеко не таким покладистым правителем, как рассчитывал Бату. Хан начал всячески укреплять центральную власть и ограничивать права улусных владетелей, самым влиятельным из которых был как раз Бату. Дошло даже до того, что хан урезал доходы Бату от его восточных владений (в Китае и Центральной Азии), заявив, что следует экономнее расходовать средства государственной казны! И самое обидное, приходилось подчиняться: что сказали бы другие Чингизиды, откажись Бату повиноваться хану, которого сам же и возвел на трон?

Бату пришлось пойти на ряд уступок хану: вынужден был разрешить провести в Золотой Орде перепись населения, направил часть своих войск на помощь Хулагу, брату хана, готовившемуся выступить в поход на Иран. Но и Мунке, в свою очередь, пошел на компромисс со своим соправителем: признал за Бату право контролировать политику Волжской Булгарии, Руси, Северного Кавказа. Но земли Закавказья, Ирана и Малой Азии до самой смерти Бату оставались яблоком раздора между Сараем и Каракорумом. А после смерти Бату и Мунке правители Золотой Орды и Ирана начали из-за этих территорий открытую войну, продолжавшуюся более ста лет. Тем не менее, сам Бату политикой взаимных уступок сумел сохранить единство Монгольской империи, по крайней мере, еще, на полтора десятилетия.

VII

Многие отечественные исследователи, опираясь преимущественно на сообщения русских летописцев, склонны считать, что основу политики Бату составляли отношения с русскими князьями, причем представляют наследника Джучи «врагом Руси № 1». Вряд ли подобное мнение обоснованно: русские княжества представляли для Бату не такой уж большой интерес по сравнению с владениями в Иране, Передней Азии и на Кавказе, не говоря уж об интригах при ханском дворе в Каракоруме. Тем не менее, следует сказать несколько слов о взаимоотношениях Улуса Джучи и русских княжеств.

В 1243 г. великий князь Ярослав, брат Юрия Всеволодовича, убитого на Сити в 1238 г., прибыл к Бату и был признан «старей всем князем в русском языке». Согласно новейшим исследованиям российских историков, именно с этого времени термин «великий князь» на Руси превращается из почетного прозвища в реальный титул. Примечательно, что после 1249 г. этот титул оставался исключительно за потомками Ярослава. В 1244–1252 гг. вассалами Бату стали также князья Ростовской земли и Рязанского княжества. Тем не менее, первые великие князья — сам Ярослав, его сыновья Андрей и Александр Невский — вынуждены были ездить в Каракорум для официального подтверждения своего титула ханом. Лишь с воцарением Мунке Бату приобрел право самостоятельно утверждать русских правителей.

Несколько иная ситуация складывалась в Южной Руси. Некоторые территории Переяславского, Черниговского, Киевского и Галицко-Волынского княжеств, при-

годные для кочевников, непосредственно вошли в состав Золотой Орды. Местные князья для сохранения остальных своих владений также вынуждены были подтверждать свой статус у ее правителя. Не все из них в этом преуспели: так, в 1245 или 1246 г. в ставке Бату были умерщвлены черниговские князья Михаил Всеволодович и Андрей Мстиславич. Зато другой влиятельный князь Южной Руси, Даниил Галицкий, примерно в то же время побывавший у Бату, сумел расположить его к себе. Это повысило авторитет Даниила среди восточноевропейских государей. Однако вскоре, к концу правления Бату, Даниил сблизился с Польшей, Венгрией и папой римским и начал военное противостояние с Ордой. Только решительные действия Берке в 1258–1260 гг. позволили монголам сохранить свои владения в южно-русских степях.

В 1252 г. великий князь Андрей Ярославич также выступил против монголов. Исследователи склонны трактовать его действия как проявление «западничества», однако, на наш взгляд, факты позволяют сделать несколько иной вывод. Во-первых, самый главный «западник» на Руси — Даниил Галицкий не поддержал Андрея, хотя и был его тестем. Во-вторых, выступление великого князя произошло примерно в то же время, что и заговор потомков Угедэя против Мунке. А если вспомнить, что Андрей получил великокняжеский титул из рук либо Гуюка, либо его вдовы Огул-Гаймиш, то вполне очевидным представляется, что великий князь действовал отнюдь не в интересах Запада, а наоборот — в союзе с потомками Угедэя. Именно это, вероятно, и заставило Бату жестоко подавить выступление Андрея

Ярославича: карательный рейд монголов, получивший в русских летописях название «Неврюевой рати», причинил Северо-восточной Руси еще большие опустошения, чем «Батыев погром» 15 лет назад! Андрей Ярославич потерпел поражение и бежал, а великим князем стал союзник Бату Александр Невский.

«Неврюева рать» является, пожалуй, единственным примером активного вмешательства Бату в дела Руси. Чаще же он принимал русских князей в своей ставке или отправлял собственных посланцев на Русь. Тем не менее, именно Бату стал олицетворением злых степных сил, приносивших Руси беды и разорения, хотя при его преемниках походы ордынцев на Русь были куда более разорительны и часты, чем при самом Бату...

VIII

Гораздо больше внимания Бату уделял внутренней политике, а также своим владениям в Дешт-и Кипчаке, Крыму и вассальным государствам в Закавказье и Малой Азии.

Так, именно при Бату фактически начала складываться система права Улуса Джучи, существенно отличавшаяся от правовой системы Монгольской державы. Как формальный соправитель хана Мунке, Бату имел право выдавать ярлыки (прерогатива, принадлежавшая только верховным правителям — ханам). Согласно Джувейни, «султанам Рума, Сирии и других стран он жаловал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто являлся к нему, не возвращался без достижения своей цели». Помимо ярлыков — жалованных грамот, Бату также изда-

шил ярлыки, представлявшие собой решения по судебным делам: армянский историк Киракос Гандзакецци пишет, что «начали являться к нему цари и царевичи, князья и купцы — все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И Батый судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил, его области и владения, и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его».

Вероятно, во многом благодаря Бату наибольший вес в системе права Золотой Орды приобрели именно ханские ярлыки, а не кодифицированное законодательство, как, например, в империи Юань. С помощью ярлыков Бату и его преемникам удавалось оперативно и эффективно ликвидировать «пробелы» в Ясе Чингис-хана, которую запрещалось изменять и дополнять. Впоследствии эту практику настолько активно продолжили преемники Бату, что вскоре ханские ярлыки стали основным источником права Улуса Джучи, оттеснив на второй план и торе — обычное право, и ясы — право монгольских хаганов. При этом и на торе, и на ясу Джучиды с пиететом ссылались в своих ярлыках и своих решениях в течение еще нескольких столетий!

В последние годы жизни Бату неоднократно заставлял своих золотоордынских родичей и нойонов перекочевывать с одного места на другое. Он это делал, чтобы не позволять им закрепляться в полученных ими владениях и обзаводиться союзниками из числа местной знати. Стремясь не допустить появления автономных наследственных уделов, Бату периодически «перетасовывал» владения своих родственников, переводя царевичей

под разными предлогами из одних уделов в другие. Пример подобной политики наследника Джучи приводит Вильгельм де Рубрук, посланник французского короля, побывавший в Золотой Орде в 1252–1253 гг.: «У Бату есть еще брат по имени Берка, пастбища которого находятся в направлении к Железным воротам, где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Бату и проезжая через владения Берки, привозят ему дары... Тогда, по нашем возвращении, Бату приказал ему, чтобы он передвинулся с этого места за Этилию, к востоку, не желая, чтобы послы сарацин проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным».

Доставляли Бату проблемы и некоторые регионы Золотой Орды, обладавшие особым, специфическим статусом. Так, например, сохранилась приписка на греческом синаксаре крымского города Сурожа (Судака): «В тот же день (27 апреля 1249 г.) очищено от татар все... и счел севаст (правитель) народ... и праздновал торжественно». С этого времени Бату был вынужден ограничить зависимость Сурожа от Улуса Джучи лишь уплатой дани. Восстановление власти Золотой Орды над этим регионом состоялось уже при Берке.

Согласно степным и сибирским татарским преданиям, в начале 1250-х гг. в результате восстания была сброшена власть ордынских правителей и в Западной Сибири, причем при этом погиб старший брат Бату — Орду, управлявший этими землями. И хотя восстание вскоре удалось подавить, это не могло вернуть наследнику Джучи брата, которого он очень уважал, и который его всегда поддерживал.

Вмешивали Бату в свои распри также и правители соседних государств — грузинские цари Давид Улу (сын Георгия IV Лаши, ставленник Гуюка) и Давид Нарин (сын царицы Руссудан, протеже самого Бату) постоянно спорили за власть. Стремление Бату примирить соперников не привело, однако, к миру, и оба царя постепенно стали все больше подпадать под влияние иранских монгольских наместников, а затем — ильханов Ирана.

Бату приходилось также держать под контролем государство Сельджуков, которое уже давно старался подчинить себе Байджу — наместник монгольского хана в Иране, давний недоброжелатель Бату. После воцарения Мунке в Руме воцарился Изз ад-Дин Кей-Кавус II, признавший сюзеренитет Бату. Но вскоре Байджу стал пытаться противопоставить новому султану его младшего брата Рукн ад-Дина Килич-Арслана IV. Чтобы разрешить спор по поводу трона, братья-соперники отправились на суд к Бату. С ними вместе выехал и еще один соискатель трона, их младший брат Ала ад-Дин Кей-Кубад III, но по дороге старшие братья нашли общий язык на почве ненависти к младшему и убили его. Бату пришлось принять компромиссное решение: Кей-Кавус II остался правителем западных земель султаната, Килич-Арслан IV — восточных. Как и в случае с грузинскими царями, таким решением остались недовольны все. Конфликт между братьями приобрел вооруженный характер, и вскоре Кей-Кавус напал на брата, захватил его в плен и бросил в тюрьму, о чем направил послов к правителю Золотой Орды. Бату, довольный победой

своего протезе, принял его посланников очень ласково и постарался еще больше ограничить контроль Байджу над Сельджуками.

Однако гораздо больше, чем все смуты и раздоры внутри Золотой Орды и в вассальных государствах, Бату беспокоило охлаждение отношений с монгольским ханом. Чтобы попытаться восстановить доверие и дружбу с Мунке, Бату в 1255 г. отправил в Каракорум своего старшего сына Сартака. Сын Бату прибыл в Каракорум и, в самом деле сумел расположить к себе хана, но это уже не имело никакого значения, ибо очень скоро в столицу пришло известие о смерти правителя Улуса Джучи.

IX

Бату умер в 1256 г. Наиболее вероятно, что причиной его смерти стало какое-то ревматическое заболевание, которым он страдал много лет: средневековые авторы сообщают, что у него были «слабость членов», онемение конечностей, а лицо его было покрыто красноватыми пятнами и пр. Однако некоторые современные авторы, опираясь на чисто фольклорную «Повесть об убиении Батыя», составленную в XV в., делают вывод о его гибели во время очередного похода! Собственно, подобные сообщения относятся уже к «четвертой жизни» Батыя — к жизни в истории и легендах.

Как ни странно, в исторических сочинениях сведения о Бату довольно скудны. Собственно золотоордынских исторических трудов не сохранилось, а историки из других государств Чингизидов не считали нужным уделять много внимания правителям Улуса Джучи, с кото-

рым их государства (империя Юань в Китае, Чагатаев Улус в Средней Азии, государство ильханов в Иране) чаще всего враждовали. Не больше сведений о преемнике Джучи содержится в русских летописях и трудах историков из восточных государств, имевших контакты с Золотой Ордой. Как ни парадоксально, наиболее подробные сведения о Бату представлены в сочинениях европейских авторов Иоанна де Плано Карпини, Бенедикта Поляка и Вильгельма де Рубрука, лично общавшихся с наследником Джучи.

Именно поэтому Бату в большей степени сохранился в народной памяти (особенно на Руси) в образе былинного персонажа. Естественно, его образ в русских былинах весьма далек от исторического прототипа: былинный Батый («Батыга») — это квинтэссенция сил зла, стремящихся разорить и поработить русский народ, он обладает «огненным дыханием», поклоняется «Магомету» (хотя по сообщениям восточных авторов Бату весьма скептически относился к любой религии) и является самым главным врагом Руси. Даже Мамай в т. н. «повестях Куликовского цикла», готовясь к походу на Русь, сравнивается именно с Батыем.

Большой вклад в пропаганду такого образа Бату внесли русские дореволюционные и советские историки, опиравшиеся преимущественно на сообщения русских летописей и фольклорные или житийные сочинения вроде «Повести о разорении Рязани Батыем», «Повести об убиении Батыя» и пр. Поэтому до недавнего времени исследователи практически не занимались его личностью и деятельностью, предпочитая составлять

и «клонировать» жизнеописания национальных героев — Александра Невского, Даниила Галицкого и др., а о «враге № 1» просто умалчивать.

Лишь к концу XX в. историкам было позволено иметь мнение о том, что Бату, может быть, был не совсем таким чудовищем, каким его представили летописцы. И исследователи, обратившиеся к историческим трудам восточных средневековых авторов, с большим удивлением обнаружили, что Бату был вовсе не кровожадным монстром, а великодушным и щедрым правителем, опытным дипломатом, весьма терпимым в национальном и религиозном отношении политиком. А Л. Н. Гумилев даже позволил себе поставить Батю на один уровень с Карлом Великим, отметив при этом, что держава Карла распалась вскоре после его смерти, а Золотая Орда на долгие годы пережила своего основателя. В последнее время начали появляться исследования, посвященные жизни и деяниям Бату, в которых он предстает не как главный враг Руси, но и не как идеальный правитель, а как реальный политический деятель со своими достоинствами и недостатками, но в любом случае вписавший значительную страницу в историю средневековой Евразии.

Как уже отмечалось выше, Бату до самой смерти оставался правителем Золотой Орды, не нося ханского титула. Тем не менее, в ряде средневековых источников — восточных исторических сочинений, русских летописей, западных хроник он упоминается с титулом «Саин-хан». Английский исследователь Дж. Бойл склонен полагать, что этот термин означал лишь «покойный», т. е. был по-

смертным титулом Бату, равно как и ряда других правителей. Действительно, эпитет «саин» периодически встречается в восточных средневековых сочинениях, когда речь идет об умерших монархах. Но «Саин-хан» был только один: под этим титулом Бату фигурировал даже в ярлыках ханов поздней Золотой Орды.

Очерк второй

БЕРКЕ, ИЛИ МЛАДШИЙ БРАТ

(правитель 1257–1266)

Берке, младшего брата великого Бату, историки неизбежно должны были сравнивать со старшим братом. Вполне возможно, что именно дух соперничества, желание войти в историю не только в качестве родственника выдающегося правителя, но и как самостоятельного деятеля, подталкивало его к активной деятельности, и это, в конечном счете, привело к тому, что он стал одним из выдающихся правителей Золотой Орды.

I

В 1220 г. при взятии монголами крепости Илал в Мазандеране в плен к Чингис-хану попали Теркен-хатун, мать хорезм-шаха Алла ад-Дина Мухаммада, и ее внучка Хан-Султан, старшая дочь хорезм-шаха. Чингис-хан отдал ее в жены своему старшему сыну Джучи, которому предстояло стать правителем значительной части бывших владений хорезм-шаха. Несколько лет спустя у Джучи и Хан-Султан уже было три сына — Берке, Беркечар и Бури. По-видимому, Берке, старший из них, родился около 1221 г. Уже с раннего детства Берке и его братья воспитывались в мусульманских тради-

ниях. И это легко объясняет, почему он покровительствовал исламу в те годы, когда возглавлял Золотую Орду.

Впрочем, до этого было еще далеко, а поначалу у Берке было не так уж много шансов рассчитывать на джучидский трон: у его отца было несколько старших сыновей, у которых, в свою очередь, появились дети. Лучшее, на что мог рассчитывать Берке, — это обладание собственным улусом. Принимая во внимание его происхождение по материнской линии, Джучи, по-видимому, намеревался выделить сыну область в мусульманских землях и отправил юного царевича учиться в Ходжент.

В 1227 г. Берке узнал о смерти своего отца, а затем и деда — Чингис-хана. И вскоре царевичу пришлось прервать учебу: вместе со своими братьями Орду, Бату, Шибаном, Беркечаром и Туга-Тимуром Берке отправился в Монголию, на курултай 1228–1229 гг., на котором был избран преемник Чингис-хана.

Как известно, наследником Чингис-хана стал его третий сын Угедэй. Он подтвердил назначения, сделанные отцом, и вскоре выступил в поход на Китай. Берке, которому в это время было около семи-восьми лет, эти события, вероятно, не касались. Можно предполагать, что по возвращении из Монголии он отправился в Сыгнак продолжать учение и оставался там до 1238 г., когда его вызвал к себе старший брат, Бату.

II

Бату, в 1235/1236 г. возглавивший великий западный поход Чингизидов, был вынужден смириться с приказом хана Угедэя, согласно которому в этом походе участвовало

также множество его двоюродных братьев — сыновья Угедэя (Гуюк и Кадан), Тулуя (Мунке и Бюджек), сын Чагатая (Байдар) и его внука (Бури), а также Кулькан — младший сын самого Чингис-хана. Бату понимал, что потомки других сыновей Чингис-хана за свое участие в походе получают право требовать значительную часть добычи и вновь завоеванных территорий. Чтобы увеличить долю дома Джучи, Бату привлек к участию в походе своих братьев, достигших к тому времени совершеннолетия — Орду, Шибана и Тангута.

К 1238 г. Бату счел возможным вызвать для участия в походе и Берке, которому в это время исполнилось около семнадцати лет. Прибыв к старшему брату, Берке получил отряд (возможно, тумен) воинов, во главе которого в 1238–1239 гг. совершил несколько рейдов. Сначала он успешно расправился с кипчаками Нижнего Поволжья, разгромив и пленив их предводителей. Затем, по-видимому, именно Берке, преследуя недобитых кипчаков, разорил старинный южный русский город Переяславль, предоставивший убежище этим заклятым врагам монголов. Город был захвачен, разграблен и сожжен, жители перебиты или уведены в рабство. Среди погибших оказался даже Симеон, последний епископ Переяславля, хотя обычно монголы щадили духовенство (не исключено, что Берке допустил это убийство в силу своих мусульманских пристрастий).

Не секрет, что большинство царевичей-Чингизидов, принявших участие в походе на Запад, лишь номинально возглавляли свои войска, фактически же ими командовали опытные полководцы-темники. Есть основания полагать, что Берке командовал войсками сам и успешно

проявил себя на военном поприще. Впоследствии он, один из немногих правителей Золотой Орды, не раз будет еще возглавлять войска, которые под его командованием одержат ряд побед. Но это будет гораздо позже, десятилетия спустя — во время войны с персидскими ильханами. А в 1240 г. Бату, двинувшийся на Юго-Западную Русь и Венгрию, оставил Берке в арьергарде своих войск, действовавших против кипчаков, чтобы сохранить завоевания, пока основные силы монголов сражались в Центральной Европе.

К 1243 г. великий поход был окончательно завершен. Однако способности, проявленные Берке, заставили Бату отнестись к нему с большим вниманием и позволили привлечь младшего брата и к политической деятельности.

III

В 1246 г. Берке вместе с другими своими братьями отправился в Монголию, на курултай, на котором предстояло избрать преемника хану Угедэю, умершему еще в конце 1241 г. Были весьма велики шансы на избрание Гуюка — старшего сына Угедэя и главного недоброжелателя Бату. Поэтому вполне объяснимо было желание самого Бату не присутствовать на триумфе своего недруга. Впрочем, своим братьям Бату дал наказ поддерживать того кандидата, которого выберет большинство участников курултая. Как и ожидалось, новым ханом был избран Гуюк. На этот раз Берке пришлось ограничиться ролью рядового участника курултая и не удалось проявить своих качеств как политика.

За то это в полной мере удалось Берке в 1251 г., на следующем курултае, который он сам, собственно говоря, организовал и провел. После смерти Гуюка, скончавшегося при невыясненных обстоятельствах в 1248 г., Бату решил выдвинуть в ханы своего сторонника — Мунке, старшего сына Тулуя. В 1250 г. Берке прибыл в Монголию во главе представительной делегации, в которую вошли Сартак (старший сын Бату) и... тридцать тысяч воинов Золотой Орды!

Поскольку у Чингизидов и представителей знати практически не было сомнений, что будет избран Мунке, многие его противники просто-напросто отказывались участвовать в фарсе, в который обещали превратиться ханские выборы. Берке, отличавшийся решительностью, на этот раз запаниковал: все-таки, он был в далекой Монголии, среди почти незнакомых ему родичей и аристократов, и поддержки ему было ждать практически не от кого. В отчаянии он не придумал ничего лучше, чем написать письмо Бату: «Прошло два года, как мы хотим посадить на престол Менгу-каана, а потомки Угедей-каана и Гуюк-хана, а также Йису-Менгу, сын Чагатая, не прибыли». Бату ответил коротко и ясно: «Ты его посади на трон, всякий, кто отвернется от ясы, лишится головы», фактически объявив всех, кто не явится на курултай, нарушителями ясы.

И Берке с блеском провел курултай, который и в самом деле был в большей степени инсценировкой, да еще и без почти половины его обязательных участников! Несмотря на то, что явились преимущественно те царевичи и нойоны, которые считались сторонниками избрания Мунке, Берке решил принять беспрецедентные меры

безопасности, чтобы быть уверенным в результате выборов. Он окружил место проведения курултая тысячами своих воинов. Он нарушил установленный порядок раскладки участников, посадив на почетные места своих надежных нукеров, а тех царевичей и аристократов, в позиции которых сомневался, заставил сесть подальше, чтобы они не могли бы выразить свое несогласие достаточно громко. Естественно, избрание Мунке прошло как по маслу.

И, тем не менее, одно незапланированное действие во время избрания состоялось, и его инициатором оказался сам Берке: по сведениям некоторых источников, не согласовав свое намерение ни с Бату, ни с Мунке, он заставил новоизбранного хана поклясться на Коране, что тот будет оказывать покровительство мусульманам Монгольской империи. Мунке (отчасти благодарный Берке за содействие, отчасти опасавшийся джучидских туменов, все еще находившихся в Монголии) был вынужден подчиниться, но затаил неприязнь к исламу и к Берке лично, что впоследствии нашло отражение в политике нового хана.

С триумфом вернувшись в Золотую Орду, Берке начал стремительно выдвигаться среди царевичей и знати, фактически став вторым лицом в улусе после самого Бату. Возможно, впрочем, что это было связано не только с его политическими успехами в Монголии, но и с тем, что к 1251–1252 гг. скончались старшие братья, Орду и Шибан, и статус Берке значительно возрос не только в золотоордынской политике, но и в семейной иерархии Джучидов. Вместе с ханом Мунке и Бату он, в частности, принял участие в репрессиях против потомков

Чагатай и Угедя, устроивших в 1252 г. заговор с целью свержения и убийства новоизбранного хана. Бату, по некоторым сведениям, рассматривал Берке даже как своего соправителя. Высокое положение царевича, похоже, вскоре вскружило ему голову, и он время от времени стал позволять себе выходки, которые не всегда находили понимание и одобрение у Бату. Так, владея собственным уделом на Северном Кавказе, Берке зашел настолько далеко, что стал самостоятельно обмениваться посольствами с мусульманскими государями, принимая их послов и оставляя себе те почести и дары, которые формально предназначались его старшему брату. Естественно, властитель Золотой Орды поспешил осадить зарвавшегося братца: он отобрал у Берке удел на Кавказе и велел ему перекочевать за Волгу.

Однако эти меры не означали, что Берке был отстранен от государственных дел и утратил влияние в Золотой Орде вообще и на Бату в частности — совсем напротив. В 1253 г. братья вдруг узнали, что их ставленник Мунке без согласования с ними отправляет своего младшего брата Хулагу в поход на Иран, планируя закрепить за ним все иранские владения — включая и те, что прежде числились в сфере влияния Бату! К тому же, предписав Хулагу покончить с властью багдадского халифа — доброго друга Берке по переписке! Да еще и приказав правителю Золотой Орды выделить для участия в этом походе одну пятую часть всех своих войск! Возмущенный Берке явился к старшему брату и, согласно арабскому историку ал-Умари, заявил: «Мы возвели Менгукана и чем он воздаст нам за это? Тем, что оплачивает нам злом против наших друзей, нарушает наши договоры,

презирает нашего клиента и домогается владений халифа, моего союзника, между которым и мною происходит переписка и существуют узы дружбы. В этом есть нечто гнусное». Своими словами он настолько распалил гнев старшего брата, что Бату повел себя решительнее, чем ожидал от него Мунке: формально подчинившись приказу хана и начав собирать войска для иранского похода, он дал понять Хулагу, что вторжение в Иран очень огорчит его, Бату. В результате брат монгольского хана с войсками застрял на восточном берегу Амударьи, не решаясь провоцировать гнев ордынского правителя, и провел там более двух лет — до самой смерти Бату на рубеже 1255–1256 гг.

IV

Смерть наследника Джучи существенно изменила расстановку сил в Монгольской империи. И формально, и фактически всю полноту власти, наконец-то, получил Мунке-хан, соправителем которого Бату являлся в последние годы. Политические интриги начались и в самой Золотой Орде, где в борьбу за трон вступили два самых влиятельных после Бату царевича-Джучида — его брат, мусульманин Берке, и сын, христианин Сартак: оба активно участвовали в политической деятельности в последние годы правления Бату и поэтому не без оснований считали себя его наследниками.

Незадолго до своей смерти Бату отправил Сартака ко двору Мунке, чтобы тот попытался снизить напряжение между ним и ханом. Берке был немало обрадован удалением соперника из Золотой Орды. Но когда Бату

скончался, Мунке тут же утвердил его преемником Сартака, с которым, видимо, нашел общий язык за время его пребывания в Каракоруме.

Едва ли не первым волеизъявлением нового правителя Золотой Орды стал приказ ордынским войскам немедленно присоединиться к основным силам Хулагу: христианин Сартак не испытывал ни малейших сомнений по поводу необходимости борьбы с Багдадским халифатом. В результате у Хулагу не осталось никаких препятствий для начала похода, и он немедленно вторгся в Иран. Сартак, обласканный Мунке, двинулся в свои владения.

Берке, между тем, не собирался без борьбы уступать власть племяннику и поэтому развил бурную деятельность. Он установил прочные контакты с мусульманским купечеством и духовенством и через них сумел привлечь на свою сторону в борьбе с правителем-христианином практически всех мусульман Золотой Орды. В результате он получил немалые средства от ордынских торговцев, что помогло ему обеспечить и поддержку многих представителей знати и военачальников. Берке удалось склонить на свою сторону также золотоордынских Чингизидов и племенных вождей. Кого-то он привлек с помощью денег, кого-то — апеллируя к гордости и законопослушанию: мол, Мунке не имел права назначать правителя улуса, не посоветовавшись с ними; Сартаку, в свою очередь, не следовало соглашаться на это назначение, не предложив пост правителя сначала своим дядьям, как это предписывалось старинными монгольскими обычаями. В результате к возвращению Сартака

и Золотую Орду практически вся правящая верхушка улуса была настроена против него.

Впрочем, Берке до последнего не желал прибегать к крайним мерам и надеялся договориться с племянником. По словам персидского историка XIII в. ал-Джувзджани, он направил к нему посланца, которому велел передать такие слова: «Я заступаю тебе место отца; зачем же ты проходишь точно чужой и ко мне не заходишь?» Но Сартак, еще молодой и к тому же воодушевленный поддержкой хана Мунке и ослепленный ненавистью к дяде-иноверцу, пресек все попытки переговоров. Он прислал Берке дерзкий ответ: «Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское для меня несчастье». Берке ничего не оставалось как решиться на крайнее средство: он дал указания своему родному брату Беркечару, через владения которого должен был проезжать Сартак, и Беркечар, принимая у себя племянника, отравил его прямо на пиру. Несмотря на то что вина Берке и Беркечара была очевидна, вся Золотая Орда настолько была настроена против Сартака, что никто не осудил его дядьев.

Однако устранение главного соперника все же не позволило Берке занять желанный трон Золотой Орды. Мунке, не забывший своей неприязни к нему, узнав о смерти Сартака и тут же назначил правителем его сына, юного Улагчи, регентшей при котором стала его бабушка Боракчин, вдова Бату и мать Сартака. Улагчи находился у власти около года и даже успел за время своего правления произвести очередной передел владений в землях Руси: подтвердил права одних из русских князей и утвердил новых. Впрочем, годом позже, в 1257

(или начале 1258) г., он неожиданно умер. На этот раз прямых оснований для обвинения Берке в убийстве правителя не имелось, однако именно ему эта смерть была наиболее выгодна.

Теперь, казалось, между Берке и тронем не стояли соперники, но у него по-прежнему оставались препятствия для вступления на этот самый трон. Боракин-хатун, успевшая почувствовать вкус власти, не собиралась уступать ее своему шурина и попыталась сделать правителем Золотой Орды своего второго сына Тукана. Но она допустила роковую ошибку, решив опереться не на местную знать (которая, впрочем, в большинстве своем поддерживала Берке) и даже не на хана Мунке, а на его брата Хулагу — властителя Ирана. В отчаянной попытке сохранить хотя бы часть своей прежней власти, правительница предложила иранскому правителю фактически стать регентом Золотой Орды!

О переписке Боракин с Хулагу стало известно Берке, и, естественно, он не преминул обвинить правительницу в измене. И она в значительной степени подтвердила его обвинения: поняв, что ее замысел раскрыт, она пыталась бежать и добраться до Ирана, под защиту Хулагу. Тут даже наиболее преданные семейству Бату нойоны убедились в ее измене. И когда Боракин была перехвачена по пути, ни у кого не было сомнений в том, что она заслужила смерть.

После ее казни у Берке не оставалось уже никаких влиятельных соперников, несмотря на то что живы были другие сыновья Сартака. Однако брат Бату вполне отдавал себе отчет, что Мунке никогда не утвердит его правителем Золотой Орды. Когда же Берке узнал, что хан лич-

но отправился в поход против империи Сун в Южном Китае, он решился на крайне рискованный шаг: самолично провозгласил себя правителем Золотой Орды, фактически узурпировав власть.

В самой Орде Берке, как уже отмечалось, пользовался безусловной поддержкой большинства знати и значительной части населения — всех мусульман. Соседние страны не посмели вмешиваться во внутренние дела могущественного улуса Джучидов. Таким образом, единственная опасность для власти нового правителя могла исходить только от монгольского хана Мунке: известный своей приверженностью к законам, он мог сурово расправиться с узурпатором, бросившим вызов его власти!

Но пока Мунке находился в Китае, целиком поглощенный проблемами войны с империей Сун, Берке не слишком беспокоился. В конце концов, все правители смертны, и на войне могло случиться что угодно...

V

Берке не зря верил в провидение: действительно, осенью 1259 г. Мунке-хан умер в Южном Китае во время осады города Хэ-чжоу: по одним сведениям, от динтерии, по другим — от ранения в голову камнем из крепостного каменемета. Дальнейшие события в Монгольской империи развивались таким образом, что власть Берке в Золотой Орде укрепилась, а его влияние на имперском уровне существенно возросло.

У Мунке остались два младших брата — Хубилай и Арик-Буга, который был оставлен наместником в Монголии и считал это основанием, чтобы провозгласить себя

преемником Мунке. В 1260 г. Арик-Буга собрал в Каракоруме курултай, на котором был объявлен новым монгольским ханом. Это не понравилось его брату Хубилаю, который в момент смерти Мунке участвовал в кампании против Южной Сунн вместе с ханом, был талантливым администратором и полководцем и являлся, к тому же, наместником монгольских владений в Китае. Естественно, Хубилай посчитал достойным ханского трона исключительно себя, и поэтому одновременно с Арик-Бугой провел в Китае курултай, на котором также был провозглашен властителем Монгольской империи.

Соперники начали войну, причем сразу же постарались заручиться поддержкой своих родичей — улусных правителей. На стороне Арик-Буги выступили Алгуй, правитель Улуса Чагатая, и Хайду, претендовавший на власть в Улусе Угедэя. Однако Берке и Хулагу, самые могущественные из Чингизидов, предпочли сохранять нейтралитет. Впрочем, Берке, оценив соотношение сил соперников, предпочел поддержать слабейшего из них — Арик-Бугу, которого в течение нескольких лет признавал законным преемником Мунке. Несомненно, чем дольше длилась смута в Монгольской империи, тем дольше он мог не беспокоиться о сохранении собственной власти в Золотой Орде!

Между тем, Арик-Буга, поначалу добившийся в борьбе с братом некоторых успехов, очень скоро показал свою несостоятельность и как правитель, и как полководец; его союзники предали его, и в 1264 г. он сам был вынужден сдаться Хубилаю и отказаться от претензий на трон. Потерпевший поражение претендент рассматривался победителем как мятежник и в качестве такового

должен был быть предан смерти. Однако Хулагу и Берке, которые не принимали участия в гражданской войне и уже успели начать войну между собой, на этот раз выступили сообща и не позволили Хубилаю казнить своего брата. Победитель ограничился тем, что расправился с сановниками Арик-Буги, а его самого отправил в ссылку, где тот как-то очень быстро скончался спустя два года, в 1266 г.

Хубилай высоко оценил нейтралитет влиятельных улусных правителей и поэтому не предпринял никаких попыток сместить Берке как узурпатора власти. Впрочем, занятый гражданской войной, а затем и внешними завоеваниями, новый хан, вероятно, просто-напросто не имел возможности сделать это, даже если бы и захотел. В результате Хубилай был вынужден «спустить» Берке расправу с ханскими сборщиками дани на Руси (во время антимонгольского восстания в 1262 г.), которая произошла если и не по прямому приказу ордынского правителя, то, по крайней мере, с его молчаливого согласия.

Хубилай «отыгрался» годом позже. В отместку за то, что Берке в 1263 г. развязал войну с Хулагу, монгольский хан приказал перебить ордынских подданных в Самарканде и Бухаре, где Джучиды имели владения со времен Чингис-хана. Сами владения, естественно, были конфискованы в пользу хана, равно как и джучидские владения в Китае. Впрочем, вряд ли Берке сильно переживал по поводу этих потерь: среднеазиатские и тем более, китайские земли были далеко и, находясь в составе улусов других Чингизидов, принадлежали его семейству чисто формально.

Поэтому на эти действия Хубилая он никак не отреагировал, приобретя гораздо больше, чем потерял: монгольский хан не вмешивался в дела Золотой Орды вплоть до самой кончины Берке, позволив ему проводить самостоятельную политику в Европе и на Ближнем Востоке. Включая и войну с Хулагу, который был родным братом Хубилая — войну, которая заняла практически все последние годы правления Берке.

VI

Вражда Берке с его двоюродным братом Хулагу, как мы помним, началась еще в последние годы правления Бату в связи с тем, что Хулагу готовился начать поход против багдадского халифа — друга и союзника Берке. Однако лишь десятилетие спустя вражда эта вылилась в открытое военное противостояние.

Причиной войны были, несомненно, спорные территории, на которые претендовали правители Золотой Орды и которые по воле Мунке были отданы во владение Хулагу и его потомкам. Речь шла, в первую очередь, об Азербайджане — богатом регионе, являвшемся также важным и в стратегическом отношении: хозяин Азербайджана мог контролировать торговлю между Европой и Азией, а также управлять всем Кавказом и Северным Ираном. Борьба за обладание этим регионом затянулась на полтора столетия, но начало ей положил именно Берке.

Поводов же для начала войны с Хулагу у ордынского правителя накопилось предостаточно. Во-первых, Хулагу расправился с рядом мусульманских властителей

Ближнего Востока во главе с багдадским халифом, с которым Берке поддерживал дружественные отношения. Во-вторых, «очень кстати» выяснилось, что Хулагу не выплатил Берке законную пятую часть военной добычи за то, что ордынские войска участвовали в походе. В-третьих, несколько ордынских военачальников, участвовавших в походе Хулагу, как-то быстро и таинственно скончались в 1262 г. Наконец, на войне с Хулагу настаивал новый союзник Берке — египетский мамлюкский султан аз-Захир Бейбарс. Таким образом, война была предрешена, и оставалось только найти благоприятный момент для начала боевых действий.

Война началась в августе 1262 г., причем крайне неудачно для Берке. Передовые золотоордынские отряды под командованием Ногая, внучатого племянника Берке, вторглись в Ширван и столкнулись с авангардом войск Хулагу. Поначалу Ногай сумел разгромить немногочисленные пограничные отряды противника, но тут подоспел сам Хулагу во главе своих основных сил, обратил Ногая в бегство и гнал 12 дней в сторону ордынской границы. Развивая свой успех, ильхан в декабре того же года сам перешел в наступление, вторгся в пределы Золотой Орды и вскоре оказался у Дербента. Вторично разгромив Ногая под стенами Дербента, он захватил город. Часть войск Хулагу под командованием его старшего сына Абаги двинулась вдогонку за отступавшим Ногаем, переправилась через Терек и даже захватила его лагерь, в котором оставались жены и дети ордынских воинов.

Берке не ожидал столь решительных действий ильхана и оказался не готов к отпору, в результате чего иранские монголы сумели продвинуться в глубь ордын-

ских владений на пятнадцать дней пути. Впрочем, на этом успехи Хулагу и закончились. Берке спешно объявил всеобщую мобилизацию, приказав садиться на коня каждому своему подданному старше десяти лет, и вскоре его армия, превосходившая по численности силы ильхана, выступила навстречу захватчикам. Войска Хулагу, не принимая боя, начали отступать через Терек. При отступлении многие утонули в реке, провалившись под лед, который стал проламываться под тяжестью такого количества людей. Достигнув границы, Хулагу оставил заслон под командованием военачальника Ширэмуна (сына знаменитого Чормагуна, первого монгольского наместника в Иране), которому удалось сдерживать ордынские силы, пока сам ильхан не оказался в безопасности в своей ставке. Таким образом, первая военная кампания не принесла существенной выгоды ни одной из сторон: Берке отвоевал Дербент, а Хулагу вернулся в Тебриз, не завоевав новых территорий, но и не утратив имевшихся.

Годом позже Берке запланировал новое вторжение в Иран, и его авангард под командованием Ногая двинулся от Дербента в сторону владений ильхана. Хулагу, неготовый к схватке, запустил дезинформацию: его лазутчик явился в ордынский лагерь и сообщил Ногаю, что Хубилай, разгромивший своего мятежного брата Арик-Бугу, направил на помощь Хулагу тридцатитысячное войско. Ногай поспешил отступить.

В начале февраля 1265 г., в разгар подготовки к ответному вторжению, умер ильхан Хулагу. Берке счел этот момент весьма подходящим, чтобы перейти от военного противостояния к дипломатии и начал перегово-

ры с новым ильханом Абагой. У нового ильхана после вступления на трон было немало проблем, и он с готовностью пошел на мировую, приняв предложения Берке. Правитель Золотой Орды в качестве миролюбивого жеста попросил у него разрешения построить в Тебризе соборную мечеть и несколько ткацких фабрик. Разрешение было получено. Расценив уступчивость Абаги как слабость, Берке начал готовить новое вторжение в Иран, причем упомянутые заведения в Тебризе, по его замыслу, должны были стать местами сбора его сторонников, а их работники — еще и ордынскими соглядатаями. Узнав о планах ордынского правителя, Абага немедленно приказал разрушить его ткацкие фабрики. Берке, в свою очередь, повелел перебить иранских торговцев, находившихся в его владениях, и приказал немедленно начать наступление на Иран.

В начале 1266 г. золотоордынские войска под командованием все того же Ногая вторглись в пределы державы ильхана и расположились лагерем на р. Куре. Вслед за ним двинулись более крупные силы — пятьдесят тысяч воинов под командованием ордынского полководца Сунтая. Однако Абага оказался подготовлен к войне лучше, чем думали Берке и его военачальники, а дальнейшие события продемонстрировали, насколько несогласованными оказались действия ордынских полководцев. Ногай двинулся против Абаги, который начал притворное отступление, Сунтай же по непонятной причине решил, что войска Ногая окружены силами ильхана и разгромлены, и поэтому, в свою очередь, отдал приказ отступать. В результате Ногай оказался один против превосходящих сил ильхана. Юшумут, брат Абаги, неожиданно

напал на Ногая, разгромил его и обратил в бегство. Сам Ногай в битве был ранен и лишился глаза. Затем повторился сценарий первой кампании: Абага двинулся по следам отступавших воинов Ногая и дошел до Ширвана, где навстречу иранским монголам вновь выступил сам Берке с многочисленными войсками (по некоторым данным, до трехсот тысяч воинов), заставив Абагу отступить обратно за Куру. Ильхан захватил все переправы и укрепился на берегу, не давая ордынским войскам переправиться через реку. Берке в течение двух недель предпринимал безуспешные попытки форсировать Куру, после чего приказал своим войскам двигаться к Тифлису, чтобы переправиться там. Однако по пути Берке скончался, и его смерть заставила ордынских полководцев прекратить военные действия. Абага, воспользовавшись временным затишьем, приказал воздвигнуть на границе своих владений валы и рвы, после чего вернулся в Хорасан.

Так, со смертью двух инициаторов войны Золотой Орды с Ираном, как-то сам собой закончился ее первый этап. Продолжать войну предстояло уже преемникам Хулагу и Берке.

VII

Приход Берке к власти совпал с мощным сепаратистским движением в вассальных государствах. В последние годы правления Бату от Золотой Орды фактически отпали южный берег Крыма и Юго-Западная Русь. Сам Бату, с головой погрузившийся в имперскую поли-

тнику, не успел разобраться с этой проблемой, и теперь решить ее предстояло его младшему брату.

И Берке уладил ее с присущей ему энергией и решительностью. Первым делом он отправил свои отряды в Крым, но, к чести и золотоордынского правителя, и самих обитателей Крыма, обошлось без кровопролития: местное население вновь признало власть монголов в Крыму, приняло их наместников и стало выплачивать ранее установленные налоги и сборы. Собственно, этим ишеть ордынского правителя в Крыму и ограничивалась: Берке, как и его преемники, прекрасно осознавал своеобразие этого торгового региона (складывавшееся в течение веков) и важность его для Золотой Орды, а потому не стремился жестко контролировать его.

Гораздо больше трудностей ждало ордынского владителя на пути к восстановлению сюзеренитета над Юго-Западной Русью. Ее правитель, Даниил Романович Галицкий, начал активное сближение с государствами Центральной Европы, женил двух своих сыновей на венгерской и австрийской принцессах, а сам в 1253 г. принял королевский титул. Понадеявшись на помощь родителей-союзников, он начал решительно вытеснять ордынских наместников из своих владений, а также расправляться с их местными ставленниками — русскими боярами и градоначальниками. Его не останавливало даже то, что он открыто выступал против воли ордынских правителей: так, например, он приказал казнить Андрея, наместника в городе Кременце, за постоянные измены, несмотря на то что наместник потрясал перед ним «Батыевой грамотой». Куремса, ордынский даруга в Южной Руси (сын Орду и племянник Бату), не имел

достаточно сил, чтобы противостоять ему, и поэтому был вынужден пассивно наблюдать, как его людей изгоняют из Галицко-Волынских территорий.

Берке прекрасно понимал, что на этот раз ему придется иметь дело с куда более сильным и опытным противником, нежели торговые поселения южного берега Крыма. За последние несколько лет Даниил сумел укрепить свои города, превратив их в неприступные крепости, реорганизовал армию по монгольскому же образцу и был готов противостоять ордынскому вторжению. Именно поэтому Берке в 1258 г. решил заменить Куремсу другим наместником — Бурундаем, прославленным полководцем, успешно сражавшимся в Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси в 1230-е гг. Во главе многочисленных войск (по некоторым данным, до 60 000 всадников) Бурундай вступил во владения Даниила и вызвал короля к себе.

Даниил, вполне справедливо считавший себя в состоянии войны с Золотой Ордой, благоразумно уклонился от встречи с баскаком и отправил вместо себя своего брата Василька и своего старшего сына Льва. Однако Бурундай повел себя совершенно не так, как ожидали Даниил и его семейство: вместо того чтобы с помощью угроз потребовать от южнорусских князей повиновения, он заявил, что идет походом на Литву и Польшу и предлагает им, князьям, присоединиться к нему — если, конечно, князья не считают себя его врагами.

К такому повороту галицкий князь оказался не готов: если бы ордынский полководец сразу открыл военные действия, Даниилу не оставалось бы ничего, кроме как принять бой. Теперь же появился шанс избежать

кровопролития. И Даниил приказал Васильку и Льву присоединиться со своими войсками к Бурундаю в походе на литовцев и поляков. Бурундай, и в самом деле, совершил успешный рейд на Литву и Польшу, чем превратил местных правителей из союзников Даниила в его врагов. Кроме того, князья Василько и Лев фактически оказались заложниками ордынского полководца, который во время похода на поляков и литовцев продемонстрировал силу и опытность своих воинов, чем существенно понизил решимость галичан и волынцев к сопротивлению.

Возвращаясь обратно через Галицко-Волынскую землю, Бурундай, наконец, обнаружил свои истинные намерения: он приказал князьям скрыть укрепления всех городов Галицко-Волынской земли — ведь в Золотой Орде города стенами не обносились. И Васильку со Львом пришлось самим разрушать то, что создавал их брат и отец в течение стольких лет! Галич, Владимир, Львов, Каменец и другие города были лишены укреплений. Крепостные стены сохранил только Холм — столица Даниила: жители города отказались исполнять приказ Василька и Льва, отговорившись тем, что получают приказания только от самого Даниила — своего непосредственного правителя. Бурундай решил не омрачать торжества своей бескровной победы, понимая, что один укрепленный город не обеспечит безопасности всей обширной державы Романовичей. Ордынский полководец ограничился тем, что по пути в южнорусские степи все же разграбил ряд поселений, принадлежавших местным князьям, продемонстрировав им напоследок, что с властями Золотой Орды шутки плохи.

Таким образом, Берке, практически не ведя военных действий, разрушил амбициозные планы Даниила Романовича стать королем Малой Руси, создать коалицию европейских государей и выступить против Золотой Орды. Ни Польша с Венгрией, ни папство и рыцарские ордена не помогли ему, и поэтому королю Даниилу вновь пришлось признать себя данником ордынского правителя, причем на этот раз не формально, как при Бату, а на деле: во владениях Даниила появились ордынские чиновники, державшие местных династов под постоянным контролем. Даниил так и не оправился от этого удара: последние несколько лет жизни он фактически отошел от государственной деятельности, переложив дела на плечи брата и сыновей, которые даже и не пытались бороться с Ордой.

Отношения Берке с княжествами Северо-Восточной Руси тоже нельзя было назвать безоблачными. Так, в 1259 г. он приказал провести перепись населения в Новгороде и обложил его данью, как и другие княжества, чего в свое время не сумел добиться даже сам Бату. Попытки новгородцев выступить против ордынских чиновников были жестоко пресечены, причем по приказу Берке их выступление подавил сам великий князь Александр Ярославич Невский, некогда бывший новгородским князем.

В 1262 г. тот же Александр Невский был вынужден ехать к Берке в Сарай, чтобы отговорить Берке отказаться от мысли набирать русских воинов для войны с Ираном. Хотя в отечественной историографии прочно утвердилась мысль о том, что отношения Александра

Невского и Берке были напряженными, великому князю удалось полностью достичь цели.

А незадолго до своей смерти в 1263 г. Александр Ярославич вновь оказался в Золотой Орде — на этот раз, чтобы согласовать с Берке кандидатуру своего потенциального преемника, поскольку, вероятно, он уже чувствовал приближение кончины. И эта поездка Невского также оказалась удачной: вскоре после его смерти, в начале 1264 г., новым великим князем стал его брат Ярослав Ярославич Тверской.

Русские летописцы — православные монахи, оскорбленные явной приверженностью Берке к исламу, — впоследствии писали, что в его правление на Руси было «засилье бесерменское». Однако нельзя не отметить, что именно мусульманин Берке в 1261 г. позволил впервые учредить в Сарае русскую православную епархию — вместо переяславской, последний глава которой погиб во время взятия Переяславля около четверти века тому назад. Не менее красноречивым свидетельством отсутствия у Берке предубеждений против христианства стало то, что он разрешил своему племяннику выехать на Русь, в Ростов, и принять там православие. Этот Джучид стал известен на Руси под именем «царевича Петра Ордынского».

Стоит также отметить, что никаких значительных притеснений со стороны Берке княжества Северо-Восточной Руси не испытывали. За его почти десятилетнее правление эти земли ни разу не подверглись ордынским набегам. Впрочем, вряд ли следует объяснять это миролюбием Берке или его прорусскими симпатиями — просто у него были другие политические приоритеты.

VIII

Внешняя политика Берке, не столь яркая и бурная, как у его старшего брата, в целом оказалась не менее активной и последовательной. Как и Бату, Берке преследовал две главные цели: обеспечить безопасность своих границ и найти союзников в борьбе с внешними врагами, главным из которых для него был, конечно, хулагуидский Иран. Поэтому основной вектор золотоордынской внешней политики при Берке сместился из Центральной Европы на Ближний Восток. Пожалуй, самой большой его дипломатической удачей стало установление союзных отношений с мамлюкским Египтом, который еще в начале XV в. оставался главным стратегическим партнером Золотой Орды на международной арене.

Любопытно, что инициатива установления отношений исходила не от Берке, нуждавшегося в союзниках для борьбы с Хулагу, а от египетского султана ал-Малика ан-Насира Бейбарса — самого могущественного властителя Средиземноморья, который в 1260 г. нанес монголам страшное поражение в битве при Айн-Джалуде в Сирии. Послы Бейбарса впервые посетили Берке еще в 1262 г. Они прибыли в Золотую Орду с богатыми дарами и посланием султана, в котором Бейбарс выражал радость по поводу обращения Берке в ислам и надеялся, что теперь золотоордынский правитель, как и подобает истинному мусульманину, обратит свое оружие против неверных — монголов Ирана. Берке не торопился с ответным посланием, проявив разумную осторожность. Во-первых, его приверженность к исламу была вовсе не так велика, во-вторых, призыв Бейбарса к войне с невер-

ными был не тем доводом, который мог бы убедить внятных нойонов Золотой Орды (в большинстве своем не являвшихся мусульманами) начать войну с ильханом.

В связи с этим следует сказать несколько слов о вероисповедании Берке. Несомненно, он, воспитанный с детства в мусульманской традиции, впоследствии принял ислам, получил мусульманское имя Джамал ад-Дин Ибрахим и, вполне возможно, являлся мюридом (учеником и последователем) знаменитого бухарского шейха Сайф ад-Дина Бахарзи. Но представление Берке религиозным фанатиком, стремившимся распространить во всем мире «истинную веру» и целиком полагавшимся на поддержку Аллаха — это плод воображения средневековых мусульманских историков. Открыто объявив о своей приверженности к исламу, Берке вовсе не стремился сделать его официальной религией в Золотой Орде и тем более навязать вассальным государствам. Мусульманство самого брата Бату ограничивалось соблюдением некоторых религиозных обрядов и покровительством мусульманскому духовенству и купечеству — в тех случаях, когда ему самому это представлялось выгодным.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Берке, получив послание Бейбарса, не бросился в распростертые объятия собрата-мусульманина и не поспешил начать «священную войну» против Хулагу. Напротив, в большой степени зависящий от своих нойонов, он выждал, когда его приближенные и военачальники осознают необходимость этой войны и сами выскажутся в ее пользу.

Кроме того, надо сказать, что у Берке и султана Бейбарса одно время был конфликт интересов. Вскоре после того, как Хулагу взял Багдад и приказал умертвить халифа ал-Мустасима, два представителя рода Аббасидов объявили себя халифами. При этом Берке поддержал претензии на власть некоего ал-Хакима, провозгласившего себя халифом в Алеппо, тогда как Бейбарс признал халифом другого претендента — ал-Мустансира, который выступил в Дамаске. В конце концов, оба претендента прибыли в Каир и заключили соглашение: ал-Хаким признал первенство ал-Мустансира и согласился считаться его наследником. Бейбарс выделил новоявленному халифу несколько сотен воинов, и тот отправился на завоевание Багдада, по пути усилив свой отряд несколькими тысячами бедуинов из аравийской области Хиджаз. Естественно, из его авантюры ничего не вышло: его войска были разбиты, а сам незадачливый халиф пропал без вести. Не исключено, что Бейбарс намеренно отправил его в эту рискованную экспедицию, чтобы ал-Мустансир погиб, а новым халифом стал ал-Хаким (ставленник Берке): он ни в какие походы не пускался и мирно просидел на троне в Каире в течение сорока лет (1262–1302 гг.), пережив семерых султанов и несколько военных переворотов. Тем самым Бейбарс продемонстрировал, что готов учитывать интересы золотоордынского правителя. Несколько позже султан повелел читать в Мекке хутбу с поминанием имен Берке и его сына, и эта честь, наверное, произвела впечатление на ордынского властителя, который, в конце концов, соизволил направить султану дружеское послание.

Впрочем, еще до официального установления отношений с Египтом Берке совершил одно действие, оказавшееся на пользу султану Бейбарсу. Как мы помним, пятая часть войск Золотой Орды вошла в состав армии Хулагу, отправленной на завоевание Ирана и Ближнего Востока. Планируя войну с двоюродным братом, Берке приказал этим войскам покинуть Хулагу и возвращаться домой, а если не получится — прорываться в Египет. В результате около двух тысяч золотоордынских воинов с боями вырвались из окружения войск ильхана и добрались до Сирии, где были встречены эмиссарами султана Бейбарса и препровождены в столицу Египта. Бейбарс встретил их с почетом и вскоре образовал из ордынских воинов (большинство которых, по-видимому, были тюрками-кипчаками) свою гвардию.

В конечном счете, от союза Золотой Орды и Египта в большей степени выиграл Берке, а не Бейбарс: поскольку война с Хулагу началась бы в любом случае, Берке существенно помогло, что мамлюкские войска сковывали часть войск ильхана в Сирии и Палестине. В свою очередь, Берке ничего не стоило, одержав очередную победу, направить Бейбарсу реляцию, в которой он заявлял, что победил с помощью и во имя торжества «истинной веры». В кругу же своих воинов Берке сетовал: «Грустно мне, что монголы убивают друг друга, но что придумать против того, кто изменил ясе Чингизхана!» Бейбарс, выполняя союзнический долг, защищал интересы Берке и в отношениях с державами Средиземноморья, включая Францию, итальянские торговые республики и государства крестоносцев. Правитель Золотой Орды в качестве «ответной любезности» однажды

совершил поход против Византийской империи, закончившийся, впрочем, весьма необычно.

Византийский император Михаил VIII Палеолог, оказавшийся между двух огней — султанатом мамлюков в Египте и державой монголов в Иране, — был вынужден лавировать, чтобы сохранить свою империю, только что отвоеванную у латинян. Сам император склонялся к союзу с Хулагу, который воевал против мусульман, и поэтому в 1264 г., уповая на поддержку ильхана, решился на смелый поступок: задержал послов Бейбарса, направлявшихся к Берке с грамотами и дарами. Правитель Золотой Орды, возмущенный таким обращением с дипломатами, отреагировал немедленно: он приказал своим войскам двигаться на Константинополь, и императору пришлось обратиться за защитой... к султану Бейбарсу, напомнив ему о прежних добрых отношениях и объясняя все случившееся недоразумением. И султан попросил Берке, вступившегося за его же, султана, послов, отозвать войска!

Однако на следующий год Берке удалось завершить поход против ромеев. В 1265 г. его полководец Ногай в союзе с болгарским царем Константином Тихом вторгся в Византию, разорил ряд селений и едва не захватил в плен самого Михаила VIII. Императора спасло только то, что он сумел вернуться в свою столицу не по суше (где его ждала ордынско-болгарская засада), а по морю. Целью похода Ногай было освобождение из византийского плена бывшего сельджукского султана Изз ад-Дина Кей-Кавуса. Свергнутый своим братом Рукн ад-Динном Килич-Арсланом, султан прибыл к Михаилу VIII, надеясь найти у него защиту, но император, опасаясь,

что многочисленные спутники Кей-Кавуса станут угрозой для его империи, предпочел посадить султана под замок. Интерес Берке к судьбе бывшего султана объяснился просто: золотоордынский правитель намеревался вернуть Кей-Кавусу трон и тем самым возвратить Сельджукский султанат под влияние Золотой Орды (как это было при Бату). Вероятно, в рамках этого своего плана Берке приказал, чтобы приверженцы Кей-Кавуса, обосновавшиеся в окрестностях современной Добруджи, последовали за своим государем и переселились в ордынские владения в южнорусских степях. В результате похода Ногая султан был освобожден и прибыл к Берке, который выдал за него замуж свою дочь Урбай-хатун и пожаловал в качестве временного владения крымский город Солхат (современный Старый Крым) — пока не упадет возможность отвоевать утраченный трон. Однако вскоре Берке умер, а его преемник Менгу-Тимур не стал реализовывать его проект. В конце концов, Кей-Кавус так и умер в Золотой Орде.

Еще одним направлением внешнеполитической деятельности Берке стали контакты с государствами Закавказья — Грузией и Арменией, которые некогда также входили в сферу влияния Золотой Орды. Поскольку армянский царь Гетум являлся ближайшим союзником Хулагу, Берке постарался привлечь на свою сторону двух грузинских царей — Улу Давида и Давида Нарини. Неизвестно, как именно планировал ордынский правитель использовать их в войне против Хулагу, но оба царя расценили его намерения не совсем верно: вообразив, что Берке готов оказать им поддержку, оба царя в 1259 г. восстали и попытались изгнать наместников Хулагу из

Грузии. Естественно, цари были разгромлены и вынуждены бежать в горы, тогда как рядовые участники восстания и даже царские приближенные подверглись избиению. Таким образом, залитая кровью Грузия к началу войны Золотой Орды с Ираном никак не могла помочь Берке в его боевых действиях против Хулагу.

В отличие от Бату, Берке не очень активно взаимодействовал с европейскими монархами, предпочитая связи с государями-единоверцами на Востоке. Одним из немногих исключений стала Венгрия, граничившая с Золотой Ордой. В течение своего правления Берке неоднократно предлагал королю Беле IV породниться, женив одного из королевских сыновей на дочери ордынского правителя, причем новоиспеченный зять должен был с частью венгерского народа перейти под власть Орды. Причиной такого предложения стало то, что в Венгрии в то время проживало значительное число кипчаков, некогда бежавших туда от монгольского нашествия, но впоследствии желавших вернуться на родину и неоднократно обращавшихся к Берке с просьбой предоставить им эту возможность.

Бела на рубеже 1250–1260-х гг. понес несколько серьезных поражений от чешского короля Оттокара II и находился в сложном политическом положении, а потому практически был готов принять предложение Берке. Однако под влиянием папы римского Александра IV, обещавшего королю всяческую поддержку в борьбе с восточными врагами, Бела отказался от союза с Золотой Ордой. Недовольный его отказом, Берке в 1260 г. направил в пределы Венгрии карательные отряды, не причинившие, впрочем, стране большого ущерба: вероятно,

не считая свои отношения с Венгрией особо важными, Берке послал против Белы IV не слишком крупные силы. В 1262 г. Иштвану II, сыну и соправителю Белы, удалось заключить мир с Берке, который в это время сосредоточил свои основные силы на границе с Ираном и потому не желал проблем на западных границах. Но уже в 1264 г., воспользовавшись затишьем в борьбе с Хулагу, Берке возобновил переговоры с Белой IV, вновь предлагая союз, скрепленный браком их детей. Как и несколько лет назад, римский папа (теперь уже Урбан IV, сменивший Александра IV) сумел отговорить венгерского короля от этого плана. В результате Венгрия еще в течение довольно длительного времени оставалась объектом набегов ордынских войск.

В правление Берке началась активная колонизация Крыма и Северного Причерноморья, которую осуществляли итальянские торговые республики — Венеция, Генуя и Пиза, представители которых начали проникать ко двору ордынских правителей еще при Бату. В первой половине 1260-х гг. генуэзцам и венецианцам удалось создать первые фактории в ордынских городах Тана (Азов) и Кафе (Феодосия). Впрочем, при Берке итальянцы еще только начинали обосновываться в Северном Причерноморье, а их официальное закрепление в этих областях состоялось уже при его преемниках.

Другие европейские государства, входившие в сферу интересов Золотой Орды, чаще всего рассматривались Берке как объект набегов — такими были, в частности, Польша и Литва, которые неоднократно подвергались нападениям ордынских войск, захватывавших богатую добычу и множество пленников.

IX

Берке умер в 1266 г. — по сведениям средневековых историков, «от болезни колик». Он оставил своим преемникам богатый и могущественный улус, имеющий влиятельных союзников. Желая сравниться по значению с Бату, своим старшим братом, при котором в Золотой Орде был построен ряд городов, Берке постарался существенно расширить и развить их. В частности, Сарай, построенный при Бату, в правление Берке настолько разросся и изменил свой облик, что впоследствии даже стал носить название Сарай-Берке. Различные историки приписывали Берке также основание таких городов как Эски-Юрт в Крыму и Сарайчук на Урале. Также Берке активно способствовал развитию торговли и наук. При его дворе трудились мусульманские правоведы и богословы, некоторые из них даже посвятили свои произведения Берке, который им покровительствовал.

Наследники Берке не были его прямыми потомками. Из летописных источников известно, что у него было три жены и, как минимум, двое детей — дочь Урбай-хатун, выданная замуж за сельджукского султана Кей-Кавуса, и неизвестный по имени сын, которого вместе с отцом повелел упоминать в хутбе египетский султан Бейбарс. Но хотя после смерти Берке власть вновь перешла к роду Бату, в арабской средневековой исторической литературе последующие правители Золотой Орды нередко именовались «домом Берке» — вероятно, из-за того, что большинство арабских хронистов были египтянами, а именно Берке первым из ордынских правителей установил связи с Египтом. Впрочем, они не старались

идеализировать образ этого правителя и представлять его идеалом для мусульманских государей. Это отразилось даже в описании внешности Берке, составленном египетским историком ал-Муффадалем на основании отчета египетских послов к правителю Золотой Орды: «Описание его: жидкая борода; большое лицо желтого цвета; волосы зачесаны за оба уха; в одном ухе золотое кольцо с ценным восьмиугольным камнем; на нем шелковый кафтан; на голове его колпак и золотой пояс с дорогими камнями на зеленой болгарской коже; на обеих ногах башмаки из красной шагреновой кожи. Он не был опоясан мечом, но на кушаке его черные рога витые, усыпанные золотом». Описание, как видим, весьма далекое от образа идеального государя, прекрасного телом и душой!

Сам Берке не стремился к формальной независимости своего улуса, не носил ханского титула и в сочинениях современников фигурировал как «огул», т. е. представитель ханского рода, не обладающий титулом монарха (в ряде восточных источников более позднего времени он все же назван ханом). Однако уже его преемник Менгу-Тимур, благодаря политике своего предшественника, получил возможность объявить независимость Золотой Орды и официально и провозгласить себя ханом.

Очерк третий

МЕНГУ-ТИМУР, ИЛИ ПЕРВЫЙ ХАН

(хан, 1267–1280)

Менгу-Тимуру (монг. Мунке-Тэмур) очень не повезло в историографии: исследователи обычно склонны представлять его довольно посредственным правителем на фоне таких ярких государей и государственных деятелей, как Бату, Берке, Ногай, Узбек, Токтамыш. И в самом деле, по сравнению с ними он выглядит весьма невыразительно. А между тем, уже тот факт, что именно Менгу-Тимур стал первым ханом Золотой Орды, официально принявшим этот титул, уже позволяет отнести его к числу наиболее выдающихся ордынских правителей.

I

Менгу-Тимур был вторым из пяти сыновей Тукана, второго сына Бату. Матерью его была Кучу-хатун, дочь (или сестра) Буга-Тимура из влиятельного монгольского племени ойрат. Точная дата рождения Менгу-Тимура неизвестна, полагаем, что он родился в 1240-х гг. Его отец, которого Боракчин-хатун безуспешно пыталась возвести на трон после смерти Улагчи, скончался, вероятно, на рубеже 1250–1260-х гг., а к 1262/1263 г. умер и Тарбу, старший брат Менгу-Тимура.

В результате Менгу-Тимур остался к этому времени старшим в семействе Бату, которое, как считалось, имело некие преимущества в наследовании ордынского трона. Поэтому он стал кем-то вроде «наследного принца» при своем двоюродном деде Берке. Арабские дипломаты, посетившие Золотую Орду в 661 г. х. (1263 г.), сообщали, что Менгу-Тимур был «назначен в наследники» Берке и носил в качестве такового титул «Амир Оглу, то есть Амир Малый». По-видимому, «старшим эмиром» считался сам Берке, который не претендовал на ханский титул. Вполне вероятно, что признание Менгу-Тимура наследником стало тем условием, при котором другие Джучиды согласились признавать Берке правителем Золотой Орды.

Тем не менее, несмотря на официальный статус «наследного принца», приход Менгу-Тимура к власти после смерти Берке оказался не таким уж гладким. Русские летописи под 1266 г. (год смерти Берке) сообщают: «Бысть мятежь великъ в самехъ Татарех, избишася сами промежи собою бесчисленное множество акъ песокъ морьскы». У Менгу-Тимура были соперники в борьбе за ордынский трон, за спиной которых стояли влиятельные силы.

Первым из них стал Туда-Менгу, родной младший брат Менгу-Тимура. Он был следующим по возрасту, отличался довольно покладистым характером и, подобно Берке, тяготел к исламу. Эти качества привлекали к Туда-Менгу, с одной стороны, мусульманское население Золотой Орды, с другой — тех монгольских нойонов, которые опасались властного нрава Менгу-Тимура. Вторым претендентом на трон был, вероятно, малолетний сын Берке, которого могли поддержать как мусульманские

приверженцы его отца, так и те представители рода Джучидов, которые не желали возвращения к власти прямых потомков Бату. Наиболее влиятельным среди них был темник Ногай — любимец Берке, имевший большой вес в ордынских войсках.

Однако происхождение Менгу-Тимура и формальный статус наследника Берке помогли ему добиться власти. И хотя вступление нового правителя на трон оказалось не бескровным, он не стал (или не имел возможности) проводить масштабные репрессии против тех, кто противился его воцарению, и ограничился тем, что удалил от двора наиболее влиятельных своих противников. В частности, Ногай был лишен командования ордынскими войсками, отправлен в свой удел на Дунае и в течение всего правления Менгу-Тимура не допускался к государственным делам. Впрочем, и Менгу-Тимур, со своей стороны, старался не вмешиваться в дела его улуса, позволив темнику создать нечто вроде автономного государства в составе Золотой Орды. Исторические источники ничего не сообщают о дальнейшей судьбе малолетнего сына Берке, и это наводит на мысль, что он был устранен по приказу Менгу-Тимура.

Не желая всецело зависеть от какого-либо чрезмерно могущественного военачальника, Менгу-Тимур разделил вооруженные силы Золотой Орды на три части. Центр возглавил он сам, правое крыло поручил нойону Тайре, а левую — нойону Маву. Надо думать, оба эти полководца способствовали его приходу к власти и пользовались доверием внука Бату.

Как мы помним, Берке провозгласил себя главой Золотой Орды самовольно, не получив согласия хана Мун-

ке. Хубилай, преемник Мунке, был вынужден смириться с воцарением Берке и теперь с тревогой наблюдал, что и наследники Берке идут по его стопам и вовсе не нуждаются в подтверждении своей власти ханом. После некоторого размышления Хубилай попытался хоть как-нибудь исправить ситуацию и прислал Менгу-Тимуру ярлык, в котором назначал его правителем Золотой Орды. Конечно, этот жест никого не мог обмануть: фактически Хубилай сам признал, что смиряется с фактом прихода к власти внука Бату и лишь признает его воцарение. Тем не менее, Менгу-Тимур принял этот ярлык: не взяв на себя никаких обязательств по отношению к центральной власти, он приобрел легитимность в глазах хана и правителей других монгольских улусов, а это укрепляло его позиции и внутри Золотой Орды. Отныне его слово и фактически, и формально становилось законом для всех подданных Джучидской державы.

II

Многие ожидали, что внук Бату, придя к власти, будет проводить политику, резко отличающуюся от политики Берке — хотя бы для того, чтобы показать, что к власти вернулась законная ветвь Джучидов, и заявить о себе как о самостоятельном политике. Однако в целом Менгу-Тимур продолжил политику своего двоюродного деда, лишь сместив некоторые акценты. Особенно ярко это проявилось в его внешней политике.

Так, подобно Берке, Менгу-Тимур стал поддерживать союзные отношения с Египтом. Султан Бейбарс обменивался с ним дружескими посланиями и богатыми

дарами — несмотря на то что Менгу-Тимур исповедовал традиционную монгольскую религию тенгрианство, а не ислам! Было вполне очевидно, что Бейбарс надеется на продолжение войны Золотой Орды с Ираном Хулагуидов, а это сулило ему, султану, свободу действий на Ближнем Востоке.

Казалось, поначалу надежды Бейбарса вполне оправдываются: в первый год своего правления Менгу-Тимур продолжил войну с ильханом Абагой, начавшуюся еще при Берке. Но в 1268 г. новый ордынский правитель понес от ильхана серьезное поражение и поспешил заключить с Ираном мир. К большому огорчению Бейбарса, этот мир не нарушался до самой смерти Менгу-Тимура. Египетский султан пытался повлиять на ордынских сановников и через них подтолкнуть Менгу-Тимура к новой войне с Ираном; но на инициативы Бейбарса положительно отреагировал только Ногай — и то, вероятно, потому что в это время находился не у дел и всячески старался поддерживать свой престиж в глазах иностранных государей. В 1277 г. султан Бейбарс умер, так и не дождавшись возобновления войны Золотой Орды с Ираном.

С Русью Менгу-Тимур (опять же подобно Берке) находился в спокойных отношениях: уже в самом начале своего правления, в 1267 г., он выдал ярлык русской православной церкви, освободив ее от налогов и повинностей и предоставив автономию во внутренних ее делах. В дошедшей до нас коллекции ханских ярлыков русской церкви ярлык Менгу-Тимура выглядит следующим образом: «Вышняго бога силою вышняя троица волею Менгутемерво слово людским баскаком и князем и по-

личным князем и к данщиком и к писцем и к мимояздящим послом и к соколником и к пардусником. Чингиз царь потом что будет дань или корм, ать не заммають их ни правым сердцем богови за нас и за племя наше молять-ся и диагословляють нас. Тако молвя и последнии цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов. Дань ли или иное что ни будеть, тамга, поплужное, ям, воина кто чего ни попросить и рекли были дати, кто паки того у нас не ведаеть, вси ведаем. И мы, богу молясь, и их грамоты не изыначили. Тако молвя по первому пути, которая дань или поплужное, или подвода, или корм кто ни будеть, да не просят; ям, воина, тамга не дають. Или что церковное, земля, вода, огороди, винограды, мелници, мимовища, летовища — да не заимають их. И яже будутъ поимали, — и они да въздадутъ назад. А что церковное мнестери, соколници, пардусници кто ни будеть, да не заимають их, ни стерегутъ их. Или что в законе их книги или ино что — да не заимають, ни емлютъ, ни издеруть, ни погубять их. А кто иметь веру их хулити — тот человек извиниться и умереть. Попове един хлеб ядуще и во едином дому живущее, у кого брат или сын, и тем по тому же пути пожалование, ажь будутъ от них не выступились. Будет же ли, от них выступились дань ли или ино что, — ино им дати. А попове от нас пожаловани по първои грамоте, бога молящи и благословляющее нас стоите. А иже имете не правым сердцем о нас молитесь, — богу тот грех на вас будеть. Так мльвя. Аж кто не поп будеть, иные люди, иметь у себе приимати, хотя богови молитесь, что в том будеть. Так мльвя, сему митрополиту грамоту дали есьмя. Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от черньцов ни дани ни иного чего ни

хотьят ни възмутъ баскаци, княжи писци, поплужники, таможници, а възмутъ инее по велицей язе извиняться и умруть. Тако мльвя заечего лета осеннего пръваго месеца в четвертый ветха на Талы писано». Этот ярлык можно считать, с одной стороны, продолжением политики монгольских ханов по отношению к религии (начиная с Чингис-хана, еще в 1223 г. выдавшего первый такой ярлык даосам). С другой стороны, этот документ означал, что Менгу-Тимур уже намеревался провозгласить себя ханом, ибо только самостоятельные монархи-Чингизиды обладали правом выдачи ярлыков.

Русь была для Менгу-Тимура одновременно источником доходов и человеческих ресурсов, а также перевалочным пунктом на торговом пути с Европой. Наследник Берке всемерно покровительствовал развитию торговли и поэтому стремился создать западным торговцам максимально выгодные условия ведения дел в Золотой Орде. Так, около 1269 г. Менгу-Тимур выдал ярлык великому князю Ярославу Ярославичу, предписывающий тому дать «путь чист» ганзейским купцам, то есть пропускать их через свои земли без пошлин и сборов.

Приблизительно тогда же Менгу-Тимур, первый из ордынских правителей, позволил итальянским торговцам обосноваться на юге золотоордынских владений — в Крыму и Северном Причерноморье, где в это время появляются фактории венецианцев, генуэзцев и пизанцев. Генуэзцы в эпоху Менгу-Тимура осуществляли торговые экспедиции даже в Каспийском море и прилегающих к нему областях. А в 1278 г. в Судак прибыл уже и венецианский консул, первый официальный дипломатический представитель республики.

Во внутренней политике Менгу-Тимур старался следовать принципам своего деда Бату. Он прекрасно понимал опасность того, что владетельные Чингизиды и племенные предводители, укрепившись в отведенных им областях, могут «пустить корни», завести семейные и политические связи и, опираясь на поддержку местного населения, перестанут подчиняться власти правителей Сарая. Чтобы избежать этого, Менгу-Тимур периодически предписывал своим родичам и нойонам перекочевывать вместе с их подданными на новые места. Так, например, он перевел Уран-Тимура, сына Туга-Тимура (потомки которого традиционно кочевали в восточных областях Золотой Орды — Синей Орде), в Крым. И не вина Менгу-Тимура, что его преемники на сарайском троне перестали практиковать подобную «перетасовку». В конце концов, удельным владетелям удалось-таки закрепиться на определенных территориях и добиться не только широкой автономии, но и самим претендовать на высшую власть.

Максимально укрепив свою власть внутри страны и обеспечив безопасность Золотой Орды на международной арене, Менгу-Тимур приступил к делу всей своей жизни — приобретению Золотой Ордой полной независимости.

III

Прежде чем Менгу-Тимуру удалось провозгласить себя ханом, он вел не очень долгую по времени, но сложную и насыщенную событиями военно-дипломатическую игру.

Как мы помним, хан Хубилай в начале своего правления столкнулся с оппозицией в лице своего родного брата Арик-Буги и его сторонников. В 1264 г. Арик-Буга был разгромлен и сдался в плен, но на свободе остался его приверженец Хайду, внук Угедэя. Будучи поначалу безудельным царевичем, не имевшим, ни сторонников, ни владений, ни средств, к 1268 г. он сумел настолько усилиться, что осмелился бросить вызов самому Хубилаю. Созвав в Монголии курултай, Хайду провозгласил себя ханом, объявив при этом Хубилая незаконным правителем и в придачу обвинив в том, что тот нарушает все монгольские обычаи, приняв титул императора династии Юань. В результате на востоке Монгольской империи началась война, продолжавшаяся до самой смерти Хайду в 1301 г.

Менгу-Тимур, получив от Хубилая ярлык, подтверждавший его право на власть в Золотой Орде, поначалу не вмешивался в распри своих восточных родичей. Напротив, он даже пообещал императору, что будет поддерживать его в борьбе с мятежниками, и осудил действия Хайду. Однако вскоре позиция Менгу-Тимура изменилась, и он решил поддержать Хайду.

В 1268 г. Борак, правитель Чагатаева улуса, ставленник и союзник Хубилая, начал войну с Хайду. Менгу-Тимура не устраивало усиление блока Хубилая и Чагатаидов, и он немедленно направил на помощь Хайду 30 000 воинов под командованием своего двоюродного деда Беркечара, родного брата Берке. Зажатый между двумя противниками, Борак, так и не дождавшийся помощи от Хубилая, завязшего в борьбе с южно-китайской империей Сун, был вынужден капитулировать.

В 1269 г. в долине реки Талас состоялся курултай, на который прибыли Хайду, Борак и ряд царевичей-Чингизидов из улусов Джучи, Чагатая и Угедэя. Менгу-Тимур по какой-то причине не считал возможным лично явиться на съезд и отправил представлять свои интересы вышеупомянутого Беркечара — с теми же тремя туменами войска, которые нанесли поражение Бораку.

Участники курултая приняли ряд решений, определивших дальнейшую судьбу Монгольской империи. Прежде всего, победители, Менгу-Тимур и Хайду, отделили от владений Борака добрую треть в свою пользу. Когда же он выразил возмущение их аппетитами, они предложили ему в качестве компенсации... совершить грабительский поход на владения ильхана Абаги — племянника и союзника императора Хубилая!

Однако самым важным и судьбоносным из решений стало то, что участники курултая официально провозгласили свои владения независимыми от власти Хубилая, а сами приняли ханские титулы. Хотя Менгу-Тимур уже с начала своего правления вел себя как независимый монарх (чеканил монету с собственным именем и выдавал ярлыки), но теперь он получил формальное признание своего ханского титула в глазах родичей. Хайду, и ранее предъявлявший претензии на ханскую власть, также был признан родичами в ханском достоинстве. Борак последовал их примеру, поскольку был зол на Хубилая за то, что тот не оказал ему военной помощи в войне с Хайду и Менгу-Тимуром.

Получив признание ханского титула от восточных Чингизидов, Менгу-Тимур перестал вмешиваться в общеимперскую политику и с этого времени оказывал

своим союзникам больше дипломатическую и моральную поддержку. Тем не менее, Хубилай и подвластные ему Чингизиды не раз отказывались от нападения на владения Хайду и Чагатаидов, когда до них доходили слухи, что Менгу-Тимур собирается направить свои войска на помощь союзникам. Однако золотоордынский хан прежде всего защищал свои интересы и не желал чрезмерного усиления любого из противоборствующих ханов. Так, например, в 1271 г., когда Хайду, не довольствуясь титулом независимого монарха в Улусе Угедэя, провозгласил себя великим ханом (хаканом), Менгу-Тимур не признал его верховенства. Напротив, когда Хубилай назначил наместником в Монголии своего сына Нумугана, хан Золотой Орды вступил с новым наместником в переговоры и выказал всяческую поддержку его планам по укреплению власти Хубилая в монгольских степях. По сведениям «Юань ши», Менгу-Тимур даже заключил с Хубилаем соглашение о совместной борьбе против внутренних мятежников, что едва не вызвало нападения Хайду на Улус Джучи: лишь убедившись, что золотоордынский хан готов к войне, внук Угедэя отказался от своих намерений.

Но, увидев, что влияние Нумугана в Монголии усиливается и, в свою очередь, начинает угрожать балансу сил в империи, Менгу-Тимур в очередной раз принял сторону Хайду. В 1278 г. Нумуган и его верховный военачальник Хантун-нойон были преданы своими союзниками, царевичами-Чингизидами из рода Мунке и Угедэя, и выданы Хайду. Внук Угедэя отправил их к своему союзнику Менгу-Тимуру, при дворе которого оба пленника находились до самой его смерти. Столь ценные за-

пожники обеспечили хану Золотой Орды в высшей степени миролюбивые отношения с Хубилаем! Так, всего лишь однажды задействовав свои военные силы в междоусобной борьбе Чингизидов, Менгу-Тимур добился независимости Золотой Орды и стал ее первым ханом. Ему даже не пришлось сражаться за свою независимость: эта задача была переложена на плечи его союзников, которые создали Хубилаю столько проблем, что он просто не мог позволить себе войну с самым отдаленным улусом империи, каковым являлась Золотая Орда.

IV

Итак, уже за первые три года своего правления Менгу-Тимур сумел добиться независимости Золотой Орды и обезопасить свои владения на юге (заключив мир с ильханом Абагой) и на востоке (вступив в союз с Чагатаидом Бораком). Казалось, это должно было развязать ему руки для активной завоевательной политики на Западе. Однако этот осторожный и дальновидный монарх-прагматик чаще ограничивался демонстрацией силы, нежели ее реальным применением.

Так, в 1270 г., когда рыцари Тевтонского ордена, располагавшиеся в Ревеле (Таллине), в очередной раз намеревались совершить поход против Великого Новгорода, и напуганный князь Ярослав Ярославич обратился за помощью к Менгу-Тимуру, хан приказал своему владимирскому баскаку Амрагану явиться на переговоры новгородцев с немцами. Решение хана оказалось эффективным: увидев среди русских монгольский отряд (свиту

баскака), немцы сразу утратили агрессивность и подписали с Новгородом мир «на всей воле новгородской».

В том же году великий князь Ярослав снова обратился к хану — на этот раз с жалобой на самих новгородцев. Новгородцы отказались признавать великого князя Ярослава своим князем и пригласили на княжение в Новгород его племянника Дмитрия Переяславского, сына Александра Невского. Несмотря на то что племянник остался лоялен дяде и даже открыто принял его сторону в конфликте с Новгородом, великий князь вознамерился сурово наказать новгородцев. Ярослав выступил против них с владимирскими, тверскими, переяславскими и смоленскими дружинами, а также отправил к Менгу-Тимуру своего посланника, новгородского посадника Ратибора Клуковича, с просьбой предоставить ордынские войска для восстановления порядка на Руси. И снова Менгу-Тимур лишь сделал вид, что собирается направить для решения проблемы свои войска. На самом деле он дождался приезда в Орду Василия Костромского (брата великого князя), который лично прибыл в ставку хана и убедил его в том, что «новгородци правы, а Ярослав виноват». И хан «возврати татарскую рать». Поход ордынских войск на Русь вновь не состоялся.

Годом позже Ярослав Ярославич, вероятно, уже будучи больным и чувствуя приближение смерти, приехал к хану, чтобы по уже сложившейся практике согласовать кандидатуру своего преемника на великокняжеском столе. Поддержка хана на этот раз была очень важна, ибо законный наследник, Василий Ярославич Костромской, брат Ярослава, обладал куда меньшими способностями к великому княжению, нежели следующий по старшин-

ству племянник — Дмитрий Переяславский, сын Александра Невского. Тем не менее, старинное лествичное право было за Василием, и Менгу-Тимур дал согласие поддержать именно его как наиболее легитимного претендента на владимирский трон. Авторитет хана на Руси был настолько высок, что Василий после смерти Ярослава в следующем, 1272 г., без каких-либо проблем утвердился во Владимире.

Время от времени Менгу-Тимур направлял своих воинов на помощь русским князьям для борьбы против общих внешних врагов. Так, в 1274–1275 гг. хан по просьбе Льва Данииловича Галицкого направил ему на помощь воинов, которые приняли участие в походе галицко-волинских князей на Литву. Подобная политика Менгу-Тимура имела несколько положительных последствий: во-первых, хан демонстрировал поддержку своим верным вассалам, русским князьям, во-вторых, настраивал против них литовцев (которые могли стать потенциальными союзниками Червонной Руси в борьбе с Ордой) и, наконец, позволял своим воинам захватывать добычу даже тогда, когда Золотая Орда формально не вела никаких войн.

В 1276 г. скончался и великий князь Василий Ярославич (за год до этого, как и его предшественники, согласовавший с ханом кандидатуру своего преемника), и великий стол, перешел, наконец, к его племяннику Дмитрию Александровичу. Однако Дмитрий, возможно, обиженный на хана за то, что тот не пожелал поддержать его великокняжеские претензии в обход дяди Василия, не стремился тесно взаимодействовать с Сарасм. Новый великий князь даже не пошел в поход,

который Менгу-Тимур устроил против ясов (осетин) в 1277–1278 гг. и в котором весьма активное участие приняли многие русские князья. С их помощью хан сумел захватить осетинский город Джулат (в русских летописях — Дедяков). Эта победа позволила Менгу-Тимуру укрепить позиции Золотой Орды на Северном Кавказе и тем самым в еще большей степени гарантировать мирные отношения с Хулагуидским Ираном.

Как можно увидеть, Менгу-Тимур поддерживал с Русью в целом благожелательные отношения. За время его правления погиб только один русский князь — рязанский владетель Роман Ольгович, и хотя в русских источниках в его гибели принято обвинять Менгу-Тимура, вряд ли хан на самом деле имел отношение к убийству князя.

По-видимому, Роман Ольгович пал в борьбе со своими соперниками — удельными пронскими князьями, которые в течение XIII–XV вв. неоднократно претендовали на верховную власть в Рязанском княжестве. Не исключено, что пронские владетели привлекли на свою сторону монгольские отряды местных баскаков и с их помощью покончили с рязанским князем. Известно, что как раз с 1270 г. в Пронске стал княжить Ярослав, сын Романа Ольговича: по-видимому, он вместе с братьями решил отомстить местным князьям за отца и выгнал их из собственного княжества.

Однако позднее рязанской епархии понадобилось заполучить «собственного» христианского великомученика, и в результате появилась агиографическая легенда о «житии святого благоверного князя Романа Рязанского». Согласно «житию», кто-то донес на Романа Ольго-

ища Менгу-Тимуру, будто князь отказывается выплачивать ордынский выход и хулит веру монголов. Хан вызвал князя в Сарай, а тот прямо в глаза хану осудил его язычество и стал расхваливать христианство. Разъяренный хан приказал предать его мучительной казни — «фризять по суставам», а затем отрубить голову и вздеть ее на копье.

Такова официальная версия православной церкви, но она появилась лишь в XVI в. и совершенно не имеет отношения к реальным событиям. Во-первых, неизвестно ни одного случая, чтобы какой-либо золотоордынский хан казнил князя или простолюдина за отстаивание своих религиозных убеждений. Во-вторых, сам Менгу-Тимур покровительствовал русской православной церкви, свидетельством чему является его ярлык 1267 г. Сарайский епископ Митрофан неоднократно выполнял дипломатические поручения хана в Византии. Более того, в течение всего своего правления Менгу-Тимур, поощряя к русской православной церкви, не позволял католическим миссионерам закрепиться в центральных областях Золотой Орды: в конце его правления несколько миссий действовало лишь на ордынских границах с Венгрией, тогда как в Сарае католики смогли обосноваться лишь при преемниках Менгу-Тимура. Все эти факты заставляют отвергнуть версию о казни Романа Рязанского по приказу внука Бату.

Имея определенные религиозные предпочтения, первый золотоордынский хан, однако, не был силен в религиозных вопросах, и порой это его невежество приводило к нежелательным политическим последствиям. Это

проявилось, в частности, в истории с сельджукским султаном Изз ад-Дином Кей-Кавусом и его сыном.

Как мы помним, Берке в конце своего правления удалось вызволить свергнутого султана Кей-Кавуса II из византийского плена. Надеясь вернуть султану трон и использовать его в качестве орудия своей политики на Ближнем Востоке, Берке осыпал Кей-Кавуса милостями, женил на своей дочери и пожаловал в управление крымский город Солхаг. Однако Менгу-Тимур в 1268 г. заключил мир с ильханом Абагой и, вероятно, чтобы избежать поводов к возобновлению войны, отказался от плана Берке и изменил отношение к Кей-Кавусу. Он отозвал бывшего султана из Крыма и держал при себе, в Сарая. При его дворе Изз ад-Дин Кей-Кавус и скончался в 1277 или 1278 г.

Вот тут-то Менгу-Тимур и выказал свое незнание особенностей различных религий! Он предложил Масуду б. Кей-Кавусу жениться на Урбай-хатун, вдове его отца и дочери Берке. С точки зрения монгольской религии и степных обычаев такой брак не только допускался, но и приветствовался. Однако по канонам шариата он рассматривался едва ли не как кровосмешительство и потому был совершенно неприемлем для сельджукского принца. Недозволенному религией браку Масуд предпочел бегство из Золотой Орды. Вместе со своим братом Фарамарзом он бежал из Сарая и добровольно явился к ильхану Абаге, который, как ни странно, отнесся к сельджукским принцам благожелательно и даже выделил им в качестве удела часть сельджукской державы. В результате Менгу-Тимур лишился даже призрачной возможности возвести на сельджукский трон своего

отвлеченника и вернуть Золотой Орде контроль над Малой Азией, которым она обладала в эпоху Бату.

Впрочем, несмотря на такие неудачи, в целом внешняя политика Менгу-Тимура оказалась весьма эффективной, и он сумел оставить своим преемникам державу, пользующуюся большим авторитетом на международной арене.

V

Держава Менгу-Тимура процветала и наслаждалась миром. Хан проявлял себя не только как дальновидный политик, но и как справедливый судья: в памяти потомков он остался под прозвищем «Келек-хан», т. е. справедливый хан, при котором «все обиженные благодарили его природу, а обидчики жаловались».

Менгу-Тимур продолжил денежную политику Берке, последовательно обеспечивая выпуск на всей территории Золотой Орды единой монеты, которая обладала бы единым весом и единым оформлением. Он также приказал чеканить свой титул на монете, именуя себя «ханом высочайшим» и титулом «султан», который, вероятно, призван был поднять репутацию Менгу-Тимура в мусульманском мире. Кроме того, именно при Менгу-Тимуре на монетах Золотой Орды появляется так называемая «тамга дома Бату», показывавшая, что Золотая Орда является уделом уже не всего семейства Чингизидов, а именно потомков Бату.

Говорят, что тот, к кому благоволят боги, умирает молодым. По-видимому, Менгу-Тимур в значительной степени пользовался их покровительством: он скончал-

ся, не достигнув 40 лет. Смерть хана наступила в результате неудачной операции: у него в горле появился нарыв, который неумело вскрыли придворные врачи, что и привело к смерти. Произошло это в 1280 г.

Менгу-Тимур имел несколько жен, из которых старшей была Джиджек-хатун, ставшая супругой первого ордынского хана после смерти своего первого мужа Берке. Других его жен звали Олджай-хатун (из рода кунграт, племянница Мунке-хана), Султан-хатун (из рода ушин) и Кутуй-хатун. От этих жен у него было десять сыновей (Алгуй, Токта, Тудан, Бурлюк, Абаджи, Сарай-Буга, Тогрул, Малакан, Кадан и Кутуган), которые, в свою очередь, оставили многочисленное потомство. Таким образом, сохранение и продолжение рода Бату было обеспечено.

Но это не означало сохранение власти в роду именно самого Менгу-Тимура — первого хана! Поскольку, даже приняв ханский титул, Менгу-Тимур не сумел (или не счел нужным) ввести в Золотой Орде какой-либо четкий порядок передачи власти, сразу после смерти хана между его многочисленными родственниками началась очередная борьба за трон. Наиболее ярко проявил себя в ней темник Ногай.

Очерк четвертый
**НОГАЙ, ИЛИ ОРДЫНСКИЙ
KINGMAKER**
(временщик, 1280–1299)

Личность Ногай (монг. Нохой) является одной из самых известных и вместе с тем противоречивых в истории Золотой Орды. Прямой потомок Чингис-хана по мужской линии, не имевший права претендовать на трон. Воин, добившийся высших командных постов и спискавший славу полководца, но не выигравший ни одного сражения. Деятель, пользовавшийся любовью и уважением окружения, но при этом не доверявший никому. Высший сановник Золотой Орды, едва не расколовший ее пополам. Как все это могло соединиться в жизни одного человека? К чему же, в конце концов, привело?

I

Считалось, что у средневековых монголов не было незаконных детей: отец признавал своих сыновей, родившихся от наложниц, также как и сыновей от законных жен, и все они имели право на часть родительского наследства. В семействе потомков Чингис-хана это было и так, и не так. С одной стороны, сыновья ханов и цариц и от жен, и от наложниц считались законными

членами «Золотого рода», имели право на улус и на участие в политической жизни. С другой — сыновья от наложниц не имели надежды занять трон, пока жив был хотя бы один Чингизид, родившийся от законной жены своего отца.

Это в полной мере относилось и к Ногаю, который сам, как ни странно, был рожден в законном браке — как и его отец Татар. Но вот отец Татара, Бувал, сын Джучи, первенца Чингис-хана, родился от наложницы, и это перечеркнуло всем его потомкам путь к ханскому трону и верховной власти.

Ногай родился, вероятно, в 1230-е гг.: его отец являлся одним из старших сыновей Джучи (а возможно, и самым старшим) по возрасту. О молодых годах Ногая ничего неизвестно. Несомненно одно: он был одним из многочисленных царевичей-Чингизидов с большими амбициями, но небольшими возможностями — и в силу своего происхождения, и из-за большого числа старших и более знатных родственников, стоявших между ним и властью. Правда, впоследствии Ногай заявлял, что уже в ранней молодости он был приближен к самому Бату и даже, якобы, получил от него наказ блюсти законность и правопорядок в Улусе Джучи. Однако не следует доверять словам честолюбивого царевича: в годы правления Бату Ногай был еще слишком молод и незначим среди других, которые действительно находились в окружении Саин-хана.

По-видимому, Ногай в течение первых лет своей жизни пребывал во владениях своего семейства, потомков Бувала, которым были выделены самые западные территории Золотой Орды на Дунае — на территории

современной Молдавии. Ни в каких политических делах Ногай в эпоху Бату не участвовал, хотя, возможно, именно тогда начал устанавливать связи с правителями балканских государств, столь пригодившиеся ему впоследствии. По некоторым, (правда, не слишком достоверным) сведениям, именно он возглавлял монгольские войска, которые в 1248 г. захватили и разграбили Херсонес, отказавшийся признавать власть монголов.

В положении рядового члена ханского рода, не имеющего никаких шансов выдвинуться, Ногай пробыл вплоть до прихода к власти Берке, брата Бату. При Берке его звезда стала стремительно восходить.

II

Карьеру Ногая при Берке можно, без преувеличения, назвать головокружительной. В течение короткого времени он стал командиром отряда в авангарде ордынских войск, затем — темником и, наконец, командиром целой армии. Почему же Берке решил выделить и продвинуть именно Ногая?

Как мы помним, сам Берке пришел к власти, мягко говоря, не вполне законным способом — оттеснив от власти семейство своего брата Бату (причем устранив физически некоторых его представителей), а также не получив одобрения со стороны монгольского хана Мунке. Естественно, в его интересах было привлекать к себе представителей младших ветвей рода Джучи, которые были бы целиком обязаны ему своим возвышением и в дальнейшем стояли на страже его интересов. Энергичный Ногай в этом отношении являлся самым идеальным протеже.

Кроме того, в какой-то мере Ногай был обязан своим возвышением и случайному, в общем-то, стечению обстоятельств. Судьбе было угодно, чтобы среди командиров золотоордынских отрядов, которые по приказу хана Мунке отправились вместе с Хулагу на завоевание Ирана, был Тутар б. Минг-Кудур б. Бувал — двоюродный брат Ногая. Около 1260 г. Хулагу обвинил его в покушении на свою жизнь и приговорил к смерти. Естественно, когда Берке двумя годами позже начал войну с Хулагу, он решил поручить командование передовым отрядом Ногаю, не без оснований полагая, что этот царевич захочет отомстить ильхану за гибель своего близкого родича.

Так, в августе 1262 г. Ногай стал военачальником Берке и, возглавив часть авангарда ордынских войск, первым осуществил вторжение в Ширван. Его дебют в качестве полководца оказался довольно неудачным. Вначале, воспользовавшись неожиданностью своего нападения, он сумел смять немногочисленные кордоны иранских монголов, но вскоре навстречу ему выступил сам Хулагу, и Ногаю пришлось плохо. Ильхан разгромил Ногая и гнал его целых двенадцать дней до самой ордынской границы. Только там незадачливому военачальнику удалось оторваться от преследования. Он стал лагерем у Дербента, приводя в порядок свои потрепанные войска.

Несколько месяцев спустя, в декабре, Хулагу, не дав Ногаю окончательно восстановить силы, сам перешел в наступление и вторгся в пределы Золотой Орды. Ногай был вторично разбит наголову и обратился в бегство, преследуемый передовыми отрядами ильхана под командованием Абаги б. Хулагу. Но увлекшиеся преследо-

шием воины Абаги оказались глубоко на территории Золотой Орды, за что и поплатились: Берке сумел мобилизовать огромные силы и внезапно обрушился на Абагу, обратив его в бегство. Ногай, оказавшись в составе превосходящих сил, с удвоенной яростью бросился на иранцев и проявил в сражении богатырскую силу и отвагу, сумев отбросить войска Абаги за Терек, при переправе через который многие иранцы утонули. Таким образом, Ногай сумел избежать наказания за свое поражение и даже остался в милости у своего двоюродного деда: Берке не только не снял его с театра военных действий, но даже поручил ему в следующем году командование всем авангардом.

Прибыв в печально памятный ему лагерь под Дербентом, Ногай приказал своим подчиненным выступать на Иран и ускоренным маршем двинулся во владения Хулагу. Однако на первой же стоянке он пал жертвой военной хитрости ильхана. В лагерь Ногай пришел человек, который выдал себя за перебежчика от Хулагу и заявил: «Недавно из Китая прибыли гонцы с вестью, что Кубилай-каан воссел на престол, а Арик-Бокэ покорился его приказу, Алгу же скончался, а Хулагу-хану вышел ярлык, что он-де государь от реки Амуйе до дальних пределов Сирии и Мисра, и тридцать тысяч монгольских удальцов ему отправили на помощь». Ногай поспешил отступить на территорию Золотой Орды, и его трудно винить за это. Несомненно, он опасался не столько тридцатитысячного подкрепления врагу, сколько самого факта вмешательства хана Хубилая в войну и хотел сначала получить указания от правителя Золотой Орды,

следует ли продолжать боевые действия в изменившихся политических условиях.

В самом деле, Берке решил не рисковать и на время отложил военные действия против ильхана. Ногай получил возможность реабилитироваться на другом фронте — балканском: Берке поручил ему деликатную миссию по освобождению из византийского плена бывшего сельджукского султана Изз ад-Дина Кей-Кавуса. Вероятно, направляя в этот поход именно Ногаю, Берке полагал, что Ногай, имея владения на Балканах, сумеет использовать свои связи в этом регионе для успешного завершения операции.

Так и получилось. Ногаю даже не понадобились значительные ордынские силы: с помощью посулов или угроз он сумел убедить болгарского царя Константина Асена принять участие в походе со своей многочисленной армией. Болгарский царь, к которому Кей-Кавус неоднократно обращался за помощью, и сам разрабатывал планы по освобождению пленного султана и поэтому внимательно следил за событиями в Византии. Получив сообщение, что император Михаил VIII Палеолог находится в Фессалии и собирается возвращаться в Константинополь, Ногай и царь Константин замыслили дерзкий план: захватить императора в плен, и тогда освобождение султана оказалось бы проще простого.

Болгары, издавна воевавшие с Византией и хорошо знавшие местность, оказались хорошими проводниками. Они сумели скрытно провести войска Ногаю и Константина в пределы Фракии, где ордынцы решили устроить засаду императору. Правда, долго сохранять свои намерения в тайне им не удалось: воины Ногаю, а за ними

и болгары начали грабить местное население, в результате чего по всей округе разнеслись слухи о вторжении врага, которые, в конце концов, дошли и до императора. Михаил VIII, отрезанный от столицы и своих основных сил, попал в крайне затруднительное положение. Один раз он оказался на расстоянии дневного перехода от войск Ногая и едва не попал в плен. С большим трудом императору удалось добраться до города Гана, где он, к своему огромному облегчению, увидел в порту две генуэзские галеры и решил добраться до столицы морем.

Не сумев пленить императора, Ногай вернулся к первоначальному плану и двинул свои объединенные силы к городу Эн, в котором Михаил VIII держал султана Кей-Кавуса. Осадив его, Ногай направил в город посланцев, через которых передал местным жителям: если те не выдадут султана, он возьмет город и истребит всех поголовно. Находившиеся при султанине императорские стражники, опасаясь наказания за утрату пленника, намеревались оказать сопротивление и были готовы в крайнем случае даже умертвить султана, но не отдавать его ордынцам. Однако население, решив использовать имеющийся шанс сохранить жизнь и имущество, заставило их выдать Кей-Кавуса. Как только султан покинул город и оказался в лагере Ногая, ордынский полководец приказал немедленно сниматься и уходить: он также не горел желанием завершить столь удачный и прибыльный поход встречей с императорскими войсками, которая неизвестно чем могла кончиться. Ногай поступил совершенно правильно: два дня спустя после его ухода на рейде Гана оказался императорский флот.

С освобожденным султаном Ногай вернулся в Орду, по пути разграбив ряд византийских и болгарских селений. Захваченной добычей он всегда щедро делился с соратниками, которые готовы были в огонь и в воду за своего вождя...

В феврале 1265 г. до Берке дошли слухи, что Хулагу умер, и никаких войск Хубилая в Иране не замечено, и решил предпринять очередной поход в Азербайджан. Ногай снова был поставлен во главе авангарда, насчитывавшего на этот раз 30 000 воинов, а следом за ним двинулись пять туменов золотоордынских войск под командованием нойона Сунтая. Новый ильхан Абага, получив сведения о численности вражеских войск, решил применить военную хитрость и притворным отступлением заманил Ногаю далеко в глубь своей территории. В результате хитрых тактических маневров иранским монголам удалось создать у Сунтая впечатление, что Ногай окружен и разгромлен, и полководец поспешил отступить к границам Золотой Орды, чтобы не разделить его участь.

В результате Ногай со своими тремя туменами остался один против всей иранской армии. Юшумут, брат ильхана, обрушился на него и разгромил. Вероятно, одной из причин поражения ордынских войск стало то, что в разгар битвы Ногай был ранен копьем в лицо и лишился глаза. Боль была настолько сильной, что он даже не мог сидеть в седле, и его пришлось положить на повозку. Оставшимся без командира ордынцам не оставалось ничего другого, как обратиться в бегство.

Однако дальше в точности повторился сценарий кампании 1262 г.: Абага, увлекшийся преследованием,

шел дальше, чем требовало благоразумие, и внезапно оказался перед 300-тысячной армией под командованием самого Берке. Ильхан поспешил отступить за Куру и закрепился на своем берегу, успешно отражая все попытки ордынцев переправиться. Несмотря на то что Ногай в очередной раз потерпел поражение, его никто не смог бы упрекнуть: его раны свидетельствовали о его мужестве.

Возможно, Берке и начал подумывать о замене своего любимца более опытным полководцем, однако, даже если и имел такие намерения, то не успел привести их в исполнение. Как мы помним, во время «стояния на Куру» в 1266 г. правитель Золотой Орды скончался, оба войска разошлись по домам, так и не вступив в сражение, и война на некоторое время затихла.

III

Каково бы ни было отношение к Ногаю у Берке к концу его правления, смерть покровителя весьма существенно отразилась на дальнейшей судьбе Ногая. Будучи одним из приближенных Берке, он принял активное участие в придворных интригах после его смерти, стремясь поставить во главе Золотой Орды удобного для себя правителя.

Кого именно поддерживал Ногай, неизвестно, несомненно одно: он сделал неверную ставку, отказавшись сразу признать новым правителем Менгу-Тимура, внука Багу. Менгу-Тимур же, выйдя к 1267 г. победителем в борьбе за власть, немедленно отстранил Ногая от командования войсками и повелел ему отправляться в родовые

владения на Дунае. Впрочем, Менгу-Тимур прекрасно понимал, что Ногай сохранил влияние и в семейной иерархии, и особенно в войсках, а потому, отправив его в ссылку, сам благоразумно не стал вмешиваться во внутренние дела его улуса, фактически предоставив опальному темнику полную свободу действий во внутренней и внешней политике.

Поэтому Ногай в течение всего правления Менгу-Тимура не участвовал в общеордынских делах: не бывал при дворе, не командовал войсками, не принимал участия в событиях 1269 г., в результате которых Менгу-Тимур стал первым ханом Золотой Орды. Несомненно, удаление от сарайского двора стало сильным ударом для энергичного и амбициозного царевича. Однако Ногай вовсе не собирался ставить крест на своей карьере и тихо доживать век в придунайских владениях. Напротив, он активизировал свою деятельность, лихорадочно пытаясь найти свое место на международной арене и доказать как золотоордынским властителям, так и иностранным государям, что его еще рано списывать со счетов.

К счастью для Ногая, монгольские правители, как правило, старались «не выносить сор из избы» и не делали свои внутренние конфликты достоянием международной общественности. Поэтому иностранные государи в течение всего срока опалы Ногая даже не подозревали, что этот темник, столь влиятельный при Берке, теперь находится в немилости и играет далеко не первую роль при ордынском дворе. Естественно, и сам Ногай старался создать у них представление об обратном. В результате в течение всего правления Менгу-Тимура арабские

правители, отправляя послов в Золотую Орду, присылали дары не только хану, его женам и братьям, но и Ногаю.

Пользуясь тем, что Менгу-Тимур никак не вмешивается в дела его улуса, Ногай развернул широкую дипломатическую деятельность, бесцеремонно присвоив себе право самостоятельных внешних сношений, являвшееся прерогативой только независимых государей. Без какого-либо согласования с ханским двором он обменивался посольствами и заключал союзы с государями Востока и Запада.

Так, в 669 г. х. (1270 г.) он направил собственное посольство к египетскому султану Рукн ад-Дину Бейбарсу, предложив ему союз. Чтобы в большей степени расположить к себе султана, Ногай поведал ему в своем послании, что принял ислам (возможно, темник это и в самом деле сделал, поскольку в арабских источниках он фигурирует под мусульманским именем «Иса»). Бейбарс немедленно отреагировал на инициативу темника, и с этого времени между ними завязалась дружественная переписка. Ногай наслаждался своим положением практически самостоятельного государя, обменивавшегося посланиями с одним из могущественнейших правителей в мире. Илгал. Илгал самым беспардонным образом, обещая султану, что непременно поспособствует в развязывании новой войны с Ираном, прекрасно зная, что ничего не сможет сделать, пока Менгу-Тимур жив и находится у власти.

Как ни странно, но султан Бейбарс, сам опытный политик и прожженный интриган, охотно верил обещаниям Ногай. Может быть, потому что хотел верить?

Однако ожидания султана не сбылись: он умер в 1277 г., так и не дождавшись войны Золотой Орды с Ираном, которую обещал Ногай. Однако преемники Бейбарса унаследовали, помимо всего прочего, и хорошие отношения с Ногаем, которому и впоследствии постоянно направляли послания и богатые дары. В конце концов, Ногаю удалось выполнить обещание, данное Бейбарсу, и развязать войну с хулагуидским Ираном — правда, это случилось, когда трон Золотой Орды занял Тула-Буга, второй по счету преемник Менгу-Тимура, а во главе Египта стоял султан Калаун, третий преемник Бейбарса. Впрочем, как ни странно, Ногай даже вынужденный мир с Ираном сумел использовать в своих интересах: он направил к ильхану Абаге в качестве посланца своего сына Тури, который женился на дочери ильхана.

Дружеские связи Ногая с египетским султаном не могли не отразиться на положении темника в глазах других государей, которые были вынуждены соотносить свою внешнюю политику с позицией Египта. Одним из таких государей был Михаил VIII Палеолог — император Византии, некоторое время тому назад едва не угодивший в плен к Ногаю и его союзнику, болгарскому царю Константину. Стремясь оградить себя от новых нападений со стороны могущественного темника, император пошел на беспрецедентный шаг: он выдал замуж за Ногая свою внебрачную дочь Евфросинию. Так дикий неграмотный кочевник стал зятем византийского базилевса и даже получил в византийской имперской иерархии титул архонта — правителя провинции!

Породнившись с императором, Ногай и в самом деле стал проводить гораздо более дружественную по-

литнику по отношению к Византии, правителя которой он не без иронии именовал своим «отцом». Естественно, базилевс мог считаться «отцом» Ногай только в «семейном» отношении, а не в политическом: темник не мог признавать его верховенства, являясь (пусть и фактически номинально) подданным золотоордынского хана.

То, что Ногай не испытывал никакого пиетета к своему «отцу», он откровенно демонстрировал, принимая его посольства, которые Михаил VIII направлял к новопленному зятю с богатыми дарами — целыми бочками знаменитых ромейских вин, золотой и серебряной посудой, роскошными драгоценными одеждами и головными уборами, приличествующими византийской знати. Как сообщает византийский историк Георгий Пахимер, современник описываемых событий, Ногай, Принимая вина и щедро воздавая им должное, с изрядной долей презрения относился к византийским одежаниям. Беря в руки расшитые жемчугом головные уборы, он спрашивал: «Полезна ли эта калиптра для головы, чтобы она не болела, или эти рассеянные по ней жемчужины и другие камни имеют ли силу защищать голову от молнии и ударов грома, так чтобы человек под такую калиптрою был непоразим?» Примеряя драгоценные златотканые одежды, темник задавал аналогичные вопросы: «А эти драгоценные платья избавят ли члены моего тела от утомления?» И когда византийские дипломаты со смущением были вынуждены отвечать отрицательно, Ногай с отвращением сбрасывал чуждые ему одежания (а иногда даже и рвал их на глазах у императорских посланцев) и демонстративно облачался в привычный ему армяк.

Но император сквозь пальцы смотрел на «дипломатические шалости» Ногая, поскольку на деле темник нередко доказывал союз с Византией. В первую очередь, это отразилось на византийско-болгарских отношениях: став зятем императора, Ногай не только сам прекратил набеги на византийские области, но и запретил совершать их своему прежнему союзнику и вассалу — болгарскому царю Константину Тиху. В 1277 и 1278 гг. войска Ногая совместно с армией императора действовали против болгар, а в 1282 г. — против фессалийского правителя Иоанна, и в это время — удивительное дело! — монголы находились на территории Византии в качестве союзников.

В 1277 г. царь Константин Асен был свергнут и убит в результате народного восстания, и трон Болгарии занял «крестьянский царь» Ивайло, женившийся на вдове Константина. Новый царь сразу начал боевые действия против монголов, которых однажды сумел даже разгромить в сражении. Но всего год спустя против него выступил ставленник византийского императора Иван Асен III (также зять Михаила VIII), и Ивайло не нашел ничего лучше, как обратиться за помощью к Ногаю. Он прибыл в лагерь темника, который поначалу принял его с честью: свергнутый царь был для него орудием влияния на политику Болгарии и Византии. Еще год спустя был свергнут и Иван Асен III, который также прибыл к Ногаю. Темнику, безусловно, льстило, что от его решения зависят судьбы двух царей Болгарии. Однако он прекрасно понимал, что долго такая неопределенность длиться не может, а потому принял решение, обосновав его интересами своего тестя. В 1280 г. на пиру, на кото-

ром присутствовали оба свергнутых болгарских монарха, он заявил, указав на Ивайло: «Этот человек — враг моего отца, императора, и достоин никак не жизни, и смерти». Свергнутый царь был тут же на месте умерщвлен. Иван Асен III, со дня на день ожидавший такой же участи, в конце концов, по настоянию Евфросинии, супруги Ногая, был отослан в свои прежние владения в сербской Мачве. Новый царь, Георгий Тертер, поначалу плативший ордынцам дань (подобно русским вассалам Золотой Орды), с 1285 г. был вынужден признать себя фактическим подданным — причем даже не хана, а самого Ногая, и чеканил монеты с соответствующей символикой.

Отказавшись от набегов на Византию, Ногай обратил свой взор на другие страны Центральной Европы. В 1275–1279 гг. он совершил ряд набегов на территории Польши и Литвы. Эти походы оказались полезны для Ногая не только с точки зрения поживы, хотя ему и удавалось награть достаточно добычи и увести в рабство множество местных жителей. Гораздо важнее было то, что во время этих походов темник сблизился с южнорусскими князьями — Львом Галицким и Романом Брянским, которые в большей мере стали подчиняться ему, а не сарайскому хану. А самое главное, его соратником по набегам стал царевич Тула-Буга, являвшийся баскаком в Южной Руси и, вместе с тем, одним из наиболее вероятных претендентов на ханский трон: он был сыном Тарбу, старшего брата Менгу-Тимура. Несколько позднее, в 1283 и 1285 гг. Ногай и Тула-Буга вместе с галицко-волынскими князьями совершили успешные набеги на Венгрию и Польшу, и эти удачные кампании еще

больше сблизили двух Джучидов. Союз со столь влиятельным родичем открывал перед Ногаем весьма заманчивые перспективы в будущем.

И это будущее наступило очень скоро: в 1280 г. умер хан Менгу-Тимур; с его смертью ссылка Ногай закончилась, и он получил возможность вернуться к активной политической жизни.

IV

Вынужденная ссылка пошла Ногаю на пользу: он вернулся в Сарай гораздо более могущественным, чем был, когда его удалили от двора. Оказавшись в столице, он полностью погрузился в мир интриг и междоусобиц, в которых чувствовал себя как рыба в воде.

Как мы помним, Менгу-Тимур не назначил себе преемника, что привело к очередному всплеску борьбы за власть. Кто-то стоял за Туда-Менгу, младшего брата хана, кто-то — за Тула-Бугу, его племянника. Сторонники Тула-Буги даже утверждали, что Менгу-Тимур, якобы, завещал выбрать ханом именно Тула-Бугу, поскольку его отец Тарбу был старшим братом Менгу-Тимура, а сам Тула-Буга был старшим сыном своего отца. Однако на стороне Туда-Менгу были и возраст, и старшинство в семейной иерархии, а главное — он исповедовал ислам, и поэтому на его стороне выступали представители мусульманской общины Золотой Орды, влиятельные богословы и торговцы.

Несомненно, за время общения с балканскими государями Ногай понаторел в политике, что позволило ему на этот раз поддержать «правильного» кандидата, и он,

несмотря на свои дружеские отношения с Тула-Бугой, сделал выбор в пользу его дяди Туда-Менгу. Новый хан отблагодарил Ногая, возведя в ранг бекляри-бека — фактически премьер-министра и верховного главнокомандующего войсками всей Золотой Орды.

Впрочем, Ногай не был бы Ногаем, если бы не продумал запасного плана: он вовсе не собирался порывать отношения с Тула-Бугой, а напротив — пообещал ему, что тот вскоре займет трон. Возможно, сведения об этом дошли до Туда-Менгу, а может быть, хан просто стал тяготиться чрезмерным усилением своего военачальника, но он начал проводить политику, которой прежде придерживался его брат Менгу-Тимур: хан постарался ограничить власть Ногая, дистанцируя его от большой ордынской политики.

И вскоре интересы хана и бекляри-бека столкнулись, причем в отношении русских земель. Надо сказать, что не только Орда, но и Русь в это время стала представлять как бы два удела — Юго-Западная и Южная Русь целиком и полностью находились в сфере влияния бекляри-бека, тогда как северо-восточные княжества все еще были под властью хана. Туда-Менгу решил положить этому конец и предпринял ряд действий, чтобы исправить ситуацию.

Наиболее радикальным вмешательством Туда-Менгу в политику Руси стала замена одного великого князя другим — такого не позволял себе ни один ордынский правитель со времен Бату, помогшего Александру Невскому сместить своего брата Андрея! В 1281 г. к хану обратился князь Андрей Городецкий, второй сын Невского, с жалобой на своего старшего брата, великого князя

Дмитрия. Андрей обвинил брата в неподчинении ханской власти и сумел убедить хана, что будет куда лучшим вассалом, нежели Дмитрий. Кроме того, Дмитрий Переяславский в свое время по какой-то причине замешкался явиться к хану для подтверждения своего великокняжеского статуса, а Андрей еще и имел в Орде сильных покровителей среди сановников и военачальников: он обзавелся ими еще при Менгу-Тимуре, во время совместного русско-ордынского похода на Джулат (Деяков). Результатом стала очередная ордынская «рать» на Русь: хан выдал Андрею Александровичу ярлык на великое княжение и отправил с ним войска под командованием нойонов Кавгадыя и Алчедая. Ордынские полководцы не удовольствовались тем, что заставили Дмитрия оставить великий стол и бежать аж в Швецию, но еще и разорили русские княжества — Переяславское, Муромское, Суздальское, Юрьевское и др. Андрею Александровичу удалось занять великий стол, а немного позже стать и новгородским князем.

Однако на следующий год новый великий князь был вынужден бежать из только что обретенного Владимира, поскольку его брат Дмитрий вернулся, собрал рать и двинулся на него. Андрей вновь обратился к хану за помощью, и тот вторично предоставил ему войска — на этот раз под командованием Тура-Тимура и Алына, которые, возвращая великий стол Андрею, снова разграбили суздальские земли. На этот раз Дмитрий Александрович, прекрасно осведомленный о разногласиях между Туда-Менгу и Ногаем, обратился за помощью к бекляри-беку, который приказал братьям помириться, а трон вернул старшему, Дмитрию Александровичу. Влияние

Ногай было настолько сильным, что хану пришлось смиригься с таким положением дел.

Но на этом противостояние Туда-Менгу и Ногай по поводу русских земель не прекратилось. Тогда же, в начале 1280-х гг., Ногай назначил в Курское княжество баскаком купца-мусульманина Ахмата, который около 1283 г. создал там две «слободы», в которых охотно селил крестьян и горожан, бежавших от своих князей. Беглецов привлекало то, что в этих слободах взималось куда меньше налогов и повинностей, чем у русских же князей. Естественно, князьям такое положение не очень-то нравилось, и двое из них, Олег Рыльский и Святослав Липецкий, обратились с жалобой к хану. Туда-Менгу приказал им: «Что будет ваших людей в слободах тех, тех людей выведите в свою волость, а слободы те разгоните». Ободренные ханской поддержкой, курские князья вместе с ханскими «приставами» разграбили слободы, и их обитателей захватили в плен. Ахмат немедленно обратился с жалобой к Ногаю, причем представил дело так, будто Олег и Святослав готовятся к войне против него, бекляри-бека. Ногай вызвал к себе «провинившихся» князей, однако те, естественно, не рискнули явиться, и тогда он двинул в Курскую волость свои войска. Олег и Святослав бежали к Туда-Менгу-хану, но Ахмату удалось захватить нескольких их бояр, которых он предал казни. Свои слободы баскак вскоре восстановил, и когда Олег Рыльский снова отправился в Орду, Святослав Липецкий, не дожидаясь ханского решения, опять разгромил их. Вернувшись из Сарая с ханскими чиновниками, Олег узнал о содеянном и, расвирепев, убил Святослава, желая тем самым избегнуть нового нашествия Ногай.

Это князю и в самом деле удалось: вскоре он вместе с двумя сыновьями был убит Александром Липецким, братом Святослава. Впрочем, узнав о гибели обоих князей, Ногай пришел к выводу, что виновные понесли заслуженное наказание, и больше не совершал набегов на и без того разоренную Курскую волость.

Попытавшись уменьшить власть и влияние Ногая, Туда-Менгу, лишенный могущества и энергии своего брата Менгу-Тимура, оказался не в состоянии сделать это и в результате поплатился тронем. Ногай стал все больше и больше «давить» на хана, постепенно отстраняя его от дел и выводя на первые роли своего доброго приятеля Тула-Бугу. Большую помощь Ногаю в интригах оказала Джиджек-хатун — властная женщина, бывшая сначала любимой женой хана Берке, а затем — главной супругой Менгу-Тимура и пользовавшаяся огромным влиянием в стране, особенно среди мусульман, поскольку сама исповедовала ислам. А в 1287 г. Тула-Буга объединился со своими родными и двоюродными братьями и устроил государственный переворот: под формальным предлогом, что хан, якобы, слишком много внимания уделяет религиозным делам и совершенно не вникает в дела государственные, заговорщики заставили Туда-Менгу отречься от трона. Хан понял, что власть ему уже не удержать, и, желая сохранить хотя бы жизнь, объявил, что охотно отрекается и намерен провести остаток жизни в благочестивых занятиях. Его племянникам только того и надо было: они объявили дядю сумасшедшим и на этом основании признали неспособным к ханствованию.

Туда-Менгу был посажен под арест в дальних покоях ханского дворца в Сарае и больше в политической жизни Золотой Орды не участвовал, а два года спустя таинственно скончался. По-видимому, он был умерщвлен по приказу Тула-Буги и Ногая. Интересно отметить, что бекляри-бек лично не принимал участия в этом перевороте, предоставив действовать своим сообщникам-царевичам. Тем самым Ногай избежал возможных обвинений в мятеже против законного хана, тогда как у него самого появлялись основания в случае необходимости обвинить в этом Тула-Бугу и его сообщников...

V

Казалось, настал звездный час Ногая: на трон вошел его прямой ставленник Тула-Буга. Однако бекляри-бек, никогда и никому не доверявший до конца, и на этот раз решил подстраховаться: хотя он и позволил Тула-Буге стать ханом, однако не собирался отдавать новому монарху всю полноту власти. Фактически соправителями нового хана стали его родной брат Кунчек и два двоюродных — Алгуй и Тогрул, сыновья Менгу-Тимура. Ногай сохранил за собой пост бекляри-бека, а кроме того, самовольно присвоил себе статус «ака» — главы рода Джучидов с правом разрешать по собственному усмотрению все споры в ханском семействе. И, решив максимально использовать преимущества своего положения, Ногай вознамерился в очередной раз выказать себя великим полководцем, причем на том же театре боевых действий, где уже не раз терпел поражение — в войне с хулагуидским Ираном.

С 1265 г. не только в Золотой Орде, но и в Иране сменилось несколько монархов. В 1282 г. умер Абага, которого сменил его брат Тохудар, принявший ислам и мусульманское имя Ахмад, поэтому Туда-Менгу, тоже мусульманин, не хотел враждовать с ним, несмотря на недовольство Ногая. Тохудар, в свою очередь, был свергнут Аргуном, сыном Абаги, исповедовавшим буддизм. В глазах Ногая, стремившегося предстать в глазах египетских союзников ревностным мусульманином, Аргун являлся язычником, и бекляри-беку не составило труда убедить нового хана объявить войну Ирану. Ильхан, занявший трон после кровавой междоусобицы в 1284 г., все еще наводил в своей стране порядок и вовсе не имел намерения сражаться с Золотой Ордой. Но еще меньше Аргун желал без сопротивления уступить Азербайджан, который столь успешно отстаивали его дед и отец. Поэтому, когда в 1288 г. золотоордынские войска под командованием Ногая и Тама-Токты двинулись в сторону Шиврана, Аргун немедленно собрал свои силы и выступил им навстречу.

Поистине, азербайджанская и иранская земля были созданы не для Ногая: он в очередной раз потерпел поражение от войск ильхана! На этот раз опытный и уже немолодой полководец был разбит 30-летним Аргуном, практически не имевшим опыта большой войны (да еще и страдавшим врожденной смертельной болезнью), и совсем молодым эмиром Чопаном, которому впоследствии суждено было стать «Ногаем» в государстве Хулагуидов. Наголову разбив ордынцев, Аргун благоразумно не стал их преследовать, позволив поредевшим войскам Ногая и Тама-Токты достичь границ Золотой Орды. Это

хотя бы отчасти спасло репутацию Ногая и целостность державы Джучидов, поскольку разгромленный бекляри-бек даже не оставил пограничных заслонов, и приграничные территории Орды были полностью беззащитны перед вторжением врага.

Чтобы хоть как-то реабилитировать себя в глазах хана и сановников за столь позорный разгром, Ногай решил осуществить другую кампанию, в успехе которой не сомневался — грабительский рейд на Венгрию, подобный тому, который три года назад он успешно совершил совместно с Тула-Бугой. Хан вознамерился снова лично принять участие в набеге: по-видимому, и он сохранил не менее приятные воспоминания о той вылазке.

Тула-Буга и Ногай решили осуществить вторжение в Венгрию с двух сторон: бекляри-бек выступил из своих причерноморских владений через равнины, а хан — из южнорусских земель через Карпаты, поскольку, будучи баскаком в Южной Руси, успел неплохо узнать этот путь. Однако и этот поход Ногая оказался неудачным. Во-первых, ордынцам не удалось взять богатой добычи, поскольку области, постоянно подвергавшиеся их нападениям, не успевали восстановить свое благосостояние за столь короткий срок. Во-вторых, Тула-Буга, возвращаясь через Карпаты, оказался застигнут бураном и потерял воинов больше, чем во время набега. В результате отношения между ханом и бекляри-беком совершенно испортились: Тула-Буга обвинил Ногая в том, что бекляри-бек специально отправил его через горы, чтобы самому вернуться со славой и добычей, оставшись единственным победителем. Соправителям Тула-Буги и другим

родичам удалось погасить ссору, но напряженность в отношениях хана и его бекляри-бека осталась.

В 1290 г. Ногай предпринял очередную попытку вторжения в Иран и направил десятитысячный отряд в Шабран. Несмотря на то что сам он на этот раз даже не командовал войсками (ордынцев возглавили его прежний соратник Тама-Токта и еще несколько царевичей), они были снова разгромлены ильханом Аргуном и, оставив на поле боя убитыми 300 воинов, а еще больше пленными, были вынуждены отступить.

Тула-Буга и его соправители, все больше тяготившиеся зависимостью от бекляри-бека, начали открыто выражать сомнения в его способностях полководца и целесообразности сохранять за ним пост главнокомандующего. Ногай, в свою очередь, стал серьезно сомневаться, стоит ли Тула-Буге продолжать занимать трон — тем более что бекляри-бек уже нашел ему замену в лице Токты, 16-летнего сына Менгу-Тимура. Вынужденный скрываться от своих братьев, и ранее считавших его опасным соперником, Токта с радостью пошел на сговор с Ногаем, но до поры до времени они решили сохранять свои намерения в тайне.

Согласно персидскому историку Рашид ад-Дину, Ногай сделал вид, что готов пойти на мировую с ханом-соправителями и каждому из их приближенных говорил при встрече: «Подходит пора старости, я оставил споры, распри и смуты, ни с кем не ссорюсь и не помышляю воевать. Однако есть у меня от Саин-хана указ, что если кто-либо в его улусе совершит непутевое и расстроит улус, то чтобы я расследовал это дело и склонил их сердца к согласию друг с другом». Таким образом,

в глазах нойонов он представлял мудрым и миролюбивым старцем, изо всех сил старавшимся сохранить мир в стране и согласие в семействе Джучидов.

Реализуя свой коварный план, Ногай решил также заручиться содействием своей старинной союзницы Джиджек-хатун, которая по-прежнему пользовалась большим влиянием и уважением в семействе Джучидов. Когда ее посланец вошел в шатер Ногая, он застал бекляри-бека лежащим без сил на кошме и постоянно харкающим кровью (на самом же деле хитрый Ногай заранее набрал в рот свежей крови и теперь периодически сплевывал ее!). Узнав от своего приближенного, в каком состоянии находится Ногай, Джиджек-хатун немедленно направила к Тула-Буге и его братьям послание, в котором, в частности, говорилось: «Как можно скорее удостойтесь беседы с тем немощным старцем, оставляющим сей мир и твердо решившим отправиться в другой мир. Если вы допустите в этом деле небрежность и нерадивость, то молоко ваших матерей да не будет вам впрок!»

Хан и его братья поверили Джиджек-хатун и, кроме того, пожелали лично убедиться в том, что Ногай смертельно болен и более не представляет угрозы. Все четверо явились к бекляри-беку в шатер, где он по-прежнему продолжал разыгрывать из себя смертельно больного. Только на этот раз он еще и начал читать им нравоучение: «Дети, я служил отцам нашим, и в старину и в недавние времена устанавливал всяческую справедливость, поэтому вам необходимо выслушать мое нелицеприятное слово, дабы я мог сменить ваши распри на истинное согласие. Ваше благо — в мире, устройте курилтай, дабы я дал вам мир». Пока братья с напускным

смирением и почтением выслушивали «последнюю волю умирающего», шатер окружили сторонники Ногай и Токты, которые по сигналу ворвались внутрь и схватили всех четверых.

Ногай приказал подвести пленников к Токте и заявил ему: «Вот этот, — он указал на Тула-Бугу, — завладел царством отца твоего и твоим царством, в вот эти сыновья отца твоего согласились с ним схватить и убить тебя. Я отдал их в твои руки; умертви их, как хочешь». Токта прекрасно знал, чего от него хочет Ногай: не дрогнув, он отправил на казнь четырех потомков Бату, среди которых были два его брата по отцу — родной Алгуй и единокровный Тогрул. Вскоре по его приказу были казнены еще три сына Менгу-Тимура, принявшие сторону Тула-Буги — Малаган, Кадан и Кутуган.

Так 17-летний Токта стал очередным ханом, которого «сделал» Ногай. Возможно, всемогущий бекляри-бек не исключал возможности в будущем заменить и его, если новый хан станет выказывать строптивость. Однако вряд ли Ногай мог себе представить, что только что по собственной воле возвел на трон самого опасного своего противника, который впоследствии станет виновником его крушения и гибели!

VI

Поначалу в отношениях Токта-хана и его бекляри-бека царилла полная идиллия. Молодой хан безропотно исполнял любые требования Ногай, которые чаще всего сводились к приказу устранить кого-либо из нойонов, не угодных бекляри-беку.

Так, однажды, Яйлак(Байлак)-хатун, супруга Ногая, прибыла в гости к Токте и сказала ему: «Отец твой, — она имела в виду Ногая, — говорил тебе, что на пути твоём осталось еще немного терна». Токта прекрасно понял намек и спросил: «А что это за терн?» И Яйлак-хатун назвала ему более двадцати нойонов, которым не доверял ее супруг. Хан подчинился приказу бекляри-бека: он под какими-то предлогами вызвал к себе всех этих нойонов поодиночке и казнил. Чуть позже Токта, также по приказу Ногая, велел задушить и ханшу Джиджек — к счастью для хана, она не была его матерью!

Избавившись от всех влиятельных соперников при ханском дворе, Ногай стал еще больше усиливаться. Освободившиеся места сановников он старался передать собственным родственникам — своим сыновьям Джуки, Теке и Тури и внуку Ак-тайджи, который был сыном его дочери и нойона Таш-Тимура. Сам бекляри-бек все больше времени проводил в своем придунайском улусе, стараясь превратить его в практически независимое государство и укрепляя свое влияние в балканских странах. В 1292 г. он возвел на трон Болгарии своего ставленника боярина Смилеца, а также вынудил сербского краля Стефана Милутина признать вассалитет — но опять-таки не от хана Золотой Орды, а именно от Ногая! Сын краля, Стефан (будущий король Стефан Дечанский, отец Стефана Душана), был отдан Ногаю в заложники. Вассалитет от Ногая признали также автономные болгарские княжества — Видинское и Браничевское. В результате бекляри-бек в начале 1290-х гг. превратился в повелителя огромной империи, включавшей половину

Золотой Орды и имеющей собственных вассалов среди русских и балканских правителей.

Около 1296 г. Ногай начал чеканить монету с собственным именем, фактически претендуя на статус правителя, независимого от хана Золотой Орды. И, что вызвало особенно негативную реакцию при ханском дворе, приказывал проставлять на монете не только свое имя, но и своего старшего сына Джуки, намереваясь сделать его своим преемником — что вообще нарушало все традиции семейства Чингизидов.

При дворе Токты начала формироваться новая оппозиция Ногаю, которую возглавил нойон Салджидай-гурген, прежде считавшийся сторонником Ногая. Салджидай владел улусом «вблизи Хорезма» и был весьма знатного рода: он происходил из племени кунграт (из которого большинство Чингизидов брало себе жен), сам был женат на Келмиш-хатун, сестре великого хана Мунке, а его дочь Олджай-хатун была супругой Менгу-Тимура и матерью Токты, которому Салджидай, соответственно, приходился дедом. Не довольствуясь столь тесными связями с «Золотым родом», Салджидай решил породниться еще и с Ногаем: он женил своего сына Яйлага на Кабак, дочери Ногая. И вот теперь этот влиятельный нойон вместе с Тама-Токтой, еще одним бывшим соратником Ногая, начал настраивать своего царственного внука против бекляри-бека, что, впрочем, не составляло особого труда: повзрослевший хан и сам уже тяготился зависимостью от всемогущего временщика. Воспользовавшись недовольством, которое росло среди нойонов, Токта и его дед вознамерились лишить Ногая его постов и власти, но для этого надо было сначала заманить его

к себе. Хан неоднократно приглашал бекляри-бека ко двору, но недоверчивый Ногай постоянно находил благовидные предлоги, чтобы отказаться от приглашения.

Ногаю очень не нравилось усиление Салджидая, и он, в свою очередь, раз за разом слал Токте письма, в которых с раздражением писал: «Людям известно, сколько я понес трудов и тягот, самого себя я сделал причастным к вероломству и коварству, чтобы хитростью освободить для тебя трон Саин-хана, а теперь на этом троне правит карачу Салджидай. Если сын мой Токтай хочет, чтобы между нами укрепились отцовско-сыновние отношения, то пусть он Салджидаю отошлет в его юрт, который находится вблизи Хорезма». Хан на эти послания не реагировал, и это привело к еще большей вражде между Ногаем и его сватом Салджидаем, который вместе со своим сыном Яйлагом перестал оказывать уважение Кабак, дочери Ногая, и она пожаловалась отцу на притеснения со стороны мужа и свекра.

Ногай, понимавший, что Токта так просто не выдаст своего деда на расправу, решил принять другие меры. Супруге бекляри-бека Яйлак-хатун удалось уговорить нескольких военачальников Токты переключиться во владения Ногая, который радушно принял их и даже выдал за одного из них, Таза, замуж свою дочь Тугулджу. Токта возмутился столь явным нарушением Ясы Чингис-хана и потребовал от Ногая вернуть беглых эмиров, однако получил ответ: «Я отошлю их тогда, когда он пришлет ко мне Салджидаю, его сына Яйлага и Тама-Токту». Токта ответил: «Он мне как отец и воспитатель, и он старый эмир, как же я отдам его в руки врага?» Трудно сказать, что больше разгневало Ногая — сам факт, что

хан отказался выполнить его волю, или что Токта назван Салджидай «отцом», как прежде он именовал самого бекляри-бека. Как бы то ни было, ответ хана стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Ногай. Зимой 698 г. х. (1298 г.) он начал собирать войска, демонстративно заявляя, что его кони хотят пить, и он намерен напоить их водой из Дона — как раз на Дону в это время располагалась ставка Токты. Во главе своих многочисленных войск Ногай двинулся во владения хана. Чтобы не выглядеть в глазах ордынской знати явным мятежником, он объяснил свои действия следующим образом: «Я имею намерение устроить курилтай, чтобы примириться с вами».

Токта оказался не готов к противостоянию с бекляри-беком: ханские войска были не только рассредоточены по разным улусам, но еще и ослаблены из-за перехода части военачальников к Ногаю. Тем не менее, хан не уклонился от битвы и встретил врага на берегах Дона. Силы были неравны: войска Ногай насчитывали до 200 000 воинов, у Токты было в два раза меньше. В результате хан потерпел поражение и бежал в Сарай. Ногай намеревался преследовать его, однако получил известие, что Тама-Токта уже ведет на помощь хану войска, набранные на востоке Золотой Орды. Потрепанная армия Ногай была не в состоянии справиться с ними, и Ногаю пришлось отказаться от намерения захватить хана в его столице.

Тем не менее, на данном этапе борьбы с Токтой он вышел победителем. Результатом его победы стал фактический раскол Золотой Орды на две части: все владения к западу от Дона отошли к Ногаю, который болсе

чем когда-либо прежде имел основания считать себя неограниченным владыкой Причерноморья.

VII

Первым делом Ногай решил подчинить своей власти Крым, также оказавшийся теперь в числе его владений. Он назначил своего внука Ак-тайджи наместником Солхата и отправил его со свитой принимать присягу от местного населения. Тот успешно выполнял поручение деда, пока не оказался в Кафе. Генуэзские власти Кафы, вероятно, посчитали, что раз Ногай не стал добивать Токту, значит, он не так уже силен, и решили оказать сопротивление. Однако они выбрали для этого самый худший способ: пригласили к себе Ак-тайджи вместе со свитой, а на торжественном пиру напоили их допьяна и всех умертвили. Ногай, получив известие о гибели внука, рассвирепел — не только из-за горечи утраты, но и из-за вероломства генуэзцев. Войска бекляри-бека вторглись в Крым, осадили Кафу и превратили ее в пепел. Мстя за внука, Ногай не остановился на этом: его войска также разграбили и сожгли Судак, Солхат, Керчь и другие крымские поселения. Погибшие в результате похода Ногай крымские города Сары-Кермен и Эски-Кермен так и не были отстроены заново.

Несколько позже его гнев остыл, и бекляри-бек (по некоторым сведениям, уже начавший именовать себя ханом) осознал, что погорячился, и решил хоть как-то исправить содеянное. Поэтому, когда к нему обратились жители Солхата с просьбой вернуть пленных, он согласился, вспомнив, что этот город не имел никакого

отношения к убийству его внука. Однако и тут он не смог угодить всем: его решение освободить крымских пленников восстановило против него собственных военачальников, поскольку лишало их добычи.

Особенно бурно протестовали темники Абаджи, Курачин и Йанджи. В семейной иерархии Джучидов они были по статусу даже выше Ногай, поскольку приходились сыновьями Курмиши и внуками Орду — старшему сыну Джучи. Вынужденные признавать власть Ногай как бекляри-бека, они вовсе не желали сносить его самодурство и в особенности выходки его сыновей, которые день ото дня все более нагло вели себя по отношению к другим Джучидам и военачальникам. В результате все три внука Орду после бурного выяснения отношений с Ногаем решили сняться с лагеря и отправиться к Токте — своему законному повелителю. Бекляри-бек послал вдогонку за ними своих сыновей, и те, не рискуя вступать в открытое столкновение с силами трех военачальников, начали с ними переговоры. Йанджи дал себя уговорить вернуться к Ногаю и обещал его сыновьям, что убедит братьев последовать его примеру. Абаджи и Карачин отправились на переговоры с Джуки, Тске и Тури, которые прямо тут же велели схватить и казнить их. Йанджи удалось бежать, после чего сыновья Ногай обрушились на войска сыновей Курмиши, лишившиеся командиров, и перебили значительную их часть. Однако многим воинам мятежных темников все же удалось спастись. Они обосновались на территории Валахии под командованием нескольких тысячников, которые не желали ни присоединяться к Токте, ни возвращаться к Ногаю. Стремясь расколоть семейство бекляри-бека, мятежники

обратились к его сыну Теке, предложив ему принять начальство над ними и стать правителем собственного улуса. Когда же тщеславный царевич приехал, тысячники тут же схватили его и посадили под замок.

Между тем, обстоятельства складывались так, что Ногай даже не предпринял попытки спасти сына. Вероломные действия его сыновей против близких родичей, каковыми являлись сыновья Курмиши, привели к тому, что от Ногая стали бежать и другие военачальники. Трое влиятельных нойонов, Маджи, Сутан и Сангуй, перешли к Токте вместе со своими войсками. А вскоре их примеру стали следовать и другие нойоны, военачальники и даже простые воины. Среди перебежчиков оказался даже нойон Мунджук, отец Таза, новоиспеченного зятя Ногая.

В то же время вассальные государства Ногая стали одно за другим выходить из повиновения ему. В Болгарии между 1296 и 1298 гг. скончался царь Смилец, и бояре не спешили отправлять посланцев к Ногаю, предпочитая получить нового царя-марионетку от византийского императора Андроника II, а не от мятежного бекляри-бека. В 1299 г., воспользовавшись раздорами в лагере Ногая, бежал сербский заложник, королевич Стефан, по возвращении которого его отец, король Милутин, немедленно отказался признавать власть Ногая и даже захватил вассальные ему Видин и Браничев. Выход Болгарии и Сербии из-под контроля Ногая означал, что он не мог рассчитывать на их войска в борьбе с Токтой.

В результате к концу 1299 г. Токта оказался во главе куда больших сил, чем Ногай, и сам решил перейти в наступление, воспользовавшись смутами в улусе бекляри-бека.

В отчаянии Ногай решил на крайнее средство: он направил послов к персидскому ильхану Газану, сыну Аргуна, которому напоминал, что его сын Тури женат на тетке ильхана и просил принять его, Ногаю, в подданство вместе со всеми своими людьми и владениями. Однако Газан оказался на редкость благоразумным правителем и, к тому же, уже успел заключить мир с Токтой, а потому ответил на просьбу Ногаю увещеванием: «Я не вхожу в ваши междоусобные дела и не пользуюсь вашими неблагоприятными обстоятельствами. Если бы вы еще поладили друг с другом, то было бы хорошо и похвально». Так к своим мятежным действиям Ногай добавил еще и более серьезное преступление — сговор с внешним врагом. Потерпев неудачу в переговорах с ильханом, он был вынужден выступить навстречу Токте со всеми силами, оставшимися в его распоряжении. Войска противников встретились на реке Ак-су (Южный Буг).

Понимая, что сражение неизбежно, Ногай попытался в очередной раз прибегнуть к коварству. Помня, как удачно сработала его уловка в отношении хана Тула-Буги, он снова решил притвориться смертельно больным, приказал уложить себя на арбу и, напустив на себя самый несчастный вид, начал слать к хану гонцов с предложениями мира. Бекляри-бек старался убедить Токту, что вовсе не собирался воевать против него, а лишь выступил против мятежников, и теперь, когда узнал, что законный государь прибыл лично, он, Ногай, намерен целиком и полностью ему покориться. Завершал бекляри-бек свое послание такими словами: «Если и произошел какой-нибудь пустяк, то это было по вине сыновей. Вся надежда на милость государя, что он соизволит простить

ту пину». А тем временем эти самые сыновья уже перешли в во главе части войск через Ак-су, чтобы нанести по ханским войскам удар с тыла...

Токта, несмотря на перевес, все же опасавшийся сил Ногай, также не решался напасть на него и надеялся использовать любую возможность, чтобы решить дело миром. Поэтому, получив послание Ногай, он вступил с ним в переговоры, тем самым поддавшись на хитрость митгежного бекляри-бека. Однако хитроумный замысел Ногай был нарушен в последний момент в результате случайности: передовым воинам Токты удалось захватить в плен то ли разведчика, то ли перебежчика из войск бекляри-бека, и пленник выдал хану его планы. Токта немедленно прервал переговоры и приказал своим войскам начинать наступление.

Войска Ногай были наголову разбиты, а их остатки рассеяны. Джуки и Тури удалось бежать, а сам бекляри-бек, возле которого осталось всего семнадцать воинов, был окружен воинами Токты, ранен и взят в плен русским ратником из ханской армии. Ногай назвал себя и потребовал отвести к хану, однако русский не прислушался к его словам и убил бекляри-бека, а голову его с торжеством доставил хану Токте. Выдающийся ордынский «делатель королей» погиб на рубеже 1299–1300 гг.

Согласно свидетельствам современников, под конец жизни это был высокий и тучный старик со столь мохнатыми бровями, что они закрывали ему глаза.

Очерк пятый
ТОКТА, ИЛИ САМЫЙ
ТАЛАНТЛИВЫЙ И ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ
СРЕДИ СЫНОВЕЙ МЕНГУ-ТИМУРА
(хан, 1291–1312)

По определению выдающегося русского монголоведа Г. Е. Грумм-Гржимайло, Токта (монг. Тохтогу) «среди сыновей Менгу-Тимура выделялся особой талантливостью и честолюбием». И в самом деле, этому царевичу удалось взять верх в кровавой борьбе за власть, избавиться от опеки грозного бекляри-бека Ногая и устранить опасность раскола Золотой Орды. К концу правления Токты Орда окончательно превратилась в самостоятельное и могущественное государство, занимающее важное место на мировой арене.

I

Токта, родившийся около 1274 г., был одним из младших сыновей Менгу-Тимура, первого хана Золотой Орды. У него было девять братьев, однако его мать, Олджай-хатун из рода кунграт, была старшей женой Менгу-Тимура, что давало Токте определенные преимущества в вопросе престолонаследия. Сыном Олджай был также Алгуй, старший сын Менгу-Тимура, который в силу своего происхождения и стал одним из соправителей хана Тула-Буги.

К 1290 г. Токта уже достиг шестнадцати лет и, вероятно, уже не раз имел возможность продемонстрировать свои качества, необходимые правителю. По крайней мере, Тула-Буга и его соправители вскоре после своего прихода к власти увидели в нем опасного конкурента и предприняли попытку устранить его. Спасая свою жизнь, Токта бежал на восток Золотой Орды, во владения Билькчи б. Беркечара, который являлся к тому времени старейшим представителем рода Джучидов. Тула-Буга и Алгуй с братьями в это время были поглощены противостоянием со своим бекляри-беком Ногаем и поэтому пока решили удовлетвориться бегством брата-конкурента, не предпринимая дальнейших попыток преследовать его.

Токта, в свою очередь, вступил в сговор с Ногаем, которому он направил почтительное письмо: «Двоюродные братья покушаются на мою жизнь, ты же старший, я прибегаю к защите того, кто является старшим, дабы он поддержал меня и прекратил покушение родственников на меня. Пока я жив, я буду подчинен старшему и не нарушу его благоволения». Послание оказалось очень кстати, поскольку Ногай как раз в это время задумал избавиться от непокорного хана Тула-Буги и его братьев. Юный Токта представлялся ему вполне подходящим кандидатом в ханы — достаточно активным, чтобы занять трон и недостаточно сильным, чтобы выйти из-под его, Ногай, влияния.

Как мы помним, бекляри-беку удалось заманить Тула-Бугу-хана вместе с Алгуем, Кунчеком и Тогрулом в ловушку и схватить. Однако ответственность за их казнь он возложил на Токту. И царевич, которому было

тогда всего 17 лет, хладнокровно приказал казнить своих двух двоюродных и двух родных братьев, а немного позже — еще троих сыновей своего отца, принявших сторону Алгуя и Тогрула. Хладнокровие и решительность Токты произвели сильное впечатление на золотоордынскую знать, и даже совершение им многократного братоубийства не стало препятствием для избрания его в ханы — тем более что за его спиной стоял грозный Ногай. А бекляри-бек, находясь на пике своего могущества, как-то умудрился проглядеть, что Токта оказался куда более властным и решительным правителем, нежели казалось поначалу...

II

Впрочем, в течение довольно длительного времени Токта вел себя с бекляри-беком весьма покладисто. В первые два-три года своего правления он по велению Ногай устранил многих влиятельных нойонов и военачальников, некогда служивших еще его отцу, и даже свою мачеху Джиджек-хатун — влиятельную вдову Менгу-Тимура. Тем самым хан усыпил бдительность бекляри-бека, который несколько ослабил контроль действий хана, что позволило Токте принимать и самостоятельные решения.

Так, в 1293 г. хан решил заменить великого князя Дмитрия Александровича Переяславского его братом — Андреем Городецким, который в очередной раз сумел склонить влиятельных ханских советников на свою сторону. Вместе с Андреем Токта направил на Русь своего брата и верного соратника Тудана во главе многочислен-

нах ордынских войск. Поход на Русь 1293 г., известный по русским летописям как «Дюденева рать», привел к очередному разорению и опустошению Владимира, Суздаля, Мурома, Юрьева, Переяславля, Коломны, Москвы, Можайска, Дмитрова, Углича и других городов, напомнив русским походы Бату и Неврюя. Цель «рати» была достигнута: великий князь Дмитрий был свергнут, и вскоре и формально отрекся от великого княжения и пользу младшего брата.

Как мы помним, старший сын Невского являлся ставленником Ногая, и Токта сильно рисковал, действуя за спиной бекляри-бека в пользу Андрея. Однако то ли Дмитрий Александрович со временем утратил благорасположение Ногая, то ли бекляри-бек просто потерял интерес к русским делам, увлекшись крупной политической игрой на Балканах, но он никак не отреагировал на смену великого князя. И это стало первым шагом на пути усиления власти Токты и, соответственно, ослабления позиций Ногая в Золотой Орде.

В середине 1290-х гг. вокруг Токты сплотились влиятельные ордынские царевичи — братья хана Тудан, Сарай-Буга и Бурлюк, полководец Тама-Токта б. Балакан (внук Шибана, брата Бату), а также Салджидай-гурген, дед Токты по материнской линии: все они были сильно недовольны чрезмерной властью Ногая. В течение какого-то времени Ногай не подозревал об этом союзе, тем более что он сам рекомендовал хану Токте приблизить к себе братьев, Тама-Токта в течение ряда лет был соратником бекляри-бека в войне с Ираном, а Салджидай-гурген женил своего сына на дочери Ногая. Но затем от своих осведомителей в Сарае бекляри-бек, наконец,

узнал о настроениях при ханском дворе и попытался исправить ситуацию. Сделать это он решил все тем же немудреным способом: потребовал от хана устранить или хотя бы выслать из Сарая Салджидаю и Тама-Токту, которого обозвал при этом «отступником», поскольку посчитал его предателем прежней дружбы. Однако времена, когда Токта безропотно выполнял такие повеления бекляри-бека, миновали: теперь хану было уже около 25 лет, и он имел немало сторонников в Золотой Орде, тогда как Ногай столкнулся с серьезной оппозицией не только в Сараях, но и в собственном улусе в Придунавье. Поэтому хан отверг требование бекляри-бека, тем самым фактически объявив ему войну.

К 1298 г. у Токты окончательно созрел план освобождения от власти Ногай. Хан весьма резко ответил на его очередные требования о выдаче Салджидаю и Тама-Токты и начал собирать войска, чтобы выступить против бекляри-бека. Его 300-тысячная армия двинулась к владениям Ногай, и хан не без оснований надеялся, что значительная часть войск самого бекляри-бека, недовольная Ногаем, перейдет на сторону законного монарха. В этом мнении его еще больше укрепил тот факт, что Ногай не выступил навстречу хану.

Однако обеспечивать столь многочисленную армию в течение долгого времени было невозможно, и вскоре Токта был вынужден распустить ее большую часть, а сам с оставшимися войсками расположился на Дону. Тут на него внезапно и обрушился Ногай со своими основными силами, разгромил и вынудил бежать в Сарай.

Но поражение не заставило Токту опустить руки и покорно ждать своей участи: судьба Тула-Буги и его

братьев была еще слишком свежа в памяти хана, и он прекрасно понимал, что, открыто выступив против всеобщего бекляри-бека, не имеет шансов сохранить жизнь, даже если сдастся на его милость. Поэтому, достигнув Сарая, он немедленно разослал гонцов к своим начальникам, которые спешно стали стягивать к столице войска, верные хану. Во главе крупных сил Тамгачи выступил навстречу Ногаю, который был так обескуражен решительными действиями хана, что не посмел принять бой и отступил. Впрочем, нельзя сказать, что это свело на нет значение его победы: Золотая Орда фактически раскололась надвое, и Ногай получил всю полноту власти к западу от Дона, включая Балканы, Северное Причерноморье, Крым и южнорусские степи.

Токта и Ногай обладали примерно равными силами и потому в течение какого-то времени не решались напасть друг на друга, боясь, что на каждого из них в это время может напасть какой-нибудь внешний враг. Такими врагами Ногаю были его собственные тысячники, вышедшие из-под его власти, а также активно боровшиеся за независимость болгарские и сербские владетели, для Токты — в первую очередь, иранский ильхан Газан и Дува, правитель Улуса Чагагая. Требовались какие-то решительные действия на внешнеполитическом направлении, чтобы разрядить ситуацию.

III

Токта первым предпринял такие действия, одним своим решением обезопасив южные и восточные границы Золотой Орды от внешнего вторжения. Еще в 1294 г.

он заключил мир с ильханом Гейхату. А на рубеже XIII—XIV вв. золотоордынский хан принял весьма радикальное решение: он положительно отреагировал на инициативу великого хана Тимура, внука Хубилая, о восстановлении единства империи и признал его номинальное верховенство. Тем самым он закрепил мир с ильханами Ирана, которые и прежде никогда не отказывались признавать главенство императоров Юань, а пару лет спустя к этому договору присоединились также Дува, правитель Чагатаева Улуса, и Чапар, сын Хайду, властитель Улуса Угедэя.

В единой Монгольской империи существовал обычай выделять в каждом из улусов некоторые владения правителям других улусов. В результате Токта не только вернул себе область Пиньян в Китае, некогда конфискованную Хубилаем у Берке, но и получил еще в дополнение к ней области Цзиньчжоу и Юнчжоу, доходы с которых шли в казну золотоордынского хана, получившего в имперской иерархии Юань «основной ранг третьей степени». В свою очередь, Токта выделил правителям других улусов владения в Крыму — в городе Судак, с которого правители трех улусов также должны были получать доходы в свою казну.

Последнее решение прямо-таки вывело из себя Ногаю, поскольку в это время Крым был подвластен ему, а вовсе не Токте. Бекляри-бек немедленно направил своего внука Ак-тайджи в Крым, чтобы закрепить свою власть над полуостровом, однако царевич, как уже говорилось, был убит генуэзцами Кафы, что вызвало карательную экспедицию Ногаю в Крым. Естественно, жестокость, с которой бекляри-бек расправился не только

в Кафрой, но и другими крымскими городами, не прибавили ему популярности среди местного населения, которое и прежде поддерживало Токту.

Убедившись, что хан не только не собирается складывать оружие после первого поражения от Ногая, но и напротив — значительно усилил свои позиции, многие сторонники бекляри-бека в 1299 г. начали перебегать в Токте вместе со своими войсками. А когда Ногай не добился успеха в попытке перейти под власть ильхана Галана, роли соперников переменялись: теперь всемогущий некогда временщик готов был покориться хану и исполнять его повеления. Правда, коварный Ногай выражал такое намерение лишь на словах, затягивая переговоры с Токтой, а сам готовил предательский удар ему в спину. Однако, как мы помним, из этого ничего не вышло: хитрость бекляри-бека была раскрыта, и ему пришлось принять бой в невыгодных условиях, в результате которого его войска были наголову разбиты, а сам он убит при отступлении.

Гибель Ногая, кстати говоря, позволила Токте еще раз продемонстрировать свои истинно ханские черты. Согласно арабскому историку Рукн ад-Дину Бейбарсу, Когда русский ратник, убивший Ногая, доставил хану его голову со словами: «Вот голова Ногая», Токта спросил его: «Что надоумило тебя, что это Ногай?» Тот ответил: «Он сам мне поведал об этом и просил меня не убивать его, но я его не послушался и кинулся на него». Тогда Токта приказал казнить русского на месте, заявив при этом: «Простой народ да не убивает царей!» Это его решение вызвало полное одобрение ханских приближенных, поскольку соответствовало установлению

Чингис-хана, согласно которому решать судьбу потомка «Золотого рода» могли только его сородичи.

С этого времени и до самой смерти Токта управлял Золотой Ордой самостоятельно, без каких-либо временщиков. Несомненно, многие из представителей золотоордынской знати или военной верхушки имели основание претендовать на место Ногая, но их властные амбиции останавливало воспоминание о крахе бекляри-бека. Ни Салджидай-гурген, ни Черкес из племени сиджиут, которых Токта последовательно назначал на пост «старшего эмира» после Ногая, никогда не пытались подчинить хана своему влиянию.

IV

Смерть Ногая, впрочем, не означала еще, что с расколом в Золотой Орде покончено: дети и внуки покойного бекляри-бека сумели остаться в живых и на свободе. По некоторым сведениям, им удалось спастись во время разгрома, введя в заблуждение воинов Токты: узнав пароль ханских войск («Итиль-Яик»), они спокойно миновали ханские войска и добрались до своих владений на Дунае. И вовсе не собирались признавать власть хана и идти к нему с повинной.

Наибольшую опасность для Токты представлял неукротимый Джуки — старший сын Ногая, еще при жизни отца ставший его соправителем. Спасшись с поля битвы, на котором осталось обезглавленное тело его отца, Джуки принялся наводить порядок в своих владениях на Дунае. Первым делом, он решил разобраться с мятежными тысячниками, которые откололись от Но-

гии и захватили в плен его второго сына Теке, родного брата Джуки. Старший сын Ногая вступил в бой с мятежниками, разбил их, а одного из тысячников, попавшего в плен, обезглавил и отправил его голову к остальным мятежникам. Они перетрусили, а Теке, воспользовавшись их замешательством, сумел бежать из плена и даже увел с собой несколько сотен их воинов.

Освобождение не принесло Теке ничего хорошего: вместе с Яйлак-хатун (матерью Тури, третьего сына Ногая) он начал уговаривать Джуки примириться с Токтой и признать его власть. В приступе ярости Джуки прикончил обоих. Однако убийство брата восстановило против него многих военачальников, двое из которых — Таз, зять Ногая, и Тунгуз — взбунтовали войска и открыто выступили против него. Джуки со 150 воинами бежал на Северный Кавказ, где находились верные ему войска. Присоединив к ним наемников-ясов (осетин), он выступил против мятежников и разгромил их. Восставшие ойоны с уцелевшими воинами бежали к Токте.

Сам Джуки со своими увеличившимися силами вторгся в Болгарию, где в это время продолжались междоусобицы различных претендентов на трон. В отличие от отца, Джуки не стал сажать на трон какого-либо болгарского царевича или боярина, а захватил Тырново и провозгласил царем себя самого! Свое право на болгарский трон он обосновал тем, что был женат на Елене, дочери Георгия Тертера I — одного из прежних царей; ее брат Федор-Святослав находился при Джуки в качестве не то соправителя, не то заложника. Так в 1300 г. Джуки, сын Ногая, стал единственным Чингизидом, занимавшим трон в государствах Центральной Европы.

Впрочем, правление его оказалось очень недолгим — менее года. Придя в себя после захвата Тырнова монголами, местное боярство очень скоро осознало расстановку сил и стало опасаться, как бы на Болгарию не обрушился гнев хана Токты за то, что здесь обосновался сын его злейшего врага. В начале 1301 г. Федор-Святослав и боярская верхушка составили заговор против Джуки, схватили его и бросили в темницу, где несколько дней спустя он был задушен палачами-евреями. Его голову Федор-Святослав, провозглашенный новым царем Болгарии, отправил к Токте вместе с изъявлением своей покорности. В благодарность Токта отказался от сюзеренитета над этим балканским государством, которое, впрочем, после 20-летнего правления Федора-Святослава вновь погрязло в междоусобицах.

Как только было покончено с Джуки, новые проблемы для Токты стал создавать Тури, брат Джуки. После гибели Ногая его третий сын скрылся во владениях ильхана, поскольку был женат на дочери Абаги б. Хулагу. Однако, не встретив там ожидаемых почестей, он на рубеже 1300/1301 гг. вернулся в бывшие владения отца на Дунае. К этому времени Токта назначил в улусы Ногая своих наместников: на Урале — своего сына Ильбасара, а в Придунавье — другого сына Тукель-Бугу и брата Сарай-Бугу. Именно Сарай-Буга оказался настолько неосторожен, что принял сына Ногая при своем дворе.

День за днем Тури, унаследовавший от отца его коварство и склонность к интригам, внушал Сарай-Буге, что тот достоин трона не менее, чем сам Токта. И разрастал честолубие ханского брата настолько, что тот решился на открытый мятеж! В конце концов, Сарай-Буга

вместе с Тури двинули свои войска в направлении Сарая, однако на их пути лежали владения Бурлюка — другого брата Токты. Недолго думая, мятежники предложили Бурлюку присоединиться к нему, и тот притворно согласился, а сам в это время направил к хану в Сарай гонца с предупреждением о мятеже. Затем, пригласив Сарай-Бугу и Тури к себе на переговоры, он схватил их и по приказу хана умертвил обоих. С этого времени в придунайских владениях Золотой Орды правили несколько ханских наместников, а автономный улус прекратил свое существование.

Из всего многочисленного потомства Ногай уцелел только царевич Каракисек, сын Джуки. После гибели Тури он вместе с двумя родичами и 3 000 воинов бежал на территорию Болгарии, где его отец нашел свою погибель. Не пускаясь в столь опасные авантюры, как его отец и дядя, Каракисек поступил на службу к видинскому деспоту Шишману, став, таким образом, первым Чингизидом «на иностранной службе».

Так к 1302 г. Токте удалось ликвидировать мятеж Ногай и его потомков и, наконец, преодолеть раскол, фактически существовавший в Золотой Орде в течение двух десятилетий. Теперь хан мог больше внимания уделять другим вопросам своей внутренней и внешней политики.

V

Устранив опасность раскола Орды на западе, Токта столкнулся с похожими проблемами и на востоке. В то время как он боролся с Ногаем и его потомками, крупные

междоусобицы сотрясали Синюю Орду (Кок-Орду) — удел потомков Орду, старшего сына Джучи. Синяя Орда фактически являлась независимым государством, и ее правители вспоминали о своем номинальном подчинении сарайским ханам лишь в случае крайней нужды. Именно такой случай возник около 1302 г., и Токта поспешил им воспользоваться, чтобы усилить свою власть на востоке джучидских владений.

На рубеже XIII–XIV вв. после долгого и сравнительно спокойного правления умер Кончи б. Саргахтай, правитель Синея Орды, и после его смерти начались междоусобицы между его сыновьями и другими родичами. На трон должен был вступить Баян, старший сын Кончи, однако против него выступил Куйлюк, правнук Орду, считавший, что имеет не меньше прав на трон, чем Баян. Часть войск Синея Орды перешла на сторону Куйлюка; его также поддержали Хайду и Дува, для которых была выгодна любая смута в Золотой Орде. Кроме того, Куйлюк пообещал им поддержку в борьбе с Ираном.

Столкнувшись с прямым вмешательством потомков Чагатая и Угедэя в дела Джучидов, Токта также не мог оставаться в стороне, тем более что Баян сразу же обратился к нему за поддержкой. Войска Токты были отправлены ему на помощь, но потерпели поражение. К счастью для Токты и Баяна, в конце 1301 г. умер Хайду, и в 1303 г. его наследником стал его сын Чапар, настроенный более миролюбиво. Вскоре и он, и Чагатаид Дува присоединились к союзу империи Юань, государства Хулагуидов и Золотой Орды, поклявшись разрешать все споры мирно и при посредстве императора Юань — великого хана Монгольской империи. Оставшийся без

поддержки влиятельных союзников, Куйлюк вскоре был разгромлен Баяном и погиб. Однако его претензии на престол унаследовал его сын Кушай, который также пользовался поддержкой потомков Чагатая и Угедэя — правда, уже не явной, как его отец, а лишь в форме молчаливого одобрения. Баян снова был вынужден обратиться за помощью к своему номинальному сюзерену Токте, обещая, в свою очередь, признавать его своим государем, присутствовать на созываемых им курултаях и пр. Токта отправил ему на помощь 20 000 воинов под командованием своего брата Бурлюка. Тот пребывал с войсками на территории Синей Орды до 708 г. х. (1308/1309 г.), когда по приказу брата-хана был отозван на Волгу, где год спустя скончался.

Без его поддержки Баян не смог удержать власть, поскольку нойоны, недовольные своим слабым правителем, выдвинули новым претендентом на трон его родного брата Мангутая, который прогнал законного правителя на запад, в Приуралье, а сам сосредоточил в своих руках власть над Восточным Дешт-и Кипчаком. Так, в 1308–1310 гг. в Синей Орде одновременно было три правителя: Баян, Кушай и Мангутай. Но к 1310 г. Токта, выполняя свой союзнический долг по отношению к императору Юань, начал боевые действия против Эсен-Буги, хана Чагатаева Улуса, и его войска вновь оказались на территории Синей Орды. Баян, воспользовавшись этим, сумел, наконец, одержать победу над соперниками.

Между тем, союз Токты с Ираном и империей Юань, столь много значивший для него во время борьбы с семейством Ногая, оказался весьма недолговечным. Только-только ильхан Олджайту, брат и наследник Газана,

отправил французскому королю Филиппу IV письмо, в котором с гордостью сообщал об объединении всех улусов Монгольской империи в союз во главе с императором Юань, как этот союз дал трещину!

Началось все с того, что уже в 1305 г. Дува решил расправиться с Чапаром, сыном своего друга и союзника Хайду, напал на него, разгромил и захватил его владения на Памире, присоединив их к Чагатаеву улусу. С улусом Угедэя (государством Хайду) было покончено.

Не выдержал испытания временем и мир Золотой Орды с Ираном. В том же 1305 г. Токта направил к египетскому султану ан-Насиру свое посольство с предложением объединиться в борьбе против Ирана. Однако ильхану Олджайту удалось заключить с султаном Египта мир, и совместный ордынско-египетский поход не состоялся. Но уже в 1308 г. ордынцы и иранские монголы снова сошлись на поле боя. Согласно арабским источникам, все началось с пограничного конфликта между ордынским и иранским пограничными отрядами, который затем перерос в настоящую войну. Инициатором выступил, видимо, ильхан Олджейту, решивший, что Токта, поглощенный междоусобицами в Синей Орде, не сможет противостоять его вторжению. Тогда-то Токта, вероятно, и принял решение отозвать Бурлюка из Восточного Дешта для борьбы с Ираном. Эмир Чобан, командовавший войсками ильхана, не ожидал столь оперативных действий ордынцев и был отброшен к Дербенту, однако сумел переправиться через Куру и укрепиться на ее берегу. Не будучи в силах прорвать его оборону, Токта решил закончить дело миром. В 1310 г. его посольство прибыло в Султанию, столицу Олджейту, однако не до-

былось успеха. Отношения Токты с Ираном оставались прощальными до самой его смерти, хотя активных боевых действий между ними не велось. Вероятно, сыграли свою роль действия союзника Токты, египетского султана, который в 1309–1310 гг. сосредоточил крупные силы в Сирии, и ильхан не рискнул вести войну на два фронта.

Незадолго до смерти Токты в 713 г. х. (1312/1313 г.) его войска вновь вторглись во владения ильхана, заручившись поддержкой местных курдских племен. Однако персидские войска оказали нападавшим ожесточенное сопротивление, и войскам Токты пришлось вернуться в пределы Золотой Орды. Впрочем, до крупной войны и ни этот раз не дошло — по-видимому, это была очередная пограничная стычка с небольшим количеством воинов с обеих сторон.

VI

Как ни странно, много хлопот доставляли Токте русские княжества, несмотря на его благожелательную политику по отношению к Руси. После опустошительной «Диоденовой рати» 1292–1293 гг. Токта ни разу не отправил на русские земли свои войска (за исключением нескольких мелких пограничных набегов). Более того, в 1297 г. по его инициативе в Переяславле был созван княжеский съезд, на котором его представитель, нойон Алекса Неврюй, пытался убедить русских князей решить свои споры и разногласия путем переговоров. В 1304 г. хан вновь отправил на Русь своих послов с ярлыками, в которых велел князьям «прियाть любовь».

Однако попытки эти длительного успеха не имели, и князья продолжали свои свары, в которые, к великой досаде Токты, нередко вмешивали и его.

В 1304 г. умер ставленник Токты на великокняжеском престоле Андрей Ярославич Городецкий. В следующем году по решению большинства князей был избран новый великий князь — тверской князь Михаил Ярославич, двоюродный брат Андрея. Однако с этим не согласился московский князь Юрий Данилович, племянник Андрея, считавший, что великий стол должен остаться в руках прямых потомков Александра Невского. Он отправился в Сарай отстаивать свои интересы, но Токта, приняв во внимание лестничный порядок наследования на Руси (переход княжения к следующему по старшинству), подтвердил право на великое княжение Михаила Тверского, выдав ему соответствующий ярлык.

Юрий в результате поездки в Орду обрел там влиятельных покровителей среди царевичей и нойонов, и потому, несмотря на неудачу, все же решил некоторые свои проблемы с помощью Орды. Так, в 1308 г. он сумел руками хана расправиться со своим недругом — рязанским князем Василием Константиновичем: через сарайских покровителей он уведомил Токту, что Василий, якобы, что-то замышляет против Орды. Тот был вызван к хану и казнен, после чего ордынские войска совершили опустошительный набег на Рязань. Между тем, единственной виной князя Василия было то, что он отказывался признавать права Москвы на город Коломну, которую Даниил, отец Юрия, отобрал в 1302 г. у Константина Романовича, отца Василия! Когда Токта узнал, что его провели, он был в страшном гневе на Юрия и его ордынских

покровителей. Больше в его правление ни один русский князь не был казнен в Орде, а Юрий окончательно лишился ханского расположения.

Несмотря на проблемы, которые ему доставляли военыя, Токта продолжал относиться к Руси в целом благожелательно. В 1308 г. он выдал новому русскому митрополиту Петру ярлык, подтверждающий привилегии русской церкви и ее освобождение от налогов и сборов, пожалованные его отцом Менгу-Тимуром. По некоторым сведениям, незадолго до смерти Токта собирался совершить беспрецедентную для хана Золотой Орды поездку на Русь!

Свои отношения с другими государствами Токта также предпочитал строить на мирной и союзной основе. В течение всего своего правления он оставался верным союзником и партнером по переписке египетского султана ан-Насира, несмотря на то, что в глазах повелителя Египта являлся язычником (по некоторым сведениям, Токта исповедовал буддизм), а их общий противник, шайхан Олджайту был ревностным мусульманином. Не менее дружественными были и отношения Токты с императором Византии, с которым хан даже породнился: он был женат на внебрачной дочери императора Андроника II Палеолога. В правление Токты монгольские войска не совершали набегов на государства Центральной Европы, так что на западной границе его владений царил мир и тишина.

Единственная за все время его правления военная акция против иностранного государства (не входившего в состав Монгольской империи) была проведена в Крыму, против генуэзцев Кафы. Поводом для похода послужило

то, что генуэзские торговцы, пользуясь голодом и бедственным положением ордынских кочевников, скупали их детей и продавали в рабство на Ближний Восток. Желая положить конец этой практике и наказать генуэзцев за то, что они осмелились торговать его подданными, Токта в 1308 г. отправил войско на Кафу. Не рискуя вступать в бой с ханскими воинами, генуэзцы погрузились на корабли и вышли в море, а город подожгли, чтобы он не достался ордынцам. Тогда хан обрушил свой гнев на их соотечественников, находившихся в это время в Сараях и других ордынских городах, и повелел конфисковать их имущество. Гнев хана на генуэзцев так и не остыл окончательно: только в 1313 г. его преемник Узбек позволил им вернуться в Кафу. Однако, как ни странно, итальянские торговые республики не проявили ответной враждебности и не расторгли отношения с Золотой Ордой: уж слишком выгодным было торговое сотрудничество с ней, слишком благоприятный режим для иностранных торговцев установил хан Токта, прекрасно понимавший все выгоды международной торговли!

VII

Около 1310–1311 гг. Токта, как принято считать, провел в Золотой Орде денежную реформу: он приказал всем монетным дворам чеканить одинаковую монету нового веса, запретив хождение старых монет. Впрочем, вряд ли это была реформа в современном ее понимании: просто хан наконец-то взялся за упорядочение денежных отношений в стране, которую в течение ряда лет сотрясали смуты. Вполне вероятно, что Токта намеревался

сделать единственным центром выпуска монеты Сарай, однако преждевременная смерть не позволила ему реализовать свои планы. Поскольку теперь власть хана была сильна, а государство — единым и процветающим, любой приказ хана исполнялся скрупулезно, и новая монета, соответственно, получила полное доверие населения и иностранных торговцев.

Хан пользовался доверием и уважением своих подданных еще и благодаря своим личным качествам: он отличался щедростью, добродушием, гостеприимством. Также он покровительствовал ученым и медикам. После двух последних царствований — безумного Туда-Менгу и молодого неуравновешенного Тула-Буги, да еще и диктатуры амбициозного бекляри-бека Ногая — Токта выглядел наиболее достойным преемником прежних правителей и в особенности своего отца Менгу-Тимура. Не удивительно, что с его именем в народной памяти стали связывать спокойствие и процветание государства. Внешние враги также не осмеливались тревожить границы Золотой Орды, поскольку опасались многочисленных войск Токты.

Таким образом, внешняя политика и экономика страны не вызывали у хана особой тревоги. Гораздо более неопределенным представлялось ему будущее государства из-за того, что до сих пор в Золотой Орде не был установлен четкий порядок наследования. Токта не без оснований опасался, что после его смерти в Орде вновь начнутся смуты, из-за которых все его созидательные труды пойдут прахом. Хан решил сделать своим преемником своего сына Ильбасара и стал постепенно приучать его к государственным делам. Так, поначалу он отдал ему

в управление одну из областей, прежде входивших во владения Ногая, а к концу своего правления, по некоторым сведениям, сделал своим бекляри-беком. Тем самым он приучал ордынских нойонов и военачальников к подчинению своему сыну, что должно было облегчить Ильбасару приход к власти после смерти отца.

Впрочем, Токте в 1312 г. исполнилось всего 38 лет, и он вовсе не собирался умирать. Напротив, он был здоров, полон сил и планов. Тем неожиданнее оказалась его скоропостижная смерть. Согласно официальной версии, он путешествовал по Волге, корабль, на котором он находился, потерпел крушение, и хан утонул.

Однако вскоре стали распространяться слухи, что хан был отравлен сторонниками его племянника Узбека, который и стал следующим ханом Золотой Орды.

Очерк шестой
УЗБЕК, ИЛИ «ЗОЛОТОЙ ВЕК»
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(хан, 1313–1341)

Узбеска, без преувеличения, можно считать золотоордынским «Константином» или «Юстинианом»: за время своего правления он установил в Золотой Орде господство новой религии — ислама, провел административную и денежную реформы, строил города, вел активную дипломатическую и завоевательную деятельность. Исследователи не без оснований утверждают, что Золотая Орда при этом хане достигла пика своего расцвета и могущества. Но был ли велик и могущественен сам хан Узбек? И насколько полезными для государства оказались его деяния?

I

Узбек, родившийся в 1281 г., был сыном Тогрула — нежданчивого сына Менгу-Тимура, который стал сначала «младшим» соправителем хана Тула-Буги и своего сводного брата Алгуя, а затем вместе с ними же был убит в результате заговора Ногая и Токты.

После убийства Тогрула его десятилетний сын Узбек был, по некоторым сведениям, вывезен на Северный Кавказ (где, возможно, проживали его родичи по

материнской линии). Позднее, когда страсти, связанные с государственным переворотом, улеглись, Токта позволил племяннику вернуться ко двору и держал юного царевича при себе, причем не в качестве пленника или заложника, а в соответствии с его положением представителя «Золотого рода». В качестве такового Узбек обладал собственным улусом и даже командовал войсками.

После смерти Токты, который, подобно своим предшественникам, не назначил себе наследника, оставалось два главных претендента на золотоордынский престол — сын хана Ильбасар и племянник Узбек. У сына Токты было преимущество, поскольку он, как мы помним, в последние годы правления отца находился при нем, был бекляри-беком и пользовался значительным влиянием среди сановников.

Однако и Узбек имел немало сторонников, наиболее влиятельными из которых были сановники из Хорезма — хорезмский наместник Кутлуг-Тимур со своими братьями Сарай-Тимуром и Мухаммад-ходжой, а также шейх-уль-ислам Имад ад-Дин ал-Маскири. Поддержка Кутлуг-Тимура объяснялась его родственными связями с Узбеком: они были двоюродными братьями по материнской линии. Сближение же с хорезмским шейх-уль-исламом произошло на религиозной почве: Узбек с молодости воспитывался в мусульманских традициях, и многочисленные мусульмане Золотой Орды связывали свои надежды с его приходом к власти. Согласно арабскому автору ал-Айни, один из влиятельных хорезмийских шейхов Алла ад-Дин ан-Нуман прямо говорил Узбеку: «Царство отойдет к тебе, и ты будешь царем после Токтая». Кроме

того, Узбека поддерживали те сановники и военачальники, которые не могли похвастать особой близостью к Токте и поэтому не имели оснований возвыситься и при его сыне в случае его прихода к власти. Среди таковых оказались полководцы Тама-Токта (потомок Шибана, сына Джучи) и Иса из рода уйшин, а также одна из жен Токты — ханша Байалун, дочь византийского императора Андроника II.

Не удивительно, что многие приверженцы Токты и его сына видели в Узбеке опасного соперника Ильбасару в борьбе за трон и советовали остальным нойонам: «Царство принадлежит сыну Токтая, но сперва нужно устранить Узбека, потому что он враг наш, а после того уже можно сделать царем сына Токтая». Но Узбек со своими сторонниками опередил их: против Ильбасара был составлен заговор, и когда сын Токты готовился принять присягу своих новых подданных, он был окружен сторонниками Узбека и убит. По некоторым сведениям, Узбек собственноручно зарезал своего двоюродного брата и соперника, а Кутлуг-Тимур — его первого советника Кадака.

Впрочем, некоторое время спустя Узбек и сам чуть не стал жертвой почти такого же заговора. Сторонники Токты и Ильбасара не собирались прощать Узбеку убийство сына Токты, а также, как они подозревали, отравление самого хана. Заговор составили бывшие любимцы Токты со времен его победы над Ногаем — нойоны Тунгуз и Таз. Узбек был вовремя предупрежден своим двоюродным братом Кутлуг-Тимуром, которого щедро отблагодарил за услугу: после воцарения Узбека он стал его

бекляри-беком, а его сын Харунбек женился на ханской дочери.

II

Перед вступлением на трон Узбек пообещал своим мусульманским сторонникам превратить Золотую Орду в исламское государство. Однако выполнить это обещание ему удалось лишь на седьмой год своего правления — к 1320 г., когда он почувствовал себя достаточно уверенным для столь радикальных преобразований.

Однако ход этой реформы очень скоро показал, что настоящей целью Узбек-хана было не торжество «истинной веры» (хотя нет оснований сомневаться в его личной искренней приверженности к исламу), а сведение счетов с реальными и потенциальными недругами из числа нойонов. Как и ожидалось, многие члены семейства Джучидов и племенные предводители не собирались принимать ислам, прямо заявляя хану: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем тура и ясык Чингиз-хана и перейдем в веру арабов?» В ответ на это Узбек, успевший привлечь на свою сторону войска, развернул массовые репрессии.

В течение короткого времени по его приказу было уничтожено 120 (!) Чингизидов и гораздо больше менее знатных ордынских сановников, отказавшихся перейти в ислам, а также «бахшей и лам», т. е. буддистов и священнослужителей других конфессий, которым покровительствовали Токта и его приверженцы. Самым знатным из погибших был сын Токты, не названный в источниках

по имени: по-видимому, это был последний из трех его сыновей, со смертью которого окончательно исчезла угроза замены Узбека на троне не менее законным претендентом. Узбек мстил родичам не столько за инакомыслие и попросах веры, сколько за то, что многие Чингизиды в свое время не слишком-то активно поддержали его, когда он еще только боролся за власть и едва не стал жертвой заговора. Совершенно очевидно, что торжество ислама было только поводом (возможно, даже преувеличенным мусульманскими историками Египта и Сирии, из сочинений которых мы знаем об этих событиях): после уничтожения основных политических противников, Узбек ипшился повода преследовать «иноверцев» и вновь позволил им исповедовать свою религию и даже занимать видные посты. Писцы-«бахши», т. е. уйгуры-буддисты, продолжали состоять при дворе Узбека и его преемников, а буддийские праздники и обряды имели место в Золотой Орде даже в первой половине XV в.

Установив ислам в качестве государственной религии Золотой Орды, Узбек принял тронное имя «султан Гийас ад-Дин Мухаммад Узбек-хан» и провел еще две реформы. В результате первой изменился административно-судебный аппарат: к тюрко-монгольским чиновничьим должностям добавились также и мусульманские — муфтии, кадии и пр. При хане также появился специальный орган управления — диван. Монгольские нойоны с этого времени стали именоваться принятым в мусульманских государствах термином «эмир». Вторая реформа оказалась еще более радикальной: Узбек постарался если не уничтожить, то, по крайней мере, свести к минимуму власть удельных Чингизидов, постепенно

заменяя их своими наместниками. Золотая Орда была поделена на 70 тюменов, во главе которых стали назначенные ханом эмиры-темники, выше которых были четыре улус-бека. Царевичи-Чингизиды были вынуждены подчиняться менее знатным эмирам.

Первым «полем для экспериментов» стала Синяя Орда. После смерти ее правителя Эрзена, верного сподвижника Узбека, хан отстранил от власти ее наследственных правителей — потомков Орду б. Джучи — и назначил своим наместником в восточном крыле эмира Ису (Исатая) из рода кият. Естественно, Чингизиды, заняв подчиненное положение при ханском наместнике, не сразу с этим смирились. В 1328 г. Мубарак-Ходжа, сын Эрзена, поднял восстание против наместника и провозгласил себя даже не правителем, а независимым ханом Синей Орды, начав чеканить монету с собственным именем. Узбек отправил против него своего старшего сына Тимура с войсками, которые разгромили Мубарак-Ходжу. Он был вынужден бежать из страны, и умер на чужбине. До 1361 г. Синяя Орда находилась под властью Исы Кията и его потомков — ханских наместников.

Не ограничиваясь столь радикальными преобразованиями внутри страны, Узбек так же активно проявлял себя и во внешних делах. И, надо сказать, далеко не все его действия на этом поприще пошли на пользу Золотой Орде.

III

Столь известное в отечественной истории понятие «ордынское иго на Руси» наиболее оправданно можно

применить именно к эпохе Узбек-хана. В самом деле, ни один золотоордынский монарх ни до него, ни после не именивался так часто и так решительно в дела «русского улуса», не назначал князей по своему усмотрению, не валил их в таком количестве и не направлял так часто свои войска на Русь, чтобы заставить русских исполнять свою волю!

Как мы помним, еще Токта в 1304–1305 гг. утвердил великим князем владимирским Михаила Ярославича Тверского, отклонив претензии Юрия Даниловича Московского. Узбек поначалу подтвердил ярлык Токты Михаилу, но затем Юрий сумел жениться на ханской сестре Кончаке, и Узбек — впервые в истории русско-ордынских отношений! — нарушил установившийся порядок: он проигнорировал русские традиции наследования и в 1317 г. назначил своего новоиспеченного зятя великим князем, выдав ему соответствующий ярлык фактически в виде свадебного подарка.

Предвидя, что законный великий князь не уступит ему великого княжения без сопротивления, Юрий выпросил у Узбека два тумена ордынской конницы. Михаил не стал противиться ханской воле и отказался от великого княжения в пользу Юрия. Однако торжествующему московскому князю этого оказалось мало, и он вместе с ордынскими послами Кавгадыем и Алчедаем и приданными им войсками решил вторгнуться в Тверское княжество — личные владения своего противника. Эти войска были разгромлены Михаилом Тверским, Юрий бежал, а посол Кавгадый решил сдаться победителю. А хуже всего было, что в плен к тверскому князю попала и молодая великая княгиня Кончака (получившая

в крещении имя Агафья), которая как-то очень быстро и таинственно скончалась в Твери. Причины ее смерти так и остались неизвестными, однако Юрий Московский не без помощи Кавгады обвинил Михаила в том, что тот ее отравил, и Узбек, огорченный смертью сестры, поверил этому обвинению.

В 1318 г. Михаил Тверской был вызван на суд в Золотую Орду, причем Узбек, как лицо заинтересованное, постарался продемонстрировать свою объективность — он отказался лично судить князя, передав его дело на рассмотрение эмирам, которым сказал, согласно русским летописям: «Что ми есте молвили на князя Михаила, сотворите има суд с великимъ княземъ Юрьемъ Даниловичемъ Московскимъ. Да которого правду скажите ми, того хощу жаловати, виноватого казни предати». Конечно, эмиры прекрасно понимали, какого именно решения ждет от них хан! Впрочем, вопрос о виновности тверского князя в гибели ханской сестры практически не рассматривался — и без него обвинений хватало. Юрий Московский обвинил своего соперника в весьма серьезных прегрешениях: утаивании ордынского «выхода», сопротивлении ханскому послу и переговорах с «немцами» (вероятно, Тевтонским орденом) о союзе против Золотой Орды. Не удивительно, что суд затянулся и завершился только в 1319 г. Михаил Ярославич был признан виновным и казнен, а впоследствии на Руси числен к лику святых.

Своеобразной иронией истории оказалось то, что в последующие три года новый великий князь владимирский Юрий сам совершил те преступления, в которых обвинял Михаила Тверского: и задержал выплату

ордынского «выхода», и вел подозрительные переговоры с Литвой. Дмитрий Тверской, сын Михаила, не преминул доложить об этом хану. Узбек, раздраженный и чувствовавший себя униженным за то, что пошел на поводу у бывшего зятя, в 1322 г. лишил Юрия Даниловича великого княжения. А чтобы тот даже помыслить не смел о сопротивлении, хан отправил в русские земли свои войска под командованием полководца Ахмыла. В результате «Ахмыловой рати» были жестоко разорены земли Владимирского, Суздальского, Ростовского, Муромского и других княжеств.

Возможно, признавая в какой-то мере свою вину за скоропалительное решение о казни Михаила Тверского, Узбек назначил новым великим князем его сына — 23-летнего Дмитрия Грозные Очи. Однако великое княжение для Дмитрия было только средством, тогда как целью — мщение Юрию Московскому за гибель отца. В течение нескольких лет Дмитрий Михайлович старался схватить Юрия и расправиться с ним. Такая возможность ему представилась в 1325 г., когда оба князя были вызваны в Орду. Либо Узбек успел разочароваться в новом великом князе и решил сместить его, либо Юрию вновь удалось войти в милость к хану — как бы то ни было, но по какой-то причине Дмитрий Михайлович решил, что ему терять нечего, и совершил безрассудный поступок: он собственноручно прикончил Юрия Московского прямо в ханской ставке.

Узбек был просто разъярен — и не только тем, что московский князь был убит без его приказа. Согласно кочевым воззрениям, пролитие крови в ханской ставке могло навлечь гнев Неба на того, в чьем доме она пролилась;

несмотря на свою принадлежность к исламу, Узбек был вполне подвержен прежним монгольским суевериям и мог заподозрить Дмитрия Тверского в намерении призвать на него, хана, немилость Неба. Конечно же, Дмитрий Михайлович был немедленно схвачен, однако не казнен сразу, что вызывало беспокойство Ивана Даниловича Калиты — брата Юрия Московского: Узбек, обладавший капризным и непостоянным характером, легко мог казнить князя, но мог и простить его, вернув великое княжение. Тем не менее, в 1326 г. в ставке хана на берегах р. Кондракли Дмитрий Грозные очи был предан суду и казнен.

Опасения Ивана Калиты оказались, однако, беспочвенны: Узбек назначил новым великим князем брата Дмитрия — Александра Михайловича Тверского, правление которого оказалось, впрочем, весьма недолгим. Год спустя, в 1327 г., Узбек, начавший с недоверием относиться и к этому своему ставленнику, направил в Тверь с чрезвычайной миссией своего посла, который имел полномочия на время своего пребывания пользоваться властью даже большей, чем князь. Чтобы воля хана выглядела еще весомее, был выбран и соответствующий посол — двоюродный брат Узбека царевич Шевкал, сын Тудана — того самого, который в 1293 г. осуществил страшную «Дюденеву рать»: назначая своего родственника послом, Узбек как бы намекал русским, что ожидает их в случае непокорности.

Шевкал, наделенный столь значительными полномочиями, вел себя, по понятиям тверичей, слишком вызывающе. Он даже выселил князя Александра из его

собственного терема, где разместился сам со своей свитой. В народе начали распространяться совершенно фантастические слухи о том, что ханский братец намерен уничтожить семейство тверских князей и лично воюжаться в Твери! Агрессивное поведение людей из свиты Шевкала, в конце концов, привело к восстанию: тверичи набросились на ордынцев, а когда те затворились в княжеском тереме и стали отстреливаться из луков, горожане (не без одобрения со стороны самого князя Александра) сожгли здание вместе с ордынцами, включая и самого Шевкала.

Гнев Узбека был страшен. Он вызвал к себе Ивана Калиту, выделил ему несколько туменов и велел сравнять Тверь с лицом земли. Иван Московский в союзе с суздальским князем Александром Васильевичем скрупулезно выполнил ханский приказ: город был razорен и сожжен, множество жителей попало в плен. Правда, Калита не сумел схватить самого князя Александра, который бежал в Псков и управлял им в течение десяти лет.

Видя, что он попадает впросак при назначении каждого великого князя, Узбек-хан решил вернуться к давней схеме распределения власти в вассальных государствах и назначил сразу двух великих князей — Ивана Московского и Александра Суздальского. Впрочем, это соправительство длилось всего три года: после смерти суздальского князя в 1331 г. вся полнота власти перешла к Ивану Калите, который вплоть до своей смерти не давал Узбеку никаких поводов для недовольства. Этого нельзя было сказать о других князьях: так, в ставке Узбе-

ка были убиты Александр Новосильский в 1326 г., рязанский князь Иван Ярославич в 1327 г. и правитель небольшого Стародубского княжества Федор Иванович в 1330 г.

Несмотря на лояльность Ивана Калиты, Узбек вовсе не собирался усиливать московский княжеский дом. В 1337 г. беглый тверской князь Александр Михайлович явился к хану с повинной, и Узбек великодушно простил его, выдав ярлык, согласно которому Александр возвращал себе власть в Тверском княжестве и отныне не должен был даже подчиняться великому князю владимирскому: он получил право самостоятельно отчитываться перед ханом Золотой Орды. А чтобы Иван Калита и другие князья не чинили Александру препятствий, с ним были отправлены в Тверь ханские послы Киндяк и Абдул.

Такое положение совершенно не устраивало великого князя Ивана. В 1339 г. он сумел убедить хана в том, что Александр Тверской (как и его отец Михаил и старший брат Дмитрий) заключил союз против хана, и тверской князь был казнен в ханской ставке вместе со своим старшим сыном Федором. Впрочем, торжество Ивана Калиты было недолгим: он скончался в 1340 г. Как бы признавая его заслуги перед Золотой Ордой, Узбек незадолго до собственной смерти, в 1341 г., утвердил великим князем владимирским Семена, старшего сына Калиты. Однако наследники Александра Тверского — его братья Константин и Василий и сыновья Всеволод и Михаил — унаследовали статус великих князей тверских...

IV

Внешняя политика Узбека, как можно понять уже из его отношений с русскими князьями, была довольно империалистичной и неуравновешенной — как, впрочем, и все его поступки и деяния. Слишком многое в них зависело от настроения хана, его капризов и того, кто в настоящий момент пользовался у него влиянием.

Узбек продолжил традиционные для Золотой Орды отношения с султанами Египта и даже вывел их на новый уровень: ордынский хан решил породниться с султаном ан-Насиром, выдав за него замуж свою двоюродную племянницу Тулун-бай. За невесту такого ранга он потребовал огромный калым, и послам ан-Насира, явившимся в Сарай за невестой не хватило денег. В результате, чтобы избежать скандала, египетским дипломатам пришлось занимать недостающие средства у ордынских же купцов! Не исключено, что Узбек решил дать возможность «заработать на брачном контракте» своим мусульманским друзьям-торговцам, которые помогли ему вступить на престол! Как бы то ни было, царица из рода Чингис-хана в 1320 г. стала султаншей Египта.

Подобно своим предшественникам, Узбек поддерживал связи с итальянскими торговыми республиками. В 1320 г. венецианские купцы Причерноморья обратились к хану с прошением выделить им участок в этом регионе для строительства постоянной фактории и пожаловать торговые льготы. Однако для принятия положительного решения хану понадобилось долгое время. Сановники и законоведы Узбека 12 лет тщательно изучали существующую ситуацию и анализировали

имевшиеся в причерноморском регионе прецеденты таких пожалований со стороны ильханов Ирана, императоров Трапезунда и других государей. Только в 1332 г. соответствующий ханский ярлык был выдан венецианским купцам, получившим право строительства своей фактории в Азаке (Азове). Этот документ сохранился в латинском переводе в венецианских архивах: «Предвечного бога силою, пламени великого благоденствия покровительством, мой, Узбека, указ Монгольского государства правого и левого крыла огланам, тем под началом с Кутлуг-Тимуром, тысяч, сотен, и десятков князьям, даругам-князьям Азова под началом с Мухаммед-ходжей, таможникам и весовщикам, заставщикам и караульщикам, многим людям, идущим по какому-нибудь делу, всем. Так как обладающий этим ярлыком руководитель государства и народа Венеции обратился к нам с прошением, говоря, что он желает, чтобы его купцы приезжали в Азов, проживали там и возводили дома, а при совершении торговых сделок платили в нашу казну по закону ханский торговый налог, мы, выслушав его прошение и признав его исполнимым, объявляем болюстистое место в Азове, что позади церкви госпитальеров, на берегу реки Дон, отданным нами в его пользование с тем, чтобы его приезжающие купцы проживали там и возводили дома, а при совершении торговых сделок платили бы в нашу казну по закону ханский налог. Отныне и впредь венецианские купцы, приезжающие к нам на кораблях и совершающие торговые сделки в городе Азове и других городах, пусть платят в нашу казну торговый налог в размере трех процентов; если купля-продажа ими не производится, пусть никто не требует с них

торгового налога. Также, у нас исстари не брали торговый налог с торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью; и ныне пусть не берут. Также, если какой-либо товар продается на вес, то от ханского таможенника и консула выделяются соответственно по одному уполномоченному, которые стоят вместе, следят за точностью взвешивания и уплаты продавцом и покупателем в казну по закону торгового пошлина и весового сбора. Также, стороны, совершающие между собой куплю или продажу, дают посреднику или принимают одна от другой задаток; такой задаток считается действительным и входит в стоимость покупки. Также, если поссорится наш человек с венецианцем и один на другого подаст жалобу, то пусть наш правитель края и соответственно венецианский консул тщательно расследуют конфликт и определяют меру ответственности каждого; и пусть не хватают невинного взамен виновного. Также, мы повелели, чтобы венецианцы платили с двухмачтовых и одномачтовых кораблей по прежнему обычаю; все их прибывающие и отбывающие суда обязаны в полной мере соблюдать это. Выданы для постоянного хранения пайцза и алотамговый ярлык. Написан в год обезьяны восьмого месяца в четвертый день убывающей Луны [9 сентября 1332 г.], когда мы находились на Красном берегу у реки Кубань».

Однако не все обитатели Причерноморья пользовались милостью Узбека. Так, например, по сведениям арабского путешественника Ибн Батуты, в 1322 г. в Судаке произошел конфликт между мусульманским и христианским населением города. Для восстановления порядка туда были отправлены ордынские войска под

командованием Тулак-Тимура и Кара-Пулада, которые оккупировали город и предприняли ряд санкций против христиан — сняли церковные колокола и конфисковали иконы.

В правление Узбека вновь, как и при его дяде Токте, имели место случаи торговли ордынцами с последующей продажей их за границу — правда, на этот раз столь недозволенной деятельностью занимались уже не крымские генуэзцы, наученные горьким опытом, а племена Северного Кавказа. Узбек-хану пришлось совершить ряд карательных походов против них, чтобы отбить у них охоту захватывать и продавать его подданных.

Узбек также предпринял попытку вернуть под контроль Золотой Орды балканские страны, от сюзеренитета над которыми фактически отказался его предшественник Токта. В 1323 г. ханские войска были отправлены в Болгарию на помощь царю Георгию Тертеру II, который все равно потерпел поражение от византийцев в битве при Адрианополе. Узбек не стал воевать против императора Андроника II, а затем его внука и преемника Андроника III, поскольку являлся их родичем: он был женат на дочери Андроника II (и, соответственно, тетке второго), известной в источниках как Байалун-хатун.

В 1330 г. воины Узбека снова приняли участие в борьбе за передел власти на Балканах: 3 000 ордынцев выступили на стороне объединенных сил валашского воеводы Басараба I и византийцев против Стефана III, краля Сербии. Однако сербский правитель нанял испанских и немецких кондотьеров, с помощью которых разгромил союзников при Вельбудже, тем самым оконча-

только похоронив надежды Узбека восстановить былое могущество Орды на Балканах.

Непоследовательность и импульсивность русской политики Узбека, проявленная им в отношениях с московскими и тверскими князьями, принесла немало бед русским землям и способствовала значительному похолоданию в отношениях между русскими князьями и ордынскими ханами. Однако еще больше неприятностей Золотой Орде она принесла в другом отношении: с головой погрузившись в междоусобицы князей Северо-Восточной Руси, Узбек совершенно оставил без внимания своих русских вассалов на Юго-Западе, чем не замедлили воспользоваться его западные противники — Литва, Польша и Венгрия.

В правление Узбека западные границы владений Узбек-хана неоднократно подвергались натиску со стороны Польши и быстро набиравшего мощь Великого княжества Литовского. В 1320 г. литовцы захватили Киев, и пару лет спустя — и Волынь, разгромив на р. Ирпень местного князя Льва II, несмотря на то что ему помогали ордынские отряды под командованием эмиров Тимура и Даулата. Хан, со своей стороны, неоднократно отправлял свои войска в набеги на Литву и Польшу. Так, в 1324 и 1337 гг. ордынские отряды по приказу хана совершили нападения на Литву, взяв множество людей в плен, но это не помогло освободить Киев и Волынь. Набег же на Польшу в 1337 г. вообще был совершен не с целью защиты западнорусских земель, а как ответ на попытки римского папы организовать крестовый поход против Золотой Орды.

Ордынские набеги представляли собой единичные рейды — в отличие от планомерных действий Польши и Литвы, однако иногда все же имели положительные последствия. Так, в начале 1330-х гг. литовский князь Гедимин для сохранения контроля над Киевом был вынужден согласиться на присутствие в городе ханского баскака, который вместе с местным князем Федором (вассалом Гедимины) осуществлял управление княжеством и обеспечивал получение с него ордынского «выхода». Возможно, эта уступка со стороны Гедимины была вызвана тем, что тогда же, в начале 1330-х гг., войскам Узбека в пограничной сшибке удалось взять в плен Наримонта, одного из старших сыновей литовского государя. Естественно, пока у хана в руках находился столь ценный заложник, Гедимин старался вести себя как добрый сосед и идти на уступки хану. Но около 1333 г. Иван Данилович Калита сумел выкупить литовского княжича у Узбека, окрестил его и отпустил домой. В результате к концу 1330-х гг. натиск литовцев на ордынские владения возобновился.

В 1339 г. Узбек, до которого доходили слухи о переговорах смоленских князей с Литвой, направил под Смоленск свою армию под командованием Тоглу-бая (Товлубия русских летописей). В походе также приняли участие русские князья — рязанский владетель Иван Коротопол, его тезка Иван Друцкий, а Иван Калита выслал свои дружины. Однако попытка Узбека вернуть город под свой контроль успеха не имела. Фактически это была демонстрация силы — той силы, которой у Орды уже не было, и литовский князь прекрасно это понял. В том же 1339 г. Гедимину удалось захватить Смоленск,

в котором с этого времени правили уже не ордынские шесниды, а литовские ставленники. Годом позже было покончено с существованием и Галицко-Волынского княжества, которое сначала отошло к литовцам, а несколько лет спустя — к полякам.

В результате на западных границах Золотой Орды был создан плацдарм для дальнейшего продвижения половков и литовцев на восток, в глубь ордынских владений. И уже ближайшие преемники Узбека потеряли значительно большие территории, чем он сам.

V

Взаимоотношения монгольских улусов, формально объединившихся в начале XIV в. под номинальным главенством императора Юань в Китае, начали портиться, как мы помним, еще при государях-объединителях: сначала Дува разгромил и лишил владений своего доброго друга и союзника Чапара, затем ильхан Олджейту начал войну со своим соседом Токтой, и т. д.

Уже в начале правления Узбека, в 1313 или 1314 г., чагатайский хан Эсен-Буга, который вел не слишком удачную войну с великим ханом Буянту, предпринял попытку поссорить своего врага с ханом Золотой Орды. Эсен-Буга направил Узбеку послание, в котором передавал слова, якобы, сказанные императором: «Узбек недостоин быть государем; место Токтая я передам другому царевичу». Тем самым чагатайский правитель надеялся склонить ордынского хана к совместной борьбе против империи Юань. Однако у Узбека и его бекляри-бека Кутлуг-Тимура хватило ума проверить полученную

информацию, и они убедились, что никаких враждебных действий против Золотой Орды император не замышляет. В результате Узбек не стал отправлять свои войска в Мавераннахр, и Эсен-Буга понес поражение от китайских войск.

Сам Узбек продолжал номинально признавать китайского императора своим сюзереном, числился в юаньской иерархии «князем третьей степени» и имел право на причитающиеся ему доходы с китайских областей Пинньян, Цзиньчжоу и Юнчжоу. В свою очередь, он отправлял своему восточному сюзерену дары, среди которых были даже русские пленные. В царствование великого хана Ток-Тимура (императора Вэнь-цзуна, 1329–1332 гг.) из них была образована «во веки веков русская гвардия», получившая от Юань значительные привилегии по сравнению с другими императорскими войсками.

В отношении Ирана Узбек поначалу намеревался сохранять мир, хотя и отправил сразу после своего воцарения к ильхану Олджейту послов с требованием вернуть «все, что является нашим по ярлыку Мункэ-каана». Его требование было проигнорировано, но в 1314 г. новое посольство Узбека уже официально заключило мир с ильханом. Этот мир едва не был нарушен из-за некоего Баба-огула — джучидского царевича, бежавшего из Золотой Орды и поступившего на службу к ильхану. Получив от него отряд в 1 500 всадников, он совершил грабительский рейд на Хорезм, а когда наместник Кутлуг-Тимур выступил против него, часть хорезмских войск перешла на сторону царевича и вместе с его отрядом обрушилась на города и селения Хорезма. Захватив множество пленных, Баба-огул вернулся в Иран. Узбек тут

то направил гневное письмо ильхану, в котором требовал выдать ему Баба-огула. По приказу Олджейту его наместник в Ходженте чагатайский царевич Йасавур напал на Баба-огула, разгромил его и заставил освободить пленников. Баба-огул явился с повинной к ильхану, и тот приказал его казнить на глазах у посланцев Узбека. Мир был восстановлен. Поддерживая мир с ильханом Олджейту, Узбек даже отказался (по совету своего бекляр-бека Кутлуг-Тимура) от возможности занять трон Хулагуидов после смерти ильхана в 1316 г. — такое предложение поступило ему от иранского эмира Чобана.

Но вскоре, видя, что от желанного единства не осталось и следа и что даже сам «верховный арбитр» всех споров, император Юань, беспрестанно ведет междуособицы с родичами, Узбек счел себя свободным от обязательств союзного договора. Для начала он решил заручиться поддержкой других противников ильхана и вступил в переписку с вышеупомянутым Йасавуром, который после смерти ильхана Олджейту восстал против его наследника Абу Саида и захватил контроль над Хорасаном. Узбек и Йасавур решили предпринять совместные действия против ильхана, однако этому помешали проливные дожди, из-за которых войска союзников не смогли соединиться. А вскоре Йасавур погиб в борьбе с Кебеком, ханом Чагатаева Улуса, у которого пытался отнять трон. Узбек не мог помочь ему в этой борьбе, поскольку находился в союзе и с Кебеком.

В 1320 г. Узбек-хан возобновил боевые действия против хулагуидского Ирана, в очередной раз вознамерившись присоединить к Золотой Орде Азербайджан. Но полководца из Узбека не вышло, и он понес тяжелое

поражение. Тем более тяжелое, что ему, уже зрелому и опытному монарху, противостоял 16-летний ильхан Абу Саид с гораздо меньшим числом воинов! А в 1325 г. владения Узбека, в свою очередь, подверглись нападению иранских войск: эмир Чобан (который некогда сам предлагал иранский трон Узбеку) вторгся через Грузию в северокавказские области Золотой Орды и опустошил их, после чего поспешно отступил в Арран, не вступая в битву с ордынскими войсками.

Потерпев поражение на поле битвы, Узбек решил попытать счастья на дипломатическом поприще. От своих осведомителей в Иране он получил известия, что между юным ильханом и Чобаном, его амир ал-умара (аналог ордынского бекляри-бека), начались трения. Золотоордынский хан вступил в переписку с Чобаном, и тот вскоре предложил ему вновь вторгнуться в Иран, обещая поддержку своих войск. Однако в 1328 г. ильхан Абу Саид расправился со Чобаном и его семейством, так что Узбеку снова не удалось добиться успеха.

Очередная надежда забрезжила перед золотоордынским ханом уже в 1335 г., когда Абу Саид умер, отравленный собственной супругой Багдад-хатун — дочерью эмира Чобана. Он не оставил наследников, и в Иране сразу же началась борьба за власть. Узбек тотчас же решил воспользоваться ситуацией, и в очередной раз золотоордынские войска вторглись в Азербайджан. На этот раз хан Золотой Орды был разбит только что вступившим на трон Арпа-ханом. Самое обидное заключалось в том, что сам новый ильхан совсем недолго пробыл на троне: в том же году он был свергнут и убит еще одним Хулагуидом — Муса-ханом!

Это была последняя попытка Узбека овладеть Азербайджаном. В дальнейшем борьбу за эти земли вели его преемники.

VI

Узбек, оставивший по себе память блестящего, властного и амбициозного государя, на самом деле был крайне неуравновешенной и капризной личностью. Он постоянно находился под влиянием своих приближенных и, как следствие, часто менял свои взгляды и позиции в зависимости от того, кто в это время подсказывал ему, как надо поступать. Иногда его охватывали приступы ярости, во время которых он совершенно не контролировал своих действий. Так, однажды, разгневанный тем, что его союзник египетский султан ан-Насир отказал ему в военной помощи, хан убил египетского посла — генуэзца Шакрана, одного из приближенных султана.

Непредсказуемость и непоследовательность Узбека проявлялись даже в его семейной жизни. Так, например, поначалу он оказывал предпочтение своей супруге Байалун — внебрачной дочери византийского императора Лидроника II Палеолога, которая стала его женой после смерти Токты. Однако когда ханша отказалась изменить христианству и перейти в ислам, Узбек резко охладел к ней и даже лишил ее брата Байдемира наместничества в Хорезме. Недовольная отношением мужа, она решила оставить его. В 1333 г., узнав, что арабский путешественник Ибн Баттута, находившийся в это время при дворе Узбек-хана, намерен посетить Константинополь,

Байалун попросила у хана разрешения поехать с ним, чтобы повидать отца. Однако, оказавшись в Византии, ханша осталась там и уже не вернулась в Орду. Новой любимицей Узбека стала Тайдула (Тай-Тоглу-бегим), подарившая ему двух сыновей-наследников — Тинибека и Джанибека. По сведениям арабских путешественников, длительное расположение к ней столь непостоянного в своих предпочтениях Узбека было связано с физиологическими особенностями ее тела. Пикантные подробности привел арабский путешественник Ибн Баттута: «Султан любит ее за одну свойственную ей особенность, которая (состоит) в том, что каждую ночь он находит ее как бы девственницей».

Любимым сыном Узбек-хана был его первенец Тимур, но он умер раньше отца, в 1330 г. Остальные же сыновья то пользовались расположением карпризного отца, то попадали в опалу. Так, поначалу Узбек намеревался сделать своим наследником следующего по старшинству сына, Тинибека, и стал его готовить к этому. Тинибек командовал войсками, а в 1337–1341 гг., по некоторым сведениям, был наместником отца в Хорезме и даже отправлял собственных послов к европейским государям. Однако за время своего пребывания на востоке Тинибек умудрился чем-то разгневать отца, и тот стал оказывать предпочтение его младшему брату Джанибеку. Уже с 1339/1340 г. монеты Золотой Орды чеканились с именами Узбека и Джанибека, а иностранные государи в посланиях золотоордынскому хану указывали не только имя хана и его супруги Тайдулы, но и Джанибека.

Такое же непостоянство проявлял Узбек и в выборе чиновников. Поначалу он всецело находился под влиянием эмира Кутлуг-Тимура, который помог ему взойти на трон. Узбек выдал за него замуж свою сестру, назначил его на пост бекляри-бека и осыпал всяческими милостями, прислушиваясь к каждому его слову. Однако несколько лет спустя Кутлуг-Тимур был лишен своего поста и отправлен в качестве наместника (улус-бека) в Хорезм. Для бывшего всесильного первого министра эта высокая должность означала всего лишь почетную ссылку! Новым фаворитом и бекляри-беком Узбека стал его очередной зять Иса-гурген из рода уйшин, женатый на ханской дочери. Но какое-то время спустя и он утратил ханское расположение, и бекляри-беком вновь стал Кутлуг-Тимур — только для того, чтобы позднее снова уступить пост тому же Исе-гургену!

Даже в вопросах веры Узбек не был так последователен, как, возможно, желал быть, надеясь войти в историю в качестве поборника ислама, обратившего Золотую Орду в «истинную веру». Установив ислам в качестве государственной религии, он по-прежнему оказывал покровительство русской православной церкви и даже католическим миссионерам. Так, еще 20 марта 1314 г. он выдал ярлык францисканцам, пожаловав им многочисленные льготы и позволив уже в следующем году основать в Сарне свою миссию. А к 1336 г. францисканцы имели в Орде уже 10 представительств. Католики пользовались поддержкой хана, поскольку с их помощью Узбеку удалось проще находить общий язык с западными торговцами — ибо торговлю, а не религию хан ставил на первое

место. Кроме того, сам Узбек также лично участвовал и в религиозных праздниках, не имевших отношения к исламу — в частности, Ибн Баттута сообщает о его участии в праздновании середины лунного года, традиционном для монголов, причем хан заставил присутствовать на церемонии также и представителей мусульманского духовенства!

Принято считать, что при Узбеке Золотая Орда достигла апогея своего могущества и расцвета. Несомненно, в 1320–1330-е гг. государство Джучидов пользовалось колоссальным международным авторитетом, его вассалы находились в наиболее тесной зависимости от хана, а враги не осмеливались тревожить его границы. Однако на самом деле все было не так гладко, как казалось извне.

Большинству иностранных государей, в частности, не было известно, что в 1339 г. против хана Узбека был составлен заговор, в котором приняли участие ордынцы и иностранцы-христиане: они осадили хана в собственном дворце и пытались ворваться внутрь, отвлекая охрану специально устроенным пожаром. Заговор не удался, а большинство его участников было схвачено и предано казни. Однако сам факт покушения на жизнь хана в его же резиденции свидетельствует, что «великолепный и могущественный» Узбек не мог доверять даже своему ближайшему окружению!

Почти тридцатилетнее правление Узбека стало эпохой величайшего напряжения сил и невероятных затрат ресурсов — денежных, материальных, человеческих. Ордынцев постоянно отрывали от хозяйства и отправля-

ли и походы то в Иран, то на Русь, то подавлять мятежи в различных регионах самой Золотой Орды. А результаты этой колоссальной деятельности, по сути, были ничтожными. Все внешние военные предприятия Узбека заканчивались поражениями. Разорив своих вассалов в Северо-Восточной Руси многочисленными карательными рейдами, он практически без сопротивления уступил Юго-Западную Русь Польше и Литве, не добился успехов и в Иране.

Репутация Узбека как выдающегося правителя была создана арабскими и персидскими современниками этого хана, которые, будучи мусульманами, приветствовали установление им ислама в качестве государственной религии в столь крупном и могучем государстве, как Золотая Орда. Не удивительно, что большинство арабских авторов говорит об Узбеке исключительно положительно. Так, например, весьма характерен словесный портрет Узбека, составленный египетским историком ал-Муффадамом и относящийся к первым годам его правления: «Говорят, что это молодой человек красивой наружности, отличного характера, прекрасный мусульманин, храбрый и энергичный. Он умертвил несколько эмиров и знатных лиц и убил множество бахшей (т. е. лам) и волшебников».

Показной блеск ханского двора, напускное величие и властность самого хана (чаще всего проявлявшиеся в импульсивных приказах сместить высшего сановника или казнить вассального правителя) ослепили и некоторых европейских современников — в частности, неизвестного автора «Книги о великом хане», назвавшего Узбека одним

из могущественнейших правителей современности. Под внешним блеском иностранные современники Узбека не заметили непрочности власти хана Золотой Орды, начала династического кризиса, развала войск и роста сепаратистских настроений в уделах. Узбеку повезло: он скончался до того, как эти недуги государства проявились в полной мере, и поэтому вошел в историю как могущественный и успешный правитель. Таковым же считался и его преемник Джанибек, хотя при нем уже явно начали проявляться признаки упадка Золотой Орды.

Очерк седьмой

ДЖАНИБЕК, ИЛИ «ДОБРЫЙ ХАН»

(хан, 1342–1357)

Личность хана Джанибека производит довольно противоречивые впечатления. Наследник и продолжатель активной централизаторской и экспансионистской политики своего отца, он поставил Золотую Орду в условия кризиса, который и начался вскоре после его смерти. Он первый (если не единственный!) из золотоордынских ханов обложил русскую церковь налогами и сборами, но при этом в трудах русских монахов-летописцев упоминается как «добрый царь»...

I

Джанибек был третьим сыном хана Узбека. Его матерью была Тайдула — любимая супруга Узбека. Год рождения Джанибека неизвестен, вероятно, он родился в 1310-е гг.

Хан Узбек, проведя в 1320-е гг. ряд реформ в Золотой Орде, внес существенные изменения в порядок престолонаследия. Отныне власть в Золотой Орде должна была передаваться от отца к сыну. Соответственно, наследником ханского трона поначалу считался старший сын Узбек-хана, Тимур, любимец отца, но он скончался

в молодости, в 1330 г. После его смерти наследником стал следующий по старшинству царевич Тинибек — старший сын Узбека и Тайдулы. Однако на рубеже 1339–1340 гг. по какой-то причине Узбек изменил отношение к старшему сыну и сделал наследником следующего по старшинству — Джанибека: его имя еще в правление отца стало чеканиться на монетах, а иностранные государи стали адресовать послания не только хану, но и «царевичу Джанибеку». Остается только гадать о причинах опалы Тинибека.

В результате после смерти хана Узбека в 1341 г. власть в столице оказалась в руках ханши Тайдулы и ее любимого сына Джанибека, который до избрания нового хана стал временным правителем государства. Тинибек находился в Хорезме, но, как старший сын покойного хана, имел все права на трон, и на этом основании его могли (и были обязаны) поддержать эмиры и войска. Поэтому Тайдула и Джанибек развернули активную кампанию против наследника трона, привлекая на свою сторону наиболее влиятельных сановников и военачальников, а также самых уважаемых представителей мусульманского духовенства. Тем не менее, Тинибек все же был провозглашен ханом, и Джанибеку с матерью пришлось на время смириться с этим. Однако еще до прибытия Тинибека в ханскую ставку им удалось покончить с еще одним возможным конкурентом в борьбе за трон — Хызрбеком, сыном Узбека от другой жены.

Тинибек, возможно, сумел бы стать неплохим ханом. Арабский путешественник Ибн Баттута, лично общавшийся с ним, сообщает, что он «наружностью был

оним из красивейших созданий Аллаха». Отец с молодости приучал Тинибека к делам правления и к полководческой деятельности. Вместе с тем, царевич не был и чужд искусству, покровительствовал деятелям культуры. Кутб, известный поэт того времени, посвятил ему свой тюркский перевод поэмы Низами «Хосров и Ширин», отразив в сочинении немало черт двора Тинибека в период его пребывания в Хорезме. Однако, на его беду, могущественная и влиятельная Тайдула сделала выбор в пользу Джанибека, который, возможно, уступал дарованиями старшему брату, но был больше подвержен влиянию матери и, следовательно, с ее точки зрения, являлся более подходящим кандидатом на престол. Вскоре Тинибеку стало известно об убийстве Хыдрбека, и он решил наказать Джанибека, который, однако, успев к этому времени привлечь на свою сторону достаточное количество эмиров и полководцев, не подчинился старшему брату и начал гражданскую войну.

На стороне Джанибека и Тайдулы оказалось большинство, и очень скоро Тинибек потерпел поражение и погиб. Обстоятельства его гибели победители постарались скрыть, однако распространили информацию, что он был умерщвлен за некие «постыдные дела». Так, в 1342 г. «добрый царь» Джанибек стал ханом Золотой Орды, перешагнув через трупы двух братьев. Его мать в качестве награды получила от признательного сына несколько значительных источников доходов — в частности, в ее владении оказался город Тула, которым управляли именно ее, Тайдулы, баскаки, также ей было

пожаловано право получения в свою пользу некоторых торговых сборов в Азове.

Впрочем, следует признать, что больше никаких репрессий против родичей и эмиров, державших сторону Тинибека, Джанибек и его мать не проводили. Виднейшие сановники Узбека вовремя сориентировались и присягнули новому хану, благодаря чему сохранили свои посты. Чтобы обеспечить себе поддержку областных правителей и улусной знати, Джанибек предоставил им некоторую автономию. С одной стороны, это обеспечило ему их признание, но с другой — сепаратистские настроения в регионах значительно усилились, а власть ханских наместников ослабла. Впрочем, плоды этой политики предстояло пожать уже не Джанибеку, а его преемникам.

II

Джанибек, носивший официальное тронное имя «Джалал ад-Дин Абу Музаффар Махмуд Джанибек-султан», в еще большей степени, чем его отец, способствовал распространению ислама в Золотой Орде. Он строил мечети, покровительствовал медресе и ученым, поощрял эмирских сыновей, желавших изучать богословие. По сведениям арабских авторов, он заставил всех представителей ордынской знати носить чалмы и фараджийат («ферязи») — длинное прямое мусульманское одеяние, что противоречило тюрко-монгольским обычаям, но, тем не менее, было выполнено. Один из виднейших ученых того времени, Маулана Сад ад-Дин посвятил хану свой комментарий на богословское сочинение

«Мухтасар ал-таххис», составленный в 756 г. х. (1355/1356 г.). При его дворе находились многие известные богословы, «одействовавшие превращению Сарая в сосредоточие науки», в том числе выдающийся шейх Мухаммад б. Мухаммад ар-Рази Кутб ад-Дин ат-Тахтани.

Другим приоритетным направлением деятельности нового хана стала денежная реформа: в связи с нехваткой серебра Джанибек уже в начале своего правления предпринял массовую чеканку новых медных монет, пытаясь их количеством компенсировать отсутствие серебра на рынке. Новые монеты были украшены изображением цветка и даже двуглавого орла, что заметно выделяло их среди монет других ордынских монархов. Однако эти монеты были меньше по весу, нежели выпущенные прежде, и потому особого доверия не вызвали: в начале 1360-х гг. ордынские ханы вернулись к выпуску монет прежнего веса.

Несмотря на многочисленные недостатки, Узбек все же оставил по себе память выдающегося правителя, блестящего монарха, пожалуй, самого блестящего за всю эпоху Золотой Орды — особенно в глазах иностранных государей. Джанибеку предстояло приложить много усилий, чтобы выглядеть достойным преемником своего великого отца. Поэтому, вслед за Узбеком, он решительно взялся за масштабную внешнюю политику.

Прежде всего, Джанибек постарался обеспечить безопасность границ на востоке и западе своих владений. Мирное положение восточных пределов Золотой Орды гарантировало номинальное подчинение власти великого хана — императора династии Юань. Подобно

своим предшественникам на троне, Джанибек («Джигунбе») фигурирует в официальных китайских документах как «князь третьей степени» с правом получения доходов с трех китайских провинций, находящихся во владении золотоордынских ханов — тех самых, которые сумел вернуть Золотой Орде еще хан Токта. Однако в 1351 г. в Китае началось анти-монгольское восстание «красных войск», и великим ханам стало не до «игры в империю»: они целиком сосредоточились на борьбе за сохранение власти над Китаем. В итоге даже номинальные связи империи Юань с Золотой Ордой были утеряны.

Чингизиды из других улусов также не тревожили границы Золотой Орды: в их государствах уже в последние годы правления Узбека начались междоусобицы. Так, в Улусе Чагатая с 1334 г., когда был убит хан Тармаширин б. Дува, и 1342 г., когда сам Джанибек стал ханом, т. е. за 8 лет, сменилось пять ханов. А в 1346 г. к власти там пришел всесильный временщик эмир Казаган, ввергший страну в многолетнюю борьбу за власть. Государство Чагатаидов распалось надвое: в Мавераннахре и Могулистане появились самостоятельные монархи. Аналогичным образом и в Иране после смерти ильхана Абу Саида в 1335 г. едва ли не каждый год на трон вступали новые ханы, причем не все из них были потомками Хулагу и даже потомками Чингис-хана! Влиятельные иранские эмиры резались насмерть друг с другом, чтобы возвести своих марионеток на трон Хулагуидов.

На западе вассалами ханов Золотой Орды были многочисленные русские княжества. Джанибек, вступив на

престол, продолжил линию отца по укреплению власти Орды над Русью и старался не допустить усиления того или иного князя. Так, хотя хан сохранял хорошие отношения с великим князем владимирским Семеном Гордым, сыном и преемником Ивана Калиты, в 1343 г. он отказал Семену в праве на Нижегородское княжество, которое с этого времени отошло к суздальским князьям.

Кроме того, Джанибек позволил другим князьям обращаться со своими просьбами и жалобами непосредственно к себе, минуя великого князя. Так, в 1340–1350-е гг. хан сам разбирал тяжбы тверских и муромских князей. При этом Джанибек, как и его отец, нередко игнорировал принятый на Руси порядок наследования и руководствовался ордынскими политическими традициями. Так, например, в 1348 г. к нему на суд явились претенденты на титул великого князя тверского — Василий Михайлович Кашинский (сын Михаила Ярославича) и его племянник Всеволод Александрович Холмский (сын Александра Михайловича). По русской лестничной традиции старший князь имел преимущественное право наследования. Однако во время обсуждения ханская мать вдруг заявила: «О безумные судьи, как неправо судите, лишая сына отца достояния. Ибо кто ближайший есть, как не сын после отца? А брат Александров имеет свой удел от отца, и после него наследуют сыновья его. Когда в Орде было, чтобы вместо сына ханского после него брат был? разве насилие и крамола». Поскольку это вполне соответствовало новому ордынскому закону о переходе ханской власти от отца к сыну, тверской стол

вслед за своим отцом Александром Михайловичем получил Всеволод Холмский.

Впрочем, традицию сохранения великого княжения в роду московских князей Джанибек продолжил. После скоростижной смерти Семена Ивановича Гордого от чумы в 1353 г. он выдал ярлык на владимирский великий стол его брату Ивану Красному. Правда, при этом дал понять, что Иван не является единственным кандидатом, и потому представил передачу ему великокняжеского достоинства как милость хана по отношению к своему верному вассалу.

В русских летописях хан Джанибек нередко называется «добрым». Вряд ли он был и в самом деле добрее других золотоордынских ханов, однако нельзя не отметить, что в его правление не было ни одного ордынского нашествия на Русь. Более того, когда литовский великий князь Ольгерд ок. 1350 г. направил к Джанибеку посольство во главе со своим братом Кориатом для заключения военного союза против Руси, хан выдал этих послов своему вассалу и союзнику — великому князю Семену Ивановичу. Так что, у летописцев были определенные основания для подобной похвалы сыну Узбека — особенно после правления его отца, столь сурового по отношению к Руси!

Вместе с тем, для русской православной церкви Джанибек оказался даже более суровым господином, нежели его отец. Несмотря на всю свою неуравновешенность, капризность и властность, Узбек все же продолжал соблюдать обычай, завещанный Чингис-ханом — не облагать налогами служителей церкви. Джанибеку же

нужны были средства для его многочисленных военных кампаний и для раздачи эмирам, чтобы обеспечить себе их поддержку. Поэтому хан решил ввести ряд налогов и сборов с церкви, что нашло отражение в его ярлыке, выданном в 1342 г. русскому митрополиту Феогносту. Однако, чтобы не потерять поддержки церковью авторитета ханской власти на Руси, Джанибек несколько «подлистил пилюлю»: его мать Тайдула в 1347 г. в своей грамоте сарайскому епископу Иоанну запрещала светским князьям вмешиваться в церковные судебные дела. Таким образом, хан проявил свою власть, а ханша — свою доброту, войдя в русскую летописную традицию как «заступница русской церкви».

Вмешивался Джанибек и в церковные дела других вассальных государств. Так, в частности, он по собственной воле выдал ярлык аланскому митрополиту — трапезундскому греку Симеону, наделив его полномочиями назначать и смещать архиереев по своему усмотрению, наделять владениями и лишать их. Возмущенные столь бесцеремонным попранием церковных правил, аланские священнослужители в 1356 г. собрались на синод, на котором новоявленный митрополит был низложен.

Вслед за отцом Джанибек продолжал поддерживать дипломатические связи с мамлюкским Египтом, отправляя к султану посольства с богатыми подарками. Но этот союз был, скорее, данью традиции, чем необходимостью. Во-первых, Джанибек большую часть своего правления не вел войн с государствами, которые были и врагами Египта, а потому не нуждался в помощи

мамлюкских султанов. Во-вторых, после смерти султана ан-Насира в 1341 г. Египет, в свою очередь, стал ареной междоусобной борьбы его многочисленных сыновей и поддерживавших их кланов. Так что дипломатический обмен между Золотой Ордой и Египтом в эпоху Джанибека был уже гораздо менее интенсивным, чем при Узбеке.

В целом, международная политика Джанибека была гораздо более спокойной и уравновешенной, чем у его отца, что шло только на пользу Золотой Орде и ее населению, измученному постоянными войнами Узбек-хана. Тем не менее, политику «доброто» Джанибека нельзя назвать миролюбивой: на разных этапах своего 15-летнего царствования и ему пришлось немало повоевать. «Боевое крещение» он получил в Крыму.

III

Гнев хана вызвали итальянские торговцы, уже давно обосновавшиеся в Причерноморье и пользовавшиеся такими широкими привилегиями, что порой чувствовали себя настоящими хозяевами в этих землях, забывая, что находятся во владениях хана Золотой Орды. Формально центр генуэзских владений, Кафа, имел двойное подданство — генуэзской синьории и ордынского хана. Фактически же консул Кафы и представители наиболее крупных семейств нобилитета и купечества не подчинялись никому, да еще и вели себя как феодальные сеньоры по отношению к населению близлежащих городов и селений. Аналогичным образом поступали и венецианцы в недавно предоставленной им колонии в Азове (Тапа),

также находившемся в подданстве золотоордынского хана.

Подданных хана Золотой Орды итальянцы совершенно не уважали, что нередко становилось причиной конфликтов. Так, в 1343 г. в Азове в результате уличной драки знатный венецианец Андреоло Чиврано убил ордынского купца Ходжу Омара, который залепил ему пощечину. Из-за этого многие жители и посетители Азова европейского происхождения были ограблены и даже убиты, а остальным пришлось бежать — кому в Кафу, а кому и на родину, в Италию. Результатом стычки стали огромные финансовые потери европейских торговцев (более полумиллиона золотых флоринов), а также резкий рост цен в Европе на восточные товары, зерно и рыбу. Джанибек, разгневанный на европейцев, которые вели себя столь вызывающе в его владениях, повел изгнать всех итальянских торговцев из Таны сроком на пять лет. Хан предпринял и другие карательные меры, в результате которых, в частности, в устье Дона было разрушено поселение Порто-Пизано, принадлежавшее (как следует из его названия) пизанским купцам, которые с этого времени практически лишились возможности вести торговлю с Золотой Ордой.

Венецианский сенат провел расследование случившегося в Азове, признал Чиврано виновным и арестовал его, о чем немедленно направил уведомление хану Золотой Орды вместе с просьбой вернуть венецианцам право торговли в Азове. Джанибек сменил гнев на милость и выразил готовность закончить дело миром. Чтобы добиться максимального успеха, венецианцы вступили

в союз со своими давними врагами, генуэзцами Кафы, решив совместно потребовать возмещения потерь, понесенных в Азове в результате конфликта с местным населением (генуэзцы также вели дела в Азове). Узнав об этих переговорах, хан Джанибек решил, что итальянцы намереваются заключить против него союз, и в 1344 г. отправил на Кафу войско. Поводом для похода послужил формальный отказ генуэзцев Кафы выдать хану убийцу Ходжи Омара для суда по ордынским законам.

Однако Джанибеку не повезло: Кафа оказалась хорошо укрепленной, и ее население имело опыт обороны и неоднократно совершало дерзкие вылазки против осаждающих. Ордынские войска потеряли при осаде, по некоторым сведениям, до 15 тыс. человек и все свои осадные машины и были вынужден отступить. Отступая, хан выместил свой гнев на другом генуэзском поселении — Чембало (Балаклава), которое было обнесено только земляным валом и оказалось беззащитным перед ордынскими войсками: город был взят и сожжен, а жители его разбежались. Тем не менее, хану пришлось начать мирные переговоры с Генуей.

Однако Джанибек жаждал реванша, и год спустя возобновил осаду. Поскольку его войска вновь не добились успеха, ханский бекляри-бек Могул-Буга, командовавший войсками, решился на крайнюю меру, одним из первых в средневековой военной истории применив «биологическое оружие»: через крепостную стену с помощью катапульты было переброшено тело человека, умершего от чумы. Естественно, в жаркое время года в тесном и не очень-то чистом городе сразу вспыхнула

эпидемия. Многие из осажденных, стойко выносившие осаду и штурмы, в страхе перед болезнью бежали в метрополию — в Венецию и Геную. Однако среди беглецов оказались уже зараженные, которые принесли страшную болезнь в Европу. Так началась эпидемия чумы 1348–1349 гг., выкосившая, по некоторым сведениям, до 60% европейского населения. Чуть позднее, в начале 1350-х гг., она вернулась и прошла по Руси: именно тогда умер великий князь Семен Иванович Гордый — как и многие другие князья, вместе с большим количеством своих подданных. Примечательно, что самой Золотой Орде чума принесла куда меньше бед: ее города были более чистыми и менее густонаселенными, в степях же население было еще реже.

Однако, несмотря на столь трагические последствия осады Кафы для всей Европы, Джанибеку так и не удалось взять город и пришлось снова отступить. Поражение было тем более тяжелым, что хан могущественной степной империи понес его от одного-единственного города на окраине своих владений! Тем не менее, хану удалось взять реванш, все же запретив итальянцам торговать в Золотой Орде. Но у итальянских торговых республик было сильное лобби среди ханских сановников, и поэтому год спустя запрет был снят, и они снова могли вести свою коммерцию во владениях Джанибека. В 1347 г. венецианцы Азова получили новый ханский ярлык, в котором только налог с оборота был увеличен с 3 до 5%.

Похоже, ханская суровость ничему не научила итальянцев: в 1349 г. Джанибек снова отправил войска — на

этот раз непосредственно на Азов, в очередной раз разграбив имущество венецианцев, генуэзцев и пизанцев. Но и на этот раз судьба оказалась неблагоприятной к сыну Узбека: генуэзский флот из Кафы вошел в Азовское море и начал настоящую бомбардировку ханских войск, что заставило хана снять осаду и заключить мирный договор с итальянцами.

В 1353 г. произошел еще один венециано-ордынский конфликт — на этот раз уже не во владениях Джанибек-хана. В Средиземном море, где шла очередная венециано-генуэзская война, венецианцы взяли на бордаж генуэзскую галеру и захватили в плен ее пассажиров и их имущество. На свою беду, среди пленников оказалось несколько купцов — подданных золотоордынского хана, причем один из них был убит, а остальные раздеты едва ли не догола и брошены в темницу. На счастье венецианцев, Джанибек в это время улаживал какие-то внутренние проблемы и не мог уделить достаточно внимания очередному посягательству на жизнь и имущество своих подданных. В результате начался длительный судебный спор, который перешел «по наследству» к его сыну Бердибеку, который имел ряд более важных проблем и поэтому предпочел не вмешиваться в эту тяжбу, поручив ее разбор своей бабке Тайдуле и крымскому даруге Кутлуг-Тимуру. Ханша и сановник удовлетворились денежной компенсацией пострадавшим и их семьям (не забыв выговорить и себе вознаграждение «за труды»), так что обидчики отделались «малой кровью».

Ближе к концу правления Джанибека, в 1356 г., венецианцы все же сумели поладить с ханом: крымский

друга Рамадан выделил им в качестве дополнительной фактории крымский городок Янгишехр (венетианцы называли его Провато), в котором действовал прежний 10%-ный налог! Несомненно, такая «щедрость» хана к былым противникам объяснялась исключительно тем, что в это время он отправлялся на завоевание Азербайджана, а потому нуждался в деньгах и совершенно не желал каких бы то ни было конфликтов в собственных владениях.

IV

Даже слабеющая Золотая Орда при Джанибеке еще сохраняла могущество и военные силы — особенно по сравнению с другими улусами Чингизидов, которые к этому времени уже десятилетия сотрясали смуты. Джанибек прекрасно сознавал свое преимущество перед ними и решил, наконец, поставить точку в вековом споре с Хулагуидским государством за Азербайджан.

К середине 1350-х гг. Иран распался на ряд владений. В Хорасане правили Музаффариды — династия персидских эмиров арабского происхождения, успешная, к тому же, породниться с Хулагуидами. Средний Иран попал под власть членов тюркизированного монгольского рода Джелаиров, также имевших родственные связи с домом Хулагу и поэтому даже претендовавших на ханский титул. Азербайджан же находился под властью Сулдузов — Шайх Хасана Кучака и его брата Малика Ашрафа, внуков эмира Чобана, которые, несмотря на то что были потомками ильханов по женской линии, в течение всего своего правления возводили на трон

подставных монархов из дома Чингис-хана. Излишне говорить, что все три династии постоянно враждовали между собой.

В 1356 г. умер очередной марионеточный хан, воведенный на трон атабеком Азербайджана Маликом Ашрафом, находившимся у власти с 1344 г. Пока Ашраф не успел короновать нового монарха, Джанибек решил воспользоваться отсутствием у эмира «собственного» хана и во главе огромного золотоордынского войска лично выступил на завоевание спорной области. Его армия насчитывала, по разным сведениям, от 100 до 300 тысяч воинов, тогда как азербайджанскому владельцу удалось собрать всего 17–18 тысяч.

Малик Ашраф, в отличие от своего покойного брата Хасана Кучака, оказался негодным полководцем. Он без боя уступил ордынцам горные перевалы, в которых горстка воинов могла бы сдерживать наступление целой армии. А когда войска Джанибек-хана оказались на территории Азербайджана, армия Ашрафа разбежалась, даже не вступив в бой с ордынцами. Сам эмир попытался спасти свои сокровища, но, преследуемый ордынскими воинами, был вынужден бросить казну и спасти собственную жизнь. Ашраф укрылся в доме одного из своих приверженцев, Шайха Мухаммада Балигджи. «Верный» сподвижник предоставил Ашрафу убежище, а сам направил гонца к ордынскому хану с сообщением, что беглец находится у него. Эмиры Джанибека схватили Ашрафа и доставили к своему повелителю. Между Джанибеком и Ашрафом состоялся разговор, во время которого хан спросил: «Что побудило тебя к насилию, разруше-

нию страны, грабежу народного имущества, причинению бою рабам Аллаха?» Ашраф ответил: «Так поступали все правители, предводители и султаны». Джанибек-хан приказал отрубить Ашрафу голову и выставить ее на городских воротах Тебриза.

Так, после почти столетней войны за Азербайджан, монгоордынским ханам удалось взять верх над своими иранскими родичами. Весьма примечательно, что случилось это не при воинственных Берке или Узбеке, а при «добром» Джанибеке! Однако торжество хана было недолгим: во время похода он опасно заболел. Скрыв болезнь хана от воинов, эмиры в строжайшей тайне отправили монарха в Сарай. Наместником в Азербайджане остался старший сын хана, царевич Бердибек, при котором в качестве военачальника находился эмир Ахиджук.

V

Ордынские лекари не сумели вылечить Джанибека, и его встревоженная мать Тайдула послала на Русь за митрополитом Алексием, за которым даже в Орде закрепилась репутация целителя. Естественно, ханша не могла сообщить, что хан находится при смерти, и поэтому написала в своем послании, что больна она сама: якобы, что-то случилось с ее глазами. Такая версия впоследствии и вошла в русские летописи.

Хану и его матери было не совсем ловко обращаться к главе русской церкви: ведь несколько лет назад Джанибек существенно урезал ее привилегии, обложив духовенство налогами в пользу Орды. Впрочем, Тайдула полагала, что митрополит не сможет отказать ей, поскольку не

так давно, в 1354 г., она выдала ему грамоту, в очередной раз подтвердившую определенные льготы русского церкви, компенсировав ограничения, сделанные ханом (не упустив, правда, при этом возможности взять с иерарха определенную мзду в свою пользу!). Как бы то ни было, другого выхода ханша не видела, и послание митрополиту было отправлено. Алексей, со своей стороны, не посмел отказаться от этого вызова-приглашения и поехал в Орду. Митрополит посетил хана, пытался оказать ему помощь, но безрезультатно: состояние больного продолжало ухудшаться.

Узнав, что Джанибек находится при смерти, один из его влиятельных эмиров, Тоглу-бай, немедленно отправил послание Бердибеку, в котором извещал царевича о состоянии отца и советовал как можно скорее прибыть в Сарай, если он желает стать ханом сам, а не уступить трон одному из своих многочисленных родичей. Бердибек внял совету и, оставив Азербайджан на попечение Ахиджука, помчался в столицу.

Дальнейшие события различные источники излагают по-разному. Согласно одним, Джанибек скончался еще до прибытия сына в Сарай. По другим, авторы которых, несомненно, с сильной антипатией относились к Золотой Орде и ее правителям, Бердибек приехал в Сарай и, узнав, что отец поправляется, вместе с Тоглу-баем ворвался в его покои и задушил хана. Хан умер 3 шабана 758 г. х. (22 июля 1357 г.) и был похоронен в Сарайчуке.

Сразу после смерти отца Бердибек принялся устранять других конкурентов в борьбе за трон. В течение нескольких дней были умерщвлены сыновья Джанибека

и другие родственники, потомки Узбека (включая даже поворожденного брата Бердибека) — общим числом 12 человек. В русской летописной традиции они все названы братьями убийцы. Некоторым членам ханского рода удалось спастись, но, напуганные участью родичей, они даже не пытались противостоять Бердибеку, который без сопротивления занял ханский трон.

В отношении же митрополита Алексия хан-убийца повел себя вполне благожелательно: уже в течение нескольких первых дней после воцарения он выдал ему ярлык, в котором в полной мере восстанавливал все льготы и привилегии русского духовенства. Надо думать, Бердибек (сознательно или подсознательно) выразил митрополиту благодарность, за то, что тому не удалось вылечить его отца!

Эмир Ахиджук, оставленный наместником в Тебризе, вскоре объявил себя независимым правителем, сплотив вокруг себя уцелевших приверженцев Малика Ашрафа. Однако, оставшись без поддержки ордынских войск, не сумел удержать власть и вскоре был разгромлен и убит Мубариз ад-Дином Мухаммадом, правителем Фарса из рода Музаффаридов. Азербайджан снова оказался под властью иранских правителей, пробыв в составе Золотой Орды менее года!

Сам хан Бердибек скончался (по другим сведениям, был убит) в 1359 г., процарствовав менее двух лет. В восточной историографической традиции считается, что с ним оборвался род Бату, находившийся у власти в Золотой Орде около столетия. Это и так, и не так. С одной стороны, оборвался непрерывный ряд правителей,

в котором власть переходила от брата к брату или от отца к сыну. С другой, оставались младшие представители рода Узбека, которые, в принципе, имели не меньшие права на трон. Однако поведение последних ханов из дома Бату, нарушивших многие заветы Чингис-хана, вызвало сильное недовольство других Джучидов и эмиров, которые пришли к выводу, что эта ветвь потомков Бату выродилась и должна быть заменена другой.

В результате в Золотой Орде началась борьба за власть, в которой приняли участие представители нескольких ветвей потомков Джучи. Тем не менее, потомки Бату (вернее даже, прямые потомки Узбека) сохраняли власть, по крайней мере, над частью Орды вплоть до 1380 г. Большая заслуга в этом принадлежала темнику Мамаю.

Очерк восьмой
МАМАЙ, ИЛИ ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ
TITANUS'А
(временщик, 1362—1380)

Мамай, о деятельности которого известно преимущественно из русских летописей, в историографии обычно представлен как враг, с которым Русь боролась на протяжении многих лет и, наконец, сумела победить на Куликовом поле. Вместе с тем, стараясь быть объективными, историки отмечают, что это был опытный политик и дипломат, храбрый и решительный полководец, хотя это-то как раз и не вытекает из летописей! Да и вызывает большие сомнения, что вся деятельность Мамаея была посвящена подготовке к Куликовской битве! Несомненно, его политические интересы были гораздо шире, и роль в истории Золотой Орды — более масштабна.

I

Общим предком Чингис-хана и Мамаея был легендарный Бодончар, по монгольской легенде, давший начало целой группе монгольских племен, среди которых особо выделились кияты. Одной из ветвей киятов был род Борджигин, к которому принадлежали Чингис-хан и его потомки, в том числе и ханы Золотой Орды. Семейство

Мамая также происходило из племени кият, правда, из какой именно его ветви, установить невозможно.

Часть киятов впоследствии осела в Золотой Орде и, как и большинство монгольских родов, в дальнейшем тюркизировалась. Однако родство, пусть и очень дальнее, с ханской фамилией позволило им выдвинуться и занять видное положение в державе Джучидов. Возвышение киятов произошло еще при Токте, когда кияты Тулук-Тимур и Ак-Буга перешли от Ногая к законному хану. После победы над мятежным временщиком хан Токта возвысил киятов, и они сохранили свое влияние при следующем хане Узбеке: Ак-Буга направлялся в качестве посла, а Тулук-Тимур долгое время был жаругой-правителем Крыма (Солхата). Когда Узбек-хан провел реформу управления и отстранил от власти в Синей Орде потомков Орду-Ичена, старшего сына Джучи, Иса, сын Тулук-Тимура, возглавил восточное крыло государства Джучидов и даже сумел передать свой пост по наследству сыну Джир-Кутлугу, после смерти которого он перешел и к его сыну Тенгиз-Буге.

Мамай приходился внуком Исе и, соответственно, двоюродным братом Тенгиз-Буге. Отца Мамай звали Али(Алиш/Алаш)-бек, и он некоторое время, как и его дед, был правителем Солхата, однако подробных сведений о нем в источниках не сохранилось. Судьба Мамай, как и его отца, оказалась тесно связанной не с Синею Ордой (где обосновалась другая ветвь потомков Исы), а с ханским двором, Крымом и западными улусами Золотой Орды.

Мамай (или Кичиг-Мухаммад), родившийся, вероятно, на рубеже 1320–1330-х гг., был, по предположениям исследователей, ровесником и другом детства Бердибека — старшего сына и наследника хана Джанибека. Повзрослев, он женился на дочери Бердибека, Тулунбек-ханум, и получил право прибавить к имени почетную приставку «гурген» — ханский зять.

В 1357 г. хан Джанибек скончался при довольно таинственных обстоятельствах. По некоторым сведениям, он был все-таки умерщвлен своим старшим сыном Бердибеком и темником Тоглу-баем. Впрочем, если даже Бердибек и не был виновен в убийстве отца, то на нем все равно лежит ответственность за гибель двенадцати ближайших родичей — потомков Узбека и, соответственно, конкурентов в борьбе за трон. Многочисленными убийствами Бердибек возбудил негодование влиятельной знати и, чтобы удержаться на троне, был вынужден окружить себя людьми, которым доверял. А чтобы хотя бы как-то утишить толки о своих преступлениях, новый хан поспешил избавиться от своих соучастников. Так, например, эмир Тоглу-бай, не без оснований рассчитывавший на признательность нового хана и пост беклярибека, был отправлен даругой или даже начальником таможи в город Азак (Азов).

Впрочем, не собирался Бердибек оставлять у власти и отцовских чиновников. Он произвел замены наместников в ключевых областях Золотой Орды и, конечно же, сменил главных сановников ханской ставки. Так, лишились своих постов беклярибек Кутлуг-Буга и везир

Хусам ад-Дин Махмуд Дивани. Новым везиром стал Сарай-Тимур — брат знаменитого Кутлуг-Тимура и двоюродный брат хана Узбека по материнской линии. Пост же бекляри-бека в 1359 г. при невыясненных обстоятельствах был отдан Мамаю — зятю Бердибек-хана. Ибн Халдун писал, что Мамай при Бердибеке «управлял всеми делами», а в Львовской летописи сохранилось известие, что в 1359 г. Мамай отправил в Москву своего посла.

Однако правление Бердибека оказалось недолгим; в 1359 г. он скоропостижно скончался — то ли умер от распутной жизни, то ли был убит своими недоброжелателями. В результате молодой и амбициозный Мамай, столь круто взлетевший при своем тесте на самые вершины власти в Золотой Орде, сразу после его смерти лишился своих постов.

II

Преемником Бердибека на золотоордынском троне стал Кульна (Кульпа), происхождение которого так и не выяснено. По всей видимости, он являлся потомком Бату и, имея близкое родство с Джанибеком, старался проводить политику, которая бы свидетельствовала об этом. Так, он назначил бекляри-беком Могул-Бугу, поскольку тот занимал этот пост при Джанибеке. Однако никаких других значимых решений Кульна принять не успел: после пяти месяцев правления хан был убит вместе со своими сыновьями (носившими почему-то христианские имена — Михаил и Иван) в результате заговора эмиров.

Заговор против Кульны возглавила Тайдула, мать Джанибека. Старейшая ханша не могла смириться с тем, что ее бывшее влияние сошло на нет, и, наконец, решилась на активные действия, чтобы вернуть себе прежнее могущество: в 1360 г. она предложила трон Наурусу (Наурузбеку), потомку Тангута, сына Джучи, и стала его женой, чтобы подкрепить его права на трон Золотой Орды. Однако против Науруса в том же году выступил еще один претендент на трон — Хызр, потомок Шибана, другого сына Джучи. Дело в том, что Тайдула сначала предложила свою руку и трон в придачу именно ему, но в последний момент свадьба расстроилась: будущие супруги не смогли решить, кому будет принадлежать реальная власть. Отвергнутый жених решил отомстить и ханше, и ее новому ставленнику. Он сослался с сарайскими эмирами, недовольными властью Тайдулы, и договорился, что при его приближении к столице они перейдут на его, Хызра, сторону. После кровопролитной битвы Сарай был захвачен шибанидскими воинами, Наурус погиб вместе со своим сыном Тимуром, а Тайдула была казнена. Бекляри-беку Могул-Буге удалось спастись, но многие из его родичей и приверженцев (в русских летописях — «Моалбузина чадь») также погибли.

Мамай, несмотря на свою близость к Бердибеку, сумел каким-то образом выжить при Кульне, Наурусе и Хызре, хотя не принял сторону ни одного из них. Почему же сменявшие друг друга ханы не пытались покончить с ним, хотя без колебаний расправлялись с родичами и сановниками своих предшественников? По-видимому, дело было в восточных родственниках Мамай — киятах,

глава которых, Тенгиз-Буга, управлял Синей Ордой. Ни один хан не осмеливался поднять руку на Мамай, поскольку был риск, что за него вступятся его восточные родичи и направят свои войска на Сарай. А у ханов было предостаточно проблем и без противостояния с вечно непокорным восточным крылом Джучидской державы!

Хызр-хан, в свою очередь, недолго продержался на троне: год спустя, в 1361 г. он был убит при нападении на Сарай очередного претендента на трон — Орду-Мелика, потомка Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи. На трон одновременно предъявили претензии брат убитого хана Мюрид и сын Тимур-Ходжа. В конце концов, Тимур-Ходжа сумел взять верх над дядей и занял трон.

По-видимому, именно в это время до Сарая дошли вести о перевороте в восточных областях: Тенгиз-Буга и его приверженцы были перебиты восставшими царевичами-Чингизидами из дома Туга-Тимура, и к власти в Синей Орде пришел Кара-Ногай б. Сазы, провозгласивший себя ханом. Эти новости заставили Мамай отказаться от позиции пассивного наблюдателя: с гибелью восточных родичей ему приходилось опасаться и за собственную жизнь. Поэтому, собрав эмиров и войска, оставшиеся верными дому Бату, он покинул ханскую ставку и двинулся в Причерноморье, а затем в Крым. Достигнув города Солхат (Старый Крым), где даругой был Кутлуг-Буга, еще один бывший бекляри-бек хана Джанибека, Мамай оставил здесь членов ханского семейства и начал готовиться к участию в борьбе за власть. Становилось очевидным, что выходцы с востока Орды намерены окончательно отстранить от ханского трона

потомков Бату, сторонникам которых было необходимо объединить усилия для восстановления власти законного ханского рода.

Между тем, уход Мамай с его войсками существенно уменьшил силы сарайского хана Тимур-Ходжи. В результате хану удалось продержаться на троне чуть более месяца, после чего он, спасая свою жизнь, был вынужден бежать за Волгу. Сарайские эмиры пригласили на трон его дядю Мюрида, который уже в правление племянника провозгласил себя ханом в г. Гюлистан — пригороде Сарая. Однако Мюрида опередил вышеупомянутый Орду-Мелик, который захватил Сарай и удерживал власть около месяца. Тогда же Пулад-Тимур, бывший ханский наместник в Волжской Булгарии, провозгласил себя независимым правителем, также поступил и эмир Тагай в Мохше; Хаджи-Черкес, правитель Хаджи-Тархана (Астрахани), также намеревался принять участие в разделе владений Золотой Орды.

Как раз в этот период наибольшего кризиса власти в ханы был выдвинут человек, выступавший под именем Кильдибека, сына Иринбека и внука Узбек-хана. Есть основания полагать, что это был самозванец, лишь похожий на настоящего Кильдибека, погибшего во время резни, устроенной ханом Бердибеком. Чтобы придать своему выступлению более легитимный характер и привлечь к себе как можно больше сторонников законной династии, он даже рискнул назваться сыном Джанибека. Основную поддержку Кильдибеку (или лже-Кильдибеку) оказал эмир из племени бахрин Яглы-бай, сын

Тоглу-бая, вероятно, унаследовавший после отца наместничество в Азове и имевший большое влияние в тех краях. После некоторого колебания к Кильдибеку присоединился и Мамай.

Новый претендент на трон, объявив себя представителем семейства Бату (наиболее легитимной ветви правящего рода Джучидов), очень быстро привлек на свою сторону большое количество войск и знати. Его поддержал даже Тагай, правитель Мохши, ранее объявивший себя независимым. Это позволило Кильдибеку опередить Мюрида и первым вступить в Сарай, победив и убив Орду-Мелика. После занятия столицы Кильдибеку удалось распространить власть на значительные территории от Среднего Поволжья до Северного Кавказа. Мамай был послан новым ханом за Волгу с приказом найти и уничтожить сбежавшего Тимру-Ходжу, что и было выполнено.

Однако, заняв трон, Кильдибек вдруг начал репрессии против столичной знати. Очевидно, он стремился уничтожить тех, кто хорошо знал членов ханского семейства и мог уличить Кильдибека в том, что он вовсе не сын и даже не племянник Джанибека. Под различными предлогами новый хан стал вызывать к себе в ставку эмиров и казнил их. Так погибли всесильный некогда бекляри-бек Могул-Буга, бывший везир Сарай-Тимур, хорезмский улус-бек Нангудай и др.

Расправы со знатью существенно пошатнули авторитет Кильдибек-хана среди аристократии, и она стала склоняться в пользу Мюрида, выходца с востока, который по-прежнему пребывал в Гюлистане и стягивал

в себе войска. Почувствовав себя достаточно уверенно, он выступил против Кильдибека и разгромил его. Незадлиный лже-потомок Узбека погиб в бою, но и его победителю не удалось завладеть Сараем: в игру вступил новый участник — Мир-Пулад, еще один потомок Шибана. Воспользовавшись тем, что Мюрид понес серьезные потери в борьбе с Кильдибеком и не был готов оказать ему сопротивление, Мир-Пулад легко овладел Сараем.

Об участии Мамай в сражении Кильдибека с Мюридом сведений нет. Возможно, к этому времени темник решил покинуть самозванца, опасаясь, что и его постигнет участь казненных сарайских эмиров. Видимо, уход Мамай привел к ослаблению Кильдибека и в большой степени предопределил его поражение от Мюрида.

Потерпев неудачу с первым поддержанным им претендентом на трон, Мамай не собирался отказываться от дальнейшей политической борьбы. Более того, ему уже удалось заявить о себе как о крупной фигуре среди ордынской аристократии, что позволило ему вскоре выдвинуть на трон уже своего прямого ставленника и занять при нем столь желанный пост бекляри-бека.

Известно, что к осени 1362 г. Мамай находился среди своих приверженцев в Крыму, где провозгласил ханом Абдаллаха, потомка Узбека, при котором сам вновь стал бекляри-беком. Осенью 1362 г. войска Мамай обрушились на Азов, венецианскую факторию, жители которой имели неосторожность поддержать (по-видимому, деньгами) одного из враждебных ему ханов — скорее всего, Кильдибека. В результате его нападения немало

венцианцев погибло, среди убитых оказался и сам консул Азова — Якопо Корнaro, являвшийся также и послом Венеции в Золотой Орде. С этого времени Азов постоянно находился под контролем Мамаю.

III

Вскоре после азовского погрома Мамай вместе с ханом Абдаллахом возглавил поход на Сарай. Поначалу, казалось, повторяется сценарий с Кильдибеком: хан из законной династии при поддержке знати и войск сумел выбить Мир-Пулада из Сарая, и вскоре от его имени в столице начался чекан монеты. Власть Абдаллаха признали крупные областные правители — Тагай в Мохше и Сегиз-бей в Запьянье. Однако полгода спустя Мюриду удалось разгромить Абдаллаха и, наконец, овладеть Сараем.

Источники не сообщают, что против Абдаллаха и Мамаю был составлен какой-то заговор, что им изменили войска или столичные эмиры, поэтому весьма загадочно выглядит их поражение от Мюрида, еще недавно столь ослабленного борьбой с Кильдибеком. Объяснение, вероятно, кроется в событиях на западной границе Золотой Орды.

Литовские князья, которые еще в правление Узбек-хана начали натиск на ордынские владения, теперь решили воспользоваться смутами в Золотой Орде и нанести ей сокрушительный удар. В 1362 г. в битве на «Синих Водах» (р. Синюха, приток Южного Буга) войска великого князя литовского Ольгерда нанесли поражение трем крымским правителям, сторонникам Мамаю —

Кутлуг-Буге, наместнику Солхата, Хаджи-беку, наместнику Кырк-Ера и Дмитрию, правителю греческого княжества Феодоро (Мангуп), вассального Золотой Орде. По всей видимости, ответные боевые действия против литовцев отвлекли значительные силы Мамай, а оставшиеся войска не сумели противостоять Мюриду, в результате чего Абдаллах и Мамай лишились столицы Золотой Орды.

Потеряв Сарай, Мамай немедленно отправился на запад своих владений, чтобы успеть сохранить то, что можно. В результате ему удалось все же отстоять ордынские владения к востоку от порогов Днепра и узкую полосу Северного Причерноморья протяженностью от Молдавии до Южного Буга. Ликвидировав непосредственную опасность со стороны Литвы, Мамай принялся искать союзников в новой схватке за Сарай.

Первым делом он начал переговоры с русскими княжествами. Мамай прекрасно ориентировался в русских делах, и для него не был секретом конфликт между московскими князьями, в течение 30 лет обладавшими великокняжеским тронem, и суздальским князем Дмитрием Константиновичем, который в 1359 г. прервал эту длительную традицию: воспользовавшись смутой в Орде, он отобрал у москвичей великий стол. Его права на великокняжеский титул были подтверждены ярлыками Науруса и Хызра. Впрочем, Мюрид, отчаянно нуждавшийся в русских деньгах, в 1362 г. был вынужден выдать ярлык на великое княжение 11-летнему Дмитрию Московскому, сыну Ивана Красного (будущему Донскому), при

котором вся полнота власти принадлежала митрополиту Алексию.

С митрополитом-то Мамай и вступил в 1363 г. в переговоры, которые завершились обоюдовыгодным соглашением: Москва признавала своим сюзереном хана Абдаллаха и обязывалась платить ордынский «выход» именно ему, а не сарайским ханам, а Мамай, в свою очередь, соглашался уменьшить размер этого самого «выхода» по сравнению с тем, что взимался при Джанибеке. Результатом соглашения стал совершенно беспрецедентный поступок со стороны бекляри-бека: впервые в истории русско-ордынских отношений не великий князь лично явился в Орду за ярлыком, а ханский посол привез его прямо в Москву! Вероятно, тогда же от имени Абдаллаха был выдан ярлык и русской православной церкви.

Естественно, сарайскому хану Мюриду весьма не понравилось такое развитие событий, и отреагировать он мог только одним образом: в свою очередь, прислал ярлык на великое княжение Дмитрию Суздальскому, сопернику Москвы. Правда, тому ярлык не очень-то помог: москвичи при помощи военной силы заставили Дмитрия Константиновича отступить от великого княжения. А вскоре, зимой 1363/1364 г., умер и сам Мюрид: он не погиб в бою, а был зарезан собственным бекляри-беком Ильясом, сыном покойного Могул-Буги, который, видимо, разочаровался в своем повелителе.

Гибель хана Мюрида, который был, вероятно, талантливым полководцем, развязала руки многим претендентам на трон, которые прежде не рисковали вступить с ним в соперничество. В Гюлистане провозгласил себя

ханом и начал чеканку монеты Азиз-Шейх, наследник Мюрида; не покинул Поволжья и изгнанный Абдаллахом из столицы Мир-Пулад, против которого выступил очередной претендент Пулад(Деулиуллах)-Ходжа. Их соперничество позволило Азиз-Шейху занять в 1365 г. столицу. К 1367 г. ему удалось существенно расширить сферу своей власти: воспользовавшись тем, что Пулад-Гимур, беспокойный эмир Волжской Булгарии, потерпел от русских поражение на Пьяне, Азиз-Шейх обрушился на него, разгромил, взял в плен и казнил. Сарайский хан назначил новым правителем Булгарии своего ставленника Асана (Исана). Укрепив свои позиции в Поволжье, хан немедленно отправил на Русь посла Байрам-Ходжу, через которого потребовал у русских князей признавать власть сарайского хана и платить выкуп ему.

Между тем, Мамай все эти годы не сидел, сложа руки: он укреплял подконтрольные ему области в Северном Причерноморье, Крыму и на Северном Кавказе в военном и экономическом отношении. Временной столицей его хана Абдаллаха стал г. Орда, в котором был налажен выпуск монет, пользовавшихся полным доверием на всех территориях Золотой Орды к западу от Урала. Бекляри-бек сумел поладить и с венецианцами, отношения с которыми обострились после разгрома Азова в 1362 г.: Абдаллах выдал им ярлык, в котором снижал налог с продаж с 5% (как было установлено при Джанибеке в 1347 г.) до 4%.

Заклучив союз с Москвой, Мамай принял на себя обязательства поддерживать и других ее союзников. Так,

в 1365 г. он позволил утвердиться на нижегородском столе Дмитрию Константиновичу Суздальскому, уже помирившемуся с Дмитрием Московским и выдавшему за него замуж свою дочь Евдокию. Поддержка суздальского князя была выгодна, впрочем, и самому Мамаю: за Нижний Новгород с Дмитрием Константиновичем спорил его брат Борис Городецкий, получивший ярлык от Азиз-Шейха, и бекляри-бек не упустил случая лишний раз продемонстрировать, что он более влиятелен, нежели сарайский хан! Таким образом, связи Мамаю с главными княжествами Северо-Восточной Руси крепили, крепло и его положение — политическое и материальное.

При помощи русского и итальянского серебра Мамаю удалось переманить на сторону Абдаллаха несколько эмиров Азиз-Шейха. В результате против сарайского хана был составлен заговор, и в 1367 г. он был зарезан прямо в постели. Официальной причиной его убийства было объявлено установление им «скверных обычаев», за которые его порицал влиятельный представитель мусульманского духовенства Сайид-Ата, и которые хан пообещал отменить, но не сдержал обещания. Однако не подлежит сомнению, что за заговорщиками стоял именно Мамай, поскольку после убийства Азиз-Шейха хан Абдаллах беспрепятственно вступил в Сарай и вновь был провозглашен ханом единой Орды.

IV

Вскоре после занятия столицы, в том же 1367 г., Мамаю и Абдаллаху пришлось вступить в борьбу с еще одним сильным противником — Хаджи-Черкесом, незави-

нимым правителем Хаджи-Тархана, осмеливавшимся даже чеканить собственную монету. Воспользовавшись тем, что хан и его бекляри-бек находятся в Сарая, Хаджи-Черкес вознамерился подорвать основу их могущества: он отыскал в Крыму некоего Тимур-бека, потомка Туги-Тимура, и провозгласил его ханом под именем Улджай-Тимура. Вместе со своим ставленником Хаджи-Черкес двинулся из Крыма на Сарай.

По всей видимости, Мамай, обеспокоенный мятежом в сердце своих владений, в Крыму, поспешил туда, чтобы подавить волнения. Абдаллах, оставшийся без бекляри-бека и его войск, был вынужден уступить столицу Улджай-Тимуру. Однако новый хан недолго продержался на троне: в 1368 г. его выбил оттуда Хасан Шибанид, племянник Мир-Пулада. Надо полагать, ему это удалось из-за того, что Хаджи-Черкеса в столице не было: не исключено, что Мамай, решив отомстить правителю Хаджи-Тархана, напал на его владения, и Хаджи-Черкесу пришлось отправиться на их защиту, бросив своего ставленника на произвол судьбы.

Но и Хасан-хану не пришлось слишком долго наслаждаться властвованием в столице: уже в следующем, 1369 г. он был изгнан оттуда сторонниками Мамаея и, вероятно, погиб. В результате сложилась парадоксальная ситуация: в 1369–1371 гг. на столичном троне не было хана! Очевидно, ни один из претендентов не рисковал занять Сарай, прекрасно понимая, что за такую попытку он вполне может расплатиться собственной жизнью.

Сам Мамай не спешил занимать столицу по очень простой причине: в том же 1369 г. хан Абдаллах, возведенный им на престол, скончался, и бекляри-бек был озабочен поисками нового ставленника из рода Бату, который был бы признан легитимным преемником Абдаллаха. Наконец, его выбор пал на юного Мухаммад-султана, также потомка Узбека. Мамай сильно беспокоила одна проблема: Мухаммаду было всего 8 лет, и бекляри-бек имел серьезные опасения, что эмиры и областные правители не признают власть столь юного хана. Чтобы Сарай не пустовал, Мамай совершил еще один беспрецедентный в истории Золотой Орды поступок: он возвел на престол собственную супругу Тулунбек-ханум, дочь Бердибека, которая правила в Сарае в 773 г. х. (1371/1372 г.). Власть ее признала не только столичная округа, но и Таггай, эмир Мохши, где также стали чеканиться монеты с ее именем.

Власть же юного хана Мухаммада Мамай стал устанавливать постепенно. Сначала бекляри-бек начал чеканку монеты с именем нового хана в своей временной столице Орде, а в 1370 г. решился распространить власть своего ставленника и на более дальние области. По приказу Мамая в 1370 г. дружины суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича выступили в поход на Булгар и заставили местного правителя Асана признать себя вассалом Мухаммад-хана. После этого, на рубеже 1371–1372 гг., Мамай, убедившись, что подконтрольные ему улусы признают власть если не самого хана, то, по крайней мере, властного бекляри-бека, спокойно провозгласил Мухаммада ханом в Сарае.

Возведя на трон нового хана, Мамай решил добиться международного признания своего хана и себя в качестве его первого министра. В частности, в 1371 г. он (впервые за 14 лет после смерти Джанибека!) направил посольство в Египет, ко двору мамлюкского султана ад-Ашрафа Насир ад-Дина Шабана. Ордынское посольство было радушно принято султаном и привезло его дружеский ответ Мамаю. Возможно, именно благодаря этому имя бекляри-бека было запечатлено в трудах средневековых египетских историков — в отличие от многочисленных государственных деятелей и даже ханов Золотой Орды эпохи «Великой замятни», совершенно неизвестных египтянам. Статус Мамаю существенно возрос: помимо должности бекляри-бека он получил еще и титул «титям»: этот титул китайского происхождения в монгольской имперской иерархии жаловали высшим чиновникам.

В это же время Мамаю начало тревожить усиление московских правителей. В свое время московский князь Дмитрий Иванович не признал ярлыков на великое княжение, выданных ханами Мюридом и Азиз-Шейхом Дмитрию Константиновичу Суздальскому, и заставил будущего тестя отказаться от великого стола в свою пользу. Пренебрежение Дмитрия Московского ярлыками ханов-конкурентов, конечно, не оскорбляло бекляри-бека, но кто знает — не поступил бы великий князь так и с ярлыком его собственного хана?

После некоторых колебаний в 1370 г. Мамай от имени Мухаммад-хана выдал ярлык на великое княжение Михаилу Александровичу Тверскому-Микулинскому —

представителю тверского княжеского дома, давнему сопернику Москвы. Но когда Михаил в сопровождении ханского посла Сары-ходжи подъехал к Владимиру, местные жители просто-напросто не впустили его в город, заявив, что их великий князь — Дмитрий Иванович Московский. Михаилу, которого уже поджидали на пути московские засады, пришлось спасаться в Литве у Ольгерда, женатого на его сестре Ульяне. Ханский же посол Сары-ходжа был с почетом встречен Дмитрием Московским и отправлен в Орду с дарами. Излишне говорить, что рассказ посла лишь укрепил Мамаю в его подозрениях относительно Москвы.

В следующем, 1371 г. Михаил Тверской вновь явился в ставку Мамаю с жалобой на действия Дмитрия. Бекляри-бек заставил Михаила вторично «выкупить» великокняжеский ярлык, причем у князя не хватило средств, и ему пришлось оставить в залог собственного сына, княжича Ивана. Однако и на этот раз Москва отказалась признать великим князем тверского князя. Дмитрий Иванович Московский лично явился к Мамаю и не только «перекупил» ярлык на великое княжение, но и выкупил тверского княжича, оплатив долг своего противника. Естественно, имея на руках такого ценного заложника, он без особого труда добился отречения Михаила Александровича от великого княжения. Несмотря на то что Москва своими действиями подтвердила мнение, складывающееся о ней у бекляри-бека, княжеская распря принесла ему немалое количество серебра, и это его на какое-то время заставило забыть о вызывающем поведении московского князя.

Своеобразной проверкой лояльности Москвы стал поход войск Мамаю в пределы Рязанского княжества, границы которого неоднократно беспокоили своими набегами вассалов Мамаю — Сегиз-бея и Тагая. В 1373 г. мамыевы отряды опустошили ряд рязанских областей, а когда вышли к Оке, оказалось, что на противоположном берегу ордынцев ожидают дружины великого князя Дмитрия. Войска Мамаю отступили, не вступая в бой с москвичами, и бекляри-бек убедил себя, что дружины Дмитрия не осмелились бросить вызов его могуществу. Основания для такого вывода у него были: Москва, заключившая союз с Рязанью, который предусматривал совместные действия против внешних врагов, так и не вступилась за союзников, не желая портить отношения с Мамаем.

А вскоре бекляри-беку стало не до московско-тверских споров: уже в 1372 г. в Поволжье появился новый сильный претендент на трон — Мухаммад Урус-хан. В 1368 г. он пришел к власти в Синей Орде после беспрепятственных смен ханов и очень скоро сумел «прижать» независимых и полунезависимых царевичей и эмиров, князев наиболее строптивых. Укрепив свою власть в восточном крыле Джучидской державы, он во главе многочисленных синеордынских войск двинулся в Поволжье и сравнительно легко выбил из столицы хана Мухаммада.

Мамай не стал немедленно предпринимать ответные действия, не без оснований полагая, что и помимо него будет немало недовольных тем, что Сарай захватил выходец из Синей Орды. Так и получилось: когда Урус-хан

в 1373 г. выступил в поход против Хаджи-Черкеса, намереваясь подчинить себе Хаджи-Тархан, с востока на него обрушились войска Шибанида Ильбека, правителя Сарайчука, который и захватил Сарай. Урус-хан был вынужден вернуться в Синюю Орду, где в его отсутствие в это время вновь начались смуты. Мамай немедленно использовал свой шанс и двинулся на Сарай, разгромил Ильбека (который, возможно, был убит) и вновь водворил в столице Мухаммад-хана.

Но это правление Мухаммада оказалось еще более кратковременным: в том же 1374 г. Урус вновь явился в Поволжье и выгнал ставленника Мамаю из Сарая. Сам Мамай не мог помочь своему хану, поскольку в это время, вероятно, находился на западе своих владений, где ему пришлось отражать очередной натиск литовцев, разгромивших подчиненного ему эмира Тимура. Это были последняя попытка Мамаю захватить столицу. Последующие события заставили его отказаться от намерения овладеть Сараем и уделять больше внимания защите остальных своих территорий.

V

Одним из негативных последствий усиления Урус-хана в Поволжье стал разрыв отношений («розмирье») Мамаю с русскими князьями. В 1374 г. нижегородский князь схватил и бросил в темницу послов Мамаю во главе с Сарай-акон, который годом позже был убит в Нижнем Новгороде при невыясненных обстоятельствах. В том же 1374 г. Дмитрий Московский отказался признавать власть Мухаммад-хана, и, соответственно, прекри-

тился погон русского серебра в казну Мамаю. По-видимому, к столь решительному разрыву отношений с Мамасм русских подтолкнули известия о его поражении от Урус-хана, а возможно, и посольства Уруса на Русь с требованием признать его власть.

Мамаю не оставалось ничего другого, как предпринять в 1375 г. карательный рейд на подвластные Дмитрию Суздальскому Киш и Запьянье. Кроме того, им был разорен союзный Москве город Новосиль, что явилось грозным предупреждением московскому князю, чтобы тот одумался и понял, в чьих руках реальная сила и власть над Золотой Ордой.

Отказ от попыток овладеть Сараем заставил Мамаю больше сосредоточиться на укреплении своих основных владений, в частности Крыма, где располагалась его собственная ставка. Анализ ситуации на полуострове вынудил у него весьма серьезные опасения. Еще в 1365 г. генуэзцы Кафы отвоевали у княжества Феодоро крепость Солдайю (Судак). Этот город фактически находился под властью венецианцев, с которыми у Мамаю в то время были напряженные отношения, поэтому он довольно легко согласился с переходом Солдаи под власть Генуи. Однако вскоре выяснилось, что генуэзцы намерены и дальше расширять свои владения: они учредили в Солдаи должность консула и начали планомерное подчинение Судакской долины, а в самом городе возвели неприступную крепость.

К 1375 г. Мамай вдруг с тревогой обнаружил, что за десять лет генуэзские владения подобралась едва ли не вплотную к его ставке в Солхате! Это заставило его

пересмотреть отношение к генуэзцам. Первым делом он конфисковал у них 18 селений Судакской долины, тем самым существенно отодвинув владения Генуи от Солхата, а затем снова предпринял беспрецедентный для ордынских правителей шаг — приказал возвести крепостные стены вокруг Солхата: до этого все ордынские города не имели стен.

В том же 1375 г. Мамай ожидала еще одна удача: умер (или был убит) давний недруг Хаджи-Черкес, и к власти в Хаджи-Тархане пришел эмир Салчи, который был сыном эмира Амата б. Исы-гургена и дочери хана Джанибека. Таким образом, он приходился близким родичем ханам из дома Бату и, следовательно, был лоялен «Мамаеву» хану из этой династии. Вполне естественно, что новый астраханский правитель предпочел признать своим повелителем не чужака из Сарая, а «своего» Мухаммад-хана.

Затем последовал ряд неудач. В 1375 г. Мамай в очередной раз выдал ярлык на великое княжение тверскому князю Михаилу. Но на этот раз Москва действовала еще решительнее, чем в прежние годы: собрав под своим командованием дружины почти всех князей Северо-Восточной Руси, Дмитрий Иванович осадил Тверь и после длительной осады добился от Михаила Александровича окончательно отказа от претензий на великий стол. Таким образом, попытка Мамай вернуть власть над Русью путем выдачи великокняжеского ярлыка менее строптивому князю потерпела крах.

Следующей неудачей Мамай стала утрата поволжских владений. Отказ от попыток вновь подчинить себе Сарай повлек для бекляри-бека весьма негативные последствия. Несмотря на то что Урус-хан в том же богатом событиях 1375 г. вновь был вынужден вернуться в Синнюю Орду, столица осталась в руках правителей, прикреденных Мамаю и Мухаммад-хану. Таким образом, между Мамаем и подчиненными ему эмирами в Среднем Поволжье (Тагаем, Секиз-беем и др.) оказался вбит клин, и ни бекляри-бек не мог оказать оперативную поддержку этим правителям, ни они направить ему войска, поскольку могли в любой момент ожидать рейда из Сарая.

Вскоре так и получилось: Каганбек б. Ильбек Шибанид, занявший место Уруса, сразу же приказал русским князьям (по-прежнему предпочитавшим подчиняться сарайским ханам, а не ставленнику Мамай), вернуть Волжскую Булгарию под власть Сарая. Дружины Дмитрия Московского и Дмитрия Суздальского выступили в поход на Булгар и заставили эмира Асана вновь помещать сюзерена: в городе появились даруга и таможенник хана Каганбека.

Впрочем, к немалому удовлетворению Мамай, вскоре отношения между Каганбеком и русскими князьями разладились: до сарайского хана дошли сведения, что русские, выполняя его приказ, сильно пограбили город и заставили Асана выплатить им немалую контрибуцию. Возмущенный поведением вассалов, Каганбек решил наказать их и в 1377 г. послал на Русь войска под

командованием своего двоюродного брата Арабшаха. Русские, видимо, решившие, что новый хан погрязнет в войне с Мамаем или Синей Ордой, решились оказать ему сопротивление и укрепились на р. Пьяне, с которой у них были связаны положительные воспоминания: именно здесь десять лет назад, в 1367 г., нижегородские дружины славно поколотили болгарского правителя Пулад-Тимура.

Однако пока Арабшах готовил свой поход на Русь, Мамай, горевший желанием отомстить русским за потерю Булгара, действовал более оперативно. Узнав, что московские дружины, не дождавшись Арабшаха, покинули своих нижегородских союзников, войска Мамаю, проводниками которых выступили союзные ему мордовские князьки, скрытно подошли к русскому лагерю и внезапно обрушились на него. В результате полетела большая часть нижегородского войска во главе с княжичем Иваном, сыном Дмитрия Константиновича. После победы на Пьяне отряды Мамаю обрушились на оставшийся без защиты Нижний Новгород, с налета взяли его, разграбили и сожгли.

Годом позже, в 1378 г., Мамай попытался повторить этот успех и отправил на Русь более крупные силы под командованием эмира Бегича. Поход, вероятно, затевался против князя Олега Ивановича Рязанского, которой не переставал тревожить набегами границы владений Мамая и подвластных ему эмиров и даже захватил кое-какие территории, прежде принадлежавшие Орде. Однако когда ордынские силы, практически не встретив сопротивления, дошли до р. Вожи на границе рязанских и московских владений, оказалось, что там их поджидают

московские войска, которые на этот раз совершенно не собирались ограничиться позицией наблюдателей. Пользуясь своим «розмирьем» с Мамаем, Дмитрий Московский понамерился, наконец, оказать поддержку своим рязанским союзникам, и в результате на Воже произошла битва, в которой войска Мамаия потерпели сокрушительное поражение от московских дружин. Разгром на Воже стал заключительным аккордом столь тяжелого для Мамаия периода 1375–1378 гг. Даже состоявшийся в том же 1378 г. успешный карательный рейд на Рязанское княжество, в ходе которого были захвачены богатая добыча и множество пленных, не смог в полной мере перекрестить столь масштабное поражение.

VI

Неудачи нескольких последних лет существенно подорвали и авторитет Мамаия, и его финансовое положение. Дело в том, что бекляри-беку неоднократно приходилось идти на уступки тем, от кого поступали доходы в ордынскую казну, и снижать размер налогов, чтобы получать их более-менее регулярно. Началось все с вышеупомянутого «докончания» с Москвой 1363 г., когда в обмен на признание власти хана Абдаллаха был значительно снижен «выход» с русских земель. В 1369 г. в результате переговоров с венецианцами Мамай был вынужден снизить торговый налог с 4 до 3%, восстановив, таким образом, ставку налога, существовавшую во времена Узбека и Джанибека (до войны с итальянскими колониями в 1344–1346 гг.). Вероятно, и это было сделано

для того, чтобы венецианцы тоже признавали власть Мамай и его ставленника, а не сарайских ханов.

Мамай пытался поправить финансовое положение различными способами. Не желая, чтобы Генуя и Венеция сосредоточили в своих руках всю торговлю Запада с Золотой Ордой, он постарался найти другие торговые пути и отчасти преуспел в этом. Еще в 1372 г. от имени хана Мухаммада бекляри-бек выдал ярлык Кракову, предоставив льготы в торговле с Ордой. В 1379 г. аналогичный ярлык получило и купечество Львова — старинного конкурента Кракова: тем самым Мамай не позволил краковским торговцам стать очередным европейским монополистом в торговле с Ордой.

Однако все эти меры не могли заменить постоянный источник дохода, который представляли собой русские княжества. Источник, который несколько лет назад практически иссяк, поскольку небольшие и нерегулярные выплаты из Твери и Рязани не могли заменить «выход» всей Северо-Западной Руси, во главе которой стоял Дмитрий Московский, по-прежнему находившийся в состоянии «розмирья» с бекляри-беком. В результате нехватки серебра для чеканки монеты Мамай выпустил некоторое количество золотой монеты, которой еще в 1380 г. рассчитывался с генуэзцами Кафы.

Надежда на восстановление вассалитета русских земель забрезжила перед Мамаем в 1379 г., когда через его владения проследовал в Константинополь на утверждение митрополит Михаил (Митяй), ставленник великого князя Дмитрия Ивановича. Мамай поначалу задержал митрополита, но потом счел, что лучше продемонстри-

ровать Москве готовность к переговорам, и выдал ему от имени своего хана ярлык, подтверждавший привилегии русской церкви, закрепленные еще в ярлыке хана Бердибека в 1358 г.

Впрочем, «жест доброй воли», проявленный Мамаем, в итоге оказался бесполезным: уже приближаясь к Константинополю, митрополит Михаил скончался при весьма таинственных обстоятельствах (по некоторым сведениям, он был отравлен или даже собственноручно задушен Пименом, другим претендентом на митрополичий престол). Не теряя надежды все же разрешить конфликт с Москвой миром, Мамай отправил в Русь послание, в котором настаивал на признании зависимости от Орды и выплате «выхода» — теперь уже не по «прежнему dokonчанию» 1363 г., а в том размере, в каком он выплачивался в эпоху Джанибек-хана. Требование было оставлено без ответа, и Мамаю не оставалось ничего другого, как готовиться к карательному походу на Русь.

Обстановка в самой Золотой Орде, казалось, благоприятствовала этому намерению: владения Мамаю на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье и в Крыму не подвергались опасности нападений со стороны внешних врагов, поскольку у каждого из них были свои проблемы. Так, сарайский хан Арабшах был должен противостоять новому хану Синей Орды Токтамышу, который уже двигался на Волгу. Западный противник, литовский великий князь Ягайло, сын Ольгерда, неожиданно превратился в потенциального союзника: он вел борьбу за власть со своим дядей Кейстутом и потому

отчаянно нуждался в мире с Мамаем, чтобы обезопасить собственные границы от его набегов. Не представлял проблемы и Олег Рязанский, сильно поутихший после набега Мамаю в 1378 г. Он даже соглашался в случае похода ордынских войск на Москву пропустить их через свои земли и дать проводников, которые могли бы показать наиболее удобные пути и переправы.

Кажущееся спокойствие на границах убедило Мамаю, что ему удастся без проблем собрать большое войско и совершить самый опустошительный поход на Русь со времен великого Бату. Это и стало его роковой ошибкой. Задуманный бекляри-беком поход оказался слишком масштабным мероприятием, и он, во-первых, не успел собрать вовремя все свои войска, а во-вторых, позволил московскому князю узнать о своих планах и подготовиться к отпору.

В результате, пока войска Мамаю только-только стягивались к ставке бекляри-бека на Дону, объединенные силы русских княжеств (за исключением, разве что, Твери и Рязани, отношения с которыми Дмитрий Московский окончательно испортил своим вероломством) уже вступили в ордынские владения и навязали Мамаю битву в крайне невыгодных ему условиях. Согласно распространенной версии, битва состоялась 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле, на берегу р. Непрядвы.

Узнав о подходе русских буквально за несколько дней до сражения, бекляри-бек проделал поистине титаническую работу: ему удалось на последние имеющиеся средства (а возможно, и в долг) нанять войска армянских и северокавказских князей, генуэзских наемников и дру-

гих степных авантюристов и выставить против русских армию, вряд ли меньшую по численности.

Однако, в отличие от собственных войск Мамаю, которые так и не успели к битве (равно как и союзник, литовский князь Ягайло), наспех собранные наемники представляли собой многочисленную, но совершенно неорганизованную разноязычную массу людей, которых бекляри-бек так и не успел превратить в полноценную армию. Не удивительно, что войска Дмитрия Московского (который стал после этой битвы «Донским»), действовавшие под единым командованием и по ранее разработанному плану, сумели одержать полную победу.

Мамай едва ли не впервые за свою карьеру бы вынужден не просто отступить, а прямо-таки бежать с поля боя. Его наспех собранные войска частью погибли, частью разбежались. А что было хуже всего — погиб и возведенный им на трон хан Мухаммад, которого бекляри-бек из-за неожиданности нападения не успел отправить в безопасное место. Эта гибель молодого и бесполезного, в общем-то, монарха-марионетки предопределила окончательный крах могущественного бекляри-бека.

VII

Несомненно, в характере Мамаю присутствовали такие черты, как негибкость перед трудностями и упорство в достижении целей. Поэтому даже разгром на Дону не заставил его покорно склонить голову и тихо исчезнуть с политической арены. Напротив, он с еще большей энергией стал готовиться к походу на Русь, который

теперь должен был стать еще и реваншем за Куликово поле.

Казалось, Мамаю вновь начала сопутствовать удача: ему не изменили эмиры, подошли созванные войска — на этот раз настоящие ордынские тумены, а не разношерстные наемные отряды! Теперь оставалось только нанести удар по русским землям, обороноспособность которых была сильно ослаблена после потерь в Куликовской битве. Однако тут снова сработал «внешний фактор»: сарайский хан Арабшах не оказал Токтамышу упорного сопротивления, на что втайне надеялся Мамай, и Токтамыш, без особого труда захватив Сарай, уже полным ходом двигался к владениям бекляри-бека. Вместо похода на Русь Мамай был вынужден выступить против пришельца из Синей Орды.

В октябре или ноябре 1380 г. бекляри-бек встретил приближающегося противника на восточной границе своих владений и приготовился к битве с ним. По странному совпадению, войска сошлись на берегу р. Калки — той самой, где в мае 1223 г. состоялся первый бой русских с монголами. Обстоятельства были в пользу Мамаю: он встречал войска Токтамыша, уставшие от перехода, лучше ориентировался в этой местности, наконец, и силы у него, вероятно, были крупнее, чем у синеордынского хана, понесшего потери при подчинении Верхнего и Среднего Поволжья.

У Мамаю не было только одного — хана, за которого должны были сражаться его войска: за пару месяцев, что прошли после гибели Мухаммад-хана, бекляри-бек не успел возвести на трон нового ставленника. И теперь

Мамаю противостоял чужак, выходец с востока, но — Чингизид, природный монарх! Выступив против него без собственного хана, бекляри-бек фактически бросал вызов законному властителю, и это в полной мере осознали эмиры и воины Мамаю. Поэтому, когда Токтамыш начал атаку, практически все войско бекляри-бека сошло с коней и принесло присягу потомку Туга-Тимура, ставшему теперь первым за последнее двадцатилетие монархом всей Золотой Орды.

К чести Мамаю надо сказать, что он даже не подумал оказывать сопротивление и губить верных ему людей, хотя, надо полагать, среди его многочисленных войск могло оказаться немало тех, кто был верен именно ему и готов был сражаться до последнего. Вместо этого с несколькими наиболее близкими эмирами и телохранителями бекляри-бек оставил поле боя и помчался в Крым. Слишком понадеявшись, впрочем, на преданность своих конюхов, он не успел позаботиться о собственном гареме и находившихся при нем женщинах из рода Бату: все они попали в руки Токтамыша.

В погоню за Мамаем тотчас были отправлены воины Токтамыша, и поэтому бекляри-бек (уже бывший!) не рискнул остановиться, пока не достиг Кафы. Здешние генуэзцы, хотя и считались подданными ордынского хана, все же обладали статусом иностранцев, и Мамай надеялся, что сумеет на какое-то время найти безопасность в городе, в котором Токтамыш не рискнет вести себя как завоеватель. Однако «отцы города» отказали Мамаю в убежище: они опасались, что на них может пасть гнев нового хана. Впрочем, и умертвить Мамаю,

несмотря на прежние конфликты, кафинцы не рискнули: кто знает, как хан отнесется к влиятельному сановнику — возможно, казнит, а возможно, окажет милость, простит и приблизит к себе. Поэтому кафинцы приняли единственное разумное решение: не впустили Мамаю в город.

Мамаю пришлось, скрываясь от разъездов Токтамыша, добираться в Солхат, где еще недавно располагалась его ставка верховного главнокомандующего Золотой Орды. Возможно, он планировал отправиться оттуда в свои владения на западе, где мог возвести на трон нового легитимного хана, с помощью которого переманил бы на свою сторону без боя значительную часть армии Токтамыша — точно так же, как сам Токтамыш нынче поступил с ним. Однако планам Мамаю не суждено было сбыться: в самом конце 1380 или начале 1381 г. он был настигнут сторонниками Токтамыша под Солхатом или в самом городе и умерщвлен. Впрочем, новый хан с уважением отнесся к памяти своего знаменитого противника и приказал похоронить его с почестями.

...В 1994–1995 гг. под городом Старый Крым археологи обнаружили курган, содержащий захоронение второй половины XIV в., принадлежащее видному сановнику Золотой Орды или же племенному вождю. Находившийся в гробнице скелет принадлежал мужчине невысокого роста (ок. 1,5 м) в возрасте около 50 лет. Исследователи не без оснований предположили, что это и есть могила Мамаю. Степной курган, почетные похороны и память местного населения в течение последующих веков — вот и все, чего удостоился после смерти

выдающийся деятель, в течение 20 лет управлявший большей частью Золотой Орды!

А дальше в дело вступили историки и публицисты, создавшие «своего» Мамай, образ которого никак не соотносился с реальным политическим деятелем. Впрочем, этот образ «антигероя в истории», равно как и причины его появления, — предмет совершенно другого исследования.

Очерк девятый
ПУЛАД, ИЛИ ЗАГАДОЧНЫЙ ХАН
СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
(хан, 1362–1364/1365)

После смерти Джанибека, последнего из могущественных ханов Золотой Орды, в государстве началась эпоха смуты, известная в русских летописях под названием «Замятни великой» (1357–1381 гг.). За этот период на ордынском троне побывало, по разным данным, от двадцати до пятидесяти ханов, многие из которых известны лишь по именам, встречающимся либо только на монетах, либо в единичных летописных упоминаниях.

Одному из таких «кратковременных» ханов смутного времени и посвящен настоящий очерк. В отличие от всех предыдущих правителей и ханов Золотой Орды, это не был выдающийся правитель, оставивший заметный след в золотоордынской истории. Более того, в историографии нет единого мнения относительно его происхождения, времени правления и даже имени. Тем не менее, мы сочли целесообразным представить его краткое жизнеописание как наиболее характерного претендента на трон в период истории Золотой Орды, о котором так немного известно.

I

В период между 1361 и 1367 гг. в Золотой Орде действовали сразу три или даже четыре правителя, носивших имя Пулад.

В 764 г. х. (1362/1363 г.) в Сарае чеканились монеты хана, имя которого обычно читается как Хайр-Пулад или Мир-Пулад. Хронологически их принято помещать после монет хана Кильдибека. По некоторым сведениям, имеются и более ранние его монеты, чеканенные в столице и относившиеся к 762 г. х. (1360/1361 г.).

В 766 г. х. (1364/1365 г.) в городе Гюлистан чеканил монету хан Пулад-Ходжа, которого вскоре сменил Азиз-Шейх.

В 768 г. х. (1366/1367 г.) в том же Гюлистане появляются монеты хана Пулад-Тимура, который сменил упомянутого Азиз-Шейха.

Наконец, имеются монеты и даже летописные сообщения об эмире Пулад-Тимуре, который в течение 1361–1367 гг. правил Волжской Булгарией, не подчиняясь никакому хану, и чеканил монету от собственного имени, проставляя на ней также имя хана Джанибека — последнего, которого он считал законным ханом и которому некогда подчинялся.

Все эти имена, как видим, содержат элемент «Пулад», и исследователями неоднократно высказывались гипотезы о том, что их обладатели или, по крайней мере, некоторые из них могли быть одним и тем же лицом. Насколько же обоснованны такие предположения?

Фактически сразу отмечается тождественность с остальными «Пуладами» болгарского правителя Пулад-Тимура («Булак-Темеря» русских летописей). На всех монетах и в летописных источниках он именуется не ханом или «царем», а «князем», поскольку был эмиром, представителем аристократического, но не ханского рода. На монетах этот Пулад-Тимур фигурирует как «сын Нугана» или «сын Токле(Тевеккель)-бия». Таким образом, этот «Пулад» не может быть нашим героем.

Ряд исследователей склоняется в пользу отождествления ханов Хайр(Мир)-Пулада и Пулад-Ходжи. Но, в таком случае, почему он в своих монетах, чеканенных с разницей в один-два года, указывал разное имя? Кроме того, некоторые исследователи полагают, что его имя на монетах 766 г. х. следует читать не «Пулад-Ходжа», а «Деулиулла(х)-Ходжа», что также заставляет отказаться от отождествления этих двух деятелей. Муин ад-Дин Натанзи называет хана, сменившего на троне Азиз-Шейха и убитого в 768 г. х. (1364 г.) Хаджи-ханом, сыном Эрзена. Можно усомниться в этой генеалогии (как и в хронологии, поскольку Азиз-Шейх был убит в 1367 г.), но весьма вероятно, что упомянутый хан и в самом деле происходил из Синей Орды и являлся, скорее всего, потомком Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи.

Больше всего оснований для отождествления ханов Хайр-Пулада и Пулад-Тимура, чеканившего монету в Гюлистане в 768 г. х. Поскольку второй вариант прочтения имени Хайр-Пулада — «Мир-Пулад», есть вероятность, что «Мир» — это часть имени «Темир», т. е. полное имя хана могло звучать как «Темир-Пулад». Кро-

ме того, помимо нумизматического материала, сохранился еще и один важный официальный документ с именем Пулад-Тимура — ярлык хана Токтамыша 784 г. х. (1381 г.), в котором присутствует следующая строка: «А как прежде жалованным тарханым ярлыком Тимур-Пулада повелевалось...» Т. е. Токтамыш сослался на волю своего предшественника, которого он считал легитимным ханом. Однако и в данном случае есть повод отказаться от отождествления: согласно новейшим исследованиям, имя этого хана на монетах 768 г. значит как Улджай-Тимур. Исследователи отождествляют его с Тимур-беком — потомком Туга-Тимура и наследственным владельцем улуса Туга-Тимуридов в Крыму. Его прямым родоначальником был Кин-Тимур, сын Туга-Тимура, переселившийся туда с востока по приказанию Менгу-Тимура, первого хана Золотой Орды.

Таким образом, герой нашего очерка — первый из перечисленных правителей, а именно Хайр-Пулад или Мир-Пулад, с именем которого мы связываем не только чеканенные им монеты, но и упомянутый ярлык, на который ссылался хан Токтамыш. Его жизнь и деятельность в эпоху «Великой замятии» представляются следующим образом.

II

Мир-Пулад происходил из рода Шибана, пятого сына Джучи. Он был сыном Бадакула, внука Шибана, либо Менгу-Тимура б. Бадакула. Мать Пулада была дочерью Джанди-бека, который был потомком Исмаила Самани — основателя первого бухарского государства

еще в X в. Поэтому, несмотря на то что Пулад был всего лишь третьим по возрасту сыном своего отца, он, вероятно, считался старшим по происхождению и поэтому после смерти отца возглавил улус Шибанидов в Приарале.

«Великая замятня», начавшаяся в Золотой Орде в 1358–1359 гг., привела к тому, что все правила и преимущества в наследовании ханского трона, действовавшие ранее, оказались забыты. В результате уже в 1360–1361 гг. на трон в Сарая вступали представители младших ветвей рода Джучидов, которые не могли иметь никаких прав по сравнению с потомками Бату — представители семейств Тангута, Шибана и Туга-Тимура.

Первым Шибанидом на золотоордынском троне оказался Махмуд Хызр — представитель младшей ветви потомков Шибана и четвероюродный брат Пулада. Скорее всего, на тот момент он являлся старшим из Шибанидов по возрасту (возможно, главой рода), что и позволило ему в 1359/1360 г. предъявить претензии на трон. А после его смерти за трон стали бороться другие «младшие» Шибаниды — Тимур-Ходжа, Мюрид и Азиз-Шейх.

Пулад, какое-то время игнорировавший борьбу за Сарай, довольствуясь реальной властью в собственном улусе, тем не менее, пристально наблюдал за событиями в Поволжье, где его родичи сражались за столичный трон не только с потомками других сыновей Джучи, но и между собой. Это подвигло Пулада к участию в борьбе за верховную власть.

Воспользовавшись тем, что Мюрид, брат Хызра, летом 1362 г. вступил в борьбу с Кильдибеком, самозва-

ним потомком Бату, и понес в бою с ним большие потери (хотя и сумел разгромить противника), Пулад во главе своих войск поспешил в Сарай и успел занять столицу раньше, чем Мюрид. Брат Хызра не рискнул вступить в конфликт с родичем: вероятно, его потери и в самом деле были велики. К тому же, с запада к владениям Мюрида приближался еще один опасный враг — темник Мамай, провозгласивший своим ханом Абдаллаха, потомка Узбек-хана.

Воспользовавшись борьбой Мюрида с Мамаем, Пулад попытался лишить Мамаю его основной базы, Крымского полуострова, и привлечь на свою сторону местных эмиров. Именно с этой целью он пожаловал ярлык эмиру Хаджи-беку, даруге Кырк-Ера, которым эмир и его племя шуракуль, проживавшее в районе Сюткёля (современный лиман Молочный в Запорожье), освобождались от значительной части налогов и повинностей.

Возможно, понимая опасность, исходящую от Пулада, Мамай, вместо того чтобы добить ослабленного Мюрида, предпочел совершить поход на Сарай. Войска Мамаю и союзных ему эмиров из Крыма и Северного Причерноморья обрушились на столицу и выбили оттуда Пулада, силы которого, вероятно, были не столь уж многочисленны — ведь часть войск он должен был оставить в Улусе Шибана, чтобы родовые владения в его отсутствие не стали добычей враждебных царевичей и эмиров. Так завершилось правление Пулада в Сарае, длившееся 2–3 месяца. Однако он какое-то время еще питал надежды на возвращение столицы, продолжая чеканить монету с указанием монетного двора Сарая.

Тем временем, Мюриду наконец-то удалось выбить Мамаю и Абдаллаха из столицы и закрепиться в Поволжье. Новый хан не только сумел подчинить себе окрестные области, но и сохранил подчинение русских княжеств Орде, выдав ярлык на великое княжение юному московскому князю Дмитрию Ивановичу. На русское серебро, полученное в качестве «выхода», Мюриду удалось привлечь на свою сторону новых эмиров и войски и в течение года противостоять враждебным группировкам. Однако в 1363 г. Мюрид погиб в результате заговора эмиров, во главе которых стоял его собственный бекляр-бек Ильяс. Воспользовавшись смутой, начавшейся после гибели хана, Пулад вновь вознамерился захватить столицу, но тут права на трон предъявили Азиз-Шейх, наследник Мюрида, и Пулад (Деулиулах)-Ходжа из потомков Туга-Тимура, которому-то и удалось захватить трон, вытеснив Пулада из Поволжья — на этот раз окончательно.

Пулад покинул центральные области Золотой Орды, причем не только из-за нежелания или невозможности противостоять конкурентам: на Волге свирепствовала чума, и Пуладу совершенно не хотелось стать ее жертвой в борьбе за ханскую власть, которая день ото дня становилась все более призрачной.

Таким образом, в 1363 г. Пулад вышел из политической борьбы за ханский трон и, вероятно, вернулся в свой улус. О его дальнейшей судьбе нам неизвестно, по-видимому, он скончался в конце 1360-х гг., поскольку в 1368 г. за сарайский трон сражался уже его племянник Хасан б. Беккунды, а в начале 1370-х гг. улус Шибана

с центром в г. Сарайчук на Урале возглавлял Ильбек, родной брат Пулада.

В пользу того, что Хайр-Пулад был именно потомком Шибана и сыном Бадакула (Менгу-Тимура?), говорит еще один факт: ханом Золотой Орды был и сын Пулада — герой нашего следующего очерка Арабшах.

Очерк десятый
АРАБШАХ, ИЛИ БИЧ РУССКИХ
ОКРАИН
(хан, 1377–1380)

Арабшах, как и его отец Пулад, был одним из ханов смутного времени. Однако, в отличие от родителя, ему удавалось удерживать трон в течение нескольких лет. Арабшах проявил себя неплохим полководцем, а затем и мудрым политиком, став одним из немногих золотоордынских монархов, которые не лишились жизни после утраты трона. Вероятно, этим своим качествам он обязан тем, что его имя сохранилось не только на монетах (как имя его отца и еще десятков ордынских правителей), но и в ряде исторических сочинений — русских, арабских и тюркских.

I

У Пулада, главы Улуса Шибана (Хайр-Пулад-хана) было двое сыновей — Ибрахим (Аба-оглан) и Арабшах. И если Ибрахим всю жизнь оставался удельным правителем в Восточном Деште, то Арабшах оказался куда более деятелен и сумел проявить себя не только в своем приаральском улусе.

После того как Хызр б. Мангутай, потомок Шибана из младшей ветви, в 1360 г. провозгласил себя ханом Зо-

лотой Орды, Сарай постоянно привлекал представителей рода Шибанидов — в первую очередь тех, кто не мог рассчитывать на обширные владения в своем родовом уюсе. Именно поэтому вслед за Хызром на троне в Сарайе побывали его сын Тимур-Ходжа и брат Мюрид, а также представитель еще одной младшей ветви рода — Азиз-Шейх.

Однако уже в 764 г. х. (1362 г.) в борьбу за сарайский трон включился Пулад, отец Арабшаха, но, как было описано выше, уже через год был вынужден отказаться от этой борьбы. Некоторое время спустя Пулад скончался, и его личные владения разделили между собой два его сына, а власть над Улусом Шибана унаследовал следующий по старшинству брат, Ильбек — также сын Бадакула (или Менгу-Тимура б. Бадакула) от супруги из рода Исмаила Самани. В 1368 г. на сарайский трон предъявил претензии племянник Пулада — Хасан б. Беккунды, который годом позже, в свою очередь, был свергнут сторонниками эмира Мамайя и его ставленника, хана Мухаммада.

Некоторое время Шибаниды не участвовали в борьбе за Сарай — надо полагать, это было связано с возрастанием опасности с востока, из Синей Орды. Здесь в 1368 г., после семи лет междоусобной борьбы за трон различных претендентов из рода Туга-Тимура, к власти пришел могущественный Мухаммад Урус-хан, которому удалось сплотить синеордынскую знать. Ильбек и его родичи стали готовиться к противостоянию с новым грозным противником, и борьба за Сарай, дающий лишь номинальное верховенство над Золотой Ордой, отошла для них на второй план.

Однако в 774 г. х. (1372/1373 г.) Урус внезапно совершил нападение на Сарай и, выгнав оттуда Мухаммада, ставленника Мамаю, предпринял попытку объединить под своей властью Синюю и Белую Орды. Однако новый хан не имел возможности использовать для удержания Сарая и подчинения Поволжья все свои многочисленные войска: часть его сил под командованием его старшего сына Кутлуг-Буги оставалась на востоке для поддержания порядка в недавно подчиненной им Синей Орде и для противостояния внешним врагам — Шибанидам и Чагатаеву улусу. Поэтому, когда Урус-хан возмерился присоединить к своим владениям Хаджи-Тархан и выступил в поход против местного правителя Хаджи-Черкеса, ему пришлось взять с собой практически все приведенные на Волгу войска, оставив в Сарая лишь незначительный гарнизон.

Этим не мог не воспользоваться Ильбек: он ворвался в практически беззащитный Сарай и провозгласил себя ханом Золотой Орды — как это сделали несколькими годами ранее его брат Пулад и племянник Хасан. Это произошло в 775 г. х. (1373/1374 г.), и именно к этому году относится первое свидетельство источников об Арабшахе: под этим годом он чеканил свою монету в Сарайчуке. Вероятно, дядя Ильбек, захватив трон Золотой Орды, оставил во главе Улуса Шибана вместо себя сына своего старшего брата (неизвестно, был ли жив в это время Ибрахим, старший брат самого Арабшаха).

Однако правление хана Ильбека оказалось весьма недолгим: в 1374 г. войска Мамаю напали на Сарай и изгнали его оттуда. Вполне возможно, что во время сражения Ильбек погиб, поскольку после этого его имя

не встречается ни в письменных источниках, ни на монетах.

Впрочем, и торжество Мамаю было недолгим: в том же году, когда он со своими войсками отправился на защиту западных границ своих владений от литовских набегов, Урус-хан вторично захватил Сарай, окончательно изгнав оттуда «мамаева» хана Мухаммада. На этот раз пришелец с востока, кажется, решил обосноваться в столице надолго: он не только подчинил себе центральные области, но и решил восстановить власть над русскими вассалами. По его указанию главные князья Северо-Восточной Руси — Дмитрий Московский и Дмитрий Нижегородский — разорвали отношения с Мамаем и подчинились власти сарайского хана.

II

Второе правление Урус-хана в Сарае продлилось около года. Осенью 1375 г. он покинул столицу — то ли под натиском соперников, то ли из-за тревожных новостей из собственной Синей Орды. Вероятно, не случайно уже год спустя началось его открытое противостояние со своим четвероюродным братом Токтамышем — очередным претендентом на трон Синей Орды.

Сарай стал легкой добычей, и Каганбек б. Ильбек, двоюродный брат Арабшаха, решил: в самом конце 1375 г. он захватил столицу и, вслед за Урус-ханом, начал приводить к подчинению окрестные области. Большую поддержку ему в этом отношении оказали русские вассалы.

Разорвав отношения с Мамаем и его ханом, Москва и Нижний Новгород просто-напросто были вынуждены ориентироваться на сарайского хана, потому что он оставался их единственным сильным союзником в случае войны с Мамаем. Несомненно, пока в Сарае сидел другой хан, Мамай не мог организовать полномасштабного наступления на Русь, опасаясь, что сарайский властитель нанесет в это время удар по его владениям. И русские князья вполне разумно решили поддержать менее сильного хана-Шибанида, от которого можно было добиться определенных уступок, чем могущественного Мамаю, на благодушие которого им теперь рассчитывать не приходилось. Поэтому, когда Каганбек в 1376 г. повелел Дмитрию Нижегородскому и Дмитрию Московскому принять участие в походе (а фактически — совершить поход) на Волжскую Булгарию, чтобы вернуть этот важный и богатый регион под власть Сарая, они безропотно собрали и отправили войска на Булгар.

Местный правитель Асан, уже однажды вынужденный капитулировать перед нижегородскими войсками (и тот раз действовавшими по приказу Мамаю), и на этот раз не дерзнул оказать сопротивления — тем более что русских было больше, действовали они по приказу более «близкого» хана, и их сопровождал ханский посол. После незначительного сопротивления (погибло около 70 болгарских воинов) Булгар в очередной раз сдался на милость победителей, в городе разместились даруги и таможенник хана Каганбека, а торжествующие русские потребовали у Асана еще и контрибуцию в размере 5 000 рублей: 2 000 московскому и нижегородскому князьям и 3 000 их воинству.

Последнее оказалось явно лишним: Каганбек, узнав, что русские данники сами осмелились взять дань с его же, хана, владений, рассвирепел и решил немедленно наказать дерзких вассалов. Однако для этого у него не было войск в достаточном количестве (на что, вероятно, и рассчитывали русские, облагая Булгар данью), поэтому ему пришлось обратиться за помощью к двоюродному брату Арабшаху, правителю Улуса Шибана.

Арабшах с готовностью отозвался на призыв сарайского хана: несомненно, ему было хорошо известно о богатстве русских земель, и он не желал упустить возможность поживиться за их счет. Поскольку восточные границы Улуса Шибана в это время были в относительной безопасности (Урус-хан уже более года воевал с Токтамышем и его покровителем Амиром Тимуром, повелителем Чагатаева улуса), Арабшах явился с многочисленными войсками и приготовился наказать русских подданных своего двоюродного брата.

Перед лицом неотвратимого нашествия московские и нижегородские войска объединились и стали лагерем на р. Пьяне, где, по их сведениям, должен был вторгнуться на Русь их противник. Однако Арабшах по какой-то причине замешкался: то ли доукомплектовывал войска, то ли не нашел хороших проводников и заблудился в незнакомой местности. Как бы то ни было, вскоре до русских воинов дошли слухи, что Арабшах находится где-то на Волчьей Воде или даже вообще вернулся обратно в Сарай, и они расслабились. Московские дружины, так и не дождавшись противника, вообще решили вернуться домой, а нижегородцы, согласно летописной версии, начали гулянье и вскоре перепились допьяна.

Этим-то и решил воспользоваться Мамай, все еще не имевший случая достойно отомстить своим русским данникам за разрыв отношений, переход в подданство к сарайским ханам и утрату Булгара. Союзные Мамаю мордовские князья тайными тропами подвели его войска к русскому лагерю, на который ордынцы и обрушились 2 августа 1377 г. Не ожидавшие нападения, нижегородцы были разгромлены, многие погибли (включая главнокомандующего — суздальского княжича Ивана Дмитриевича) или попали в плен. А мамаевы войска, не встречая более сопротивления, 6 августа взяли и сожгли беззащитный Нижний Новгород.

Арабшах, у которого военачальники Мамаю буквально увели победу и добычу из-под носа, не пожелал смириться с тем, что возможность совершить грабительский набег на Русь оказалась утрачена. Воспользовавшись тем, что нижегородцы не успели оправиться от недавнего мамаева погрома, Арабшах тогда же, в августе 1377 г., совершил рейд на границы Нижегородского княжества по р. Суре и не оставил тут ни одного целого поселения. А осенью совершил еще один молниеносный набег — на этот раз на Рязанское княжество. Арабшах с налета занял Переяславль-Рязанский (откуда еле успел бежать израненный в сражении князь Олег Иванович) и вновь захватил множество добычи и пленников.

Каганбек мог торжествовать: русские были наказаны (хотя и не совсем по его плану), и авторитет сарайских ханов существенно возрос. Однако торжество хана оказалось омрачено: снискав популярность среди столичных войск и опираясь на собственные силы, приведенные из Улуса Шибана, Арабшах вдруг осознал, что

в гораздо большей степени соответствует должности монарха, и совершил государственный переворот. В результате на рубеже 1377–1378 гг. в Сарая сменился хан — причем без какого-либо вмешательства извне: просто Арабшаху удалось «убедить» своего двоюродного брата отказаться от трона.

К чести Арабшаха стоит отметить, что он не расправился с бывшим ханом и даже не выгнал его, оставив ни с чем: новый хан позволил двоюродному брату занять свое же прежнее место — возглавить Улус Шибана. Поскольку в нынешних условиях большая опасность с востока улусу не грозила, даже Каганбек мог справиться с его управлением!

III

Став ханом Золотой Орды, Арабшах активизировал свою завоевательную политику, продолжив курс на консолидацию Поволжья под властью Сарая, начатый Урус-ханом и Каганбеком. Новый хан ни на минуту не забывал, что ему удалось снискать популярность новых подданных с помощью успешных набегов. Поэтому практически весь первый год его правления прошел в беспрестанных военных предприятиях.

Уже зимой 1377/1378 г. по приказу Арабшаха нижегородский князь, уstraшенный его набегам, вместе со своим московским зятем отправили войска на Мордву. Мордовские князья — те самые, которые в прошлом году помогли Мамаю разгромить русских на Пьяне, — почли за лучшее признать власть грозного сарайского владетеля. В 1378 г. Арабшах неожиданно напал на Мох-

шу, разгромил и убил ее правителя Тагая и присоединил этот край к сарайским владениям. В результате Среднее Поволжье полностью вышло из-под контроля Мамая и подчинилось Арабшаху. Видимо, в это же время власть быстро усиливающегося сарайского хана стали признавать и другие эмиры центральных областей Золотой Орды.

Затем последовал новый поход на Нижний Новгород. Вероятно, Арабшах организовал его, чтобы наказать нижегородского князя за то, что тот во время похода на Мордву слишком уж ее «пограбиша и пожгоша». На этот раз хан вознамерился не упустить из рук этот город, который в прошлом году у него столь бесцеремонно перехватили полководцы Мамая. Решимость хана была так далеко, что он даже отклонил предложенный нижегородским князем Дмитрием Константиновичем «откуп». Нижний Новгород был разорен и сожжен, как и в прошлом году. А на обратном пути Арабшах разорил еще и его округу. Несомненно, новый хан намеревался проводить на Руси политику устрашения, чтобы обеспечить подчинение своих русских вассалов! Несладко пришлось и русским торговцам в Золотой Орде: у них было конфисковано имущество, а многие купцы лишились и жизни. Видимо, Арабшах решил захватить и перебить русских купцов, чтобы те не донесли на Русь вести о подготовке им нового похода. Этот поход он совершил на Рязань в том же 1378 г. в очередной раз захватив богатую добычу и пленников.

Арабшаху даже и в голову не могло придти, что, прилагая усилия для укрепления власти сарайского престола в Поволжье, он льет воду на чужую мельницу.

А между тем, на востоке Золотой Орды происходили серьезные события, которые вскоре повлекли за собой и перемены в судьбе самого Арабшаха. Грозный Урусхан умер на рубеже 1377–1378 гг., и после краткого правления его сыновей Токтакии и Тимур-Малика на трон Синей Орды вступил Токтамыш, которого поддерживал Амир Тимур, всевластный временщик Чагатаева улуса. Не довольствуясь своим положением хана Синей Орды, Токтамыш, в свою очередь, решил вступить в борьбу за сарайский трон.

Первым делом он подступил к границам Улуса Шибана, где правил Каганбек, фактически являвшийся наместником Арабшаха. На требование Токтамыша признать его власть и вместе с ним отправиться на завоевание Сарая Каганбек отвечал, что не имеет права сам принимать такие решения и должен получить указания от своего старшего родича — сарайского хана. Токтамыш немедленно двинулся в Поволжье.

Новый хан Синей Орды, предпринимая поход на Сарай, находился в куда более выгодных условиях, чем его давний враг Урус, которому приходилось постоянно держать часть войск на границе с Улусом Чагатая. Токтамыш же, являясь союзником чагатайского правителя Амира Тимура, мог не беспокоиться о безопасности своих восточных границ и поэтому привел на Волгу практически все свои немалые силы. На рубеже 1379–1380 гг. войска Синей Орды подступили к владениям сарайского хана.

Арабшах не был трусом, но не был и глупцом. Он прекрасно разобрался в обстановке и понял, что у него нет шансов сохранить трон. Во-первых, постоянно гро-

зила опасность с запада, со стороны Мамаю. Во-вторых, войска Синей Орды превосходили сарайскую армию по численности. Наконец, было ясно, что приведенные в покорность силой оружия русские княжества и племена Поволжья отпадут от Сарая при первой же неудаче. И Арабшах принял единственное разумное решение: он добровольно отказался от трона и признал ханом Токтамыша, взамен закрепив за собой и своим родом владения в Улусе Шибана.

О деятельности Арабшаха после 1380 г. сведений нет. Мы не знаем, принимал ли он участие в военных действиях Токтамыша против Мамаю и Руси. Скорее всего, нет. Прямой потомок Арабшаха, хивинский хан-историк Абу-л-Гази пишет, что Арабшах и его брат Ибрахим «лето проживая при вершине Яика, а зиму — в при устье Сыра..., с приятностию провели свой век». Из этого можно сделать вывод, что в последние годы жизни Арабшах мирно владел своим улусом, не участвуя в междоусобицах и внешнеполитических мероприятиях нового хана.

Арабшах, благодаря своим «подвигам» на Руси, оказался одним из немногих ханов Золотой Орды, словесный портрет которых сохранили летописи. Вероятно со слов очевидца, летописец записал, что «бе той царевичи Арапша сверепь зело, и ратникъ велій и мужественъ, и крепокъ, возрастомъ же телеснымъ отнудь малъ зело, мужествомъ же велій и победи многихъ...». Если вспомнить расхожее мнение о том, что люди небольшого роста обладают повышенным тщеславием, то активность Арабшаха в его политических и государственных делах становится вполне понятной.

Амбиции Арабшаха унаследовали и его потомки. Так, в 1457 г. его правнук Йадгар вступил в борьбу за трон государства кочевых узбеков с могущественным Абу-л-Хайр-ханом, потомком Ибрахима, брата Арабшаха, и даже какое-то время занимал его после смерти своего соперника. Ханский титул носили и двое сыновей Йадгара — Абулек и Аминек. Их племянник Ильбарс, внук Йадгар-хана, около 1511 г. стал основателем династии Шибанидов (Арабшахидов) в Хорезме — Хивинском ханстве, где власть этого рода продлилась до середины XVIII в.

Очерк одиннадцатый
ТОКТАМЫШ, ИЛИ «НОВЫЙ
ЧИНГИС-ХАН»
(хан, 1379–1395/1406)

Токтамыш-хан занимает особое место в ордынской истории: при нем в Золотой Орде завершилась многолетняя смута «(Великая замятня)», но при нем же Джучидская держава оказалась на грани исчезновения, дважды подвергшись опустошительному нашествию Амира Тимура (Тамерлана). Одни историки превозносят Токтамыша как нового Чингис-хана или Батюгу, другие осуждают и считают совершенно недостойным высокого ханского титула. Насколько же оправданны те или иные суждения об этом человеке, в незаурядности которого можно не сомневаться в любом случае?

I

Токтамыш был потомком Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи. Туга-Тимуриды имели владения в Синей Орде и являлись вассалами правителей из дома Орду, старшего сына Джучи, а одна их ветвь закрепилась в Крыму, подчиняясь, соответственно, сарайским ханам. Место в семейной иерархии не давало Туга-Тимуридам никаких надежд на обретение ханского титула. Однако

«Великая замятня» позволила им возвыситься над другими потомками Джучи.

В 1330–1350-х гг. Синяя Орда находилась под управлением сарайских наместников — эмиров из рода кият, которые с одобрения Узбека и Джанибека, ханов Золотой Орды, существенно урезали права и привилегии местных Чингизидов. Однако в 1361 г., воспользовавшись смутами в Сарая, Джучиды восточного крыла свергли и убили ханского наместника Тенгиз-Бугу кията и провозгласили ханом некоего Кара-Ногай, одного из потомков Туга-Тимура. С этого и началось возвышение потомков Туга-Тимура, которые сохраняли власть над Восточным Дештом вплоть до начала XV в., когда их сменили Шибаниды, потомки пятого сына Джучи.

Кара-Ногай стал всего лишь старшим среди равных и не смог подчинить своей власти других царевичей. Синяя Орда, как и Сарай, вскоре стала ареной борьбы за власть: за семь лет здесь сменилось пять ханов — братьев и племянников Кара-Ногай. Однако в 1368 г. на трон Кок-Орды вступил Мухаммад Урус-хан — также потомок Туга-Тимура, но из другой ветви. В отличие от своих предшественников, это был весьма энергичный и решительный правитель: источники сообщают, что он был «царь очень сварливый, сильный и могущественный». Ему удалось покончить с самоволием царевичей и эмиров и подчинить их своей власти. Наиболее строптивые из них, все еще считавшие хана лишь номинальным главой, были казнены.

Токтамыш, родившийся, по-видимому, на рубеже 1340–1350-х гг., был сыном Туй-Ходжа-оглана из рода

Туга-Тимура, 13-го сына Джучи, и Кутан-Кончек (Куй-Кичик) из племени кунграт. Туй-Ходжа был эмиром Мангышлака, т. е. относился к удельным царевичам Синей Орды. Будучи влиятельным представителем «Золотого рода», он, как и многие другие, отказался всецело подчиняться Урус-хану и, несмотря на довольно близкое родство с ним (он приходился хану троюродным дядей), также был казнен. Поводом для казни Туй-Ходжи послужил его отказ выделить войска для похода Урус-хана в Поволжье с целью захвата трона Золотой Орды.

Сын и, вероятно, наследник Туй-Ходжи, Токтамыш после казни отца бежал, но позднее явился к хану, был им прощен и оставлен при дворе. Вероятно, Урус, опасаясь, что сын Туй-Ходжи унаследует мятежные замыслы отца, решил держать его при себе. Основания для опасений у хана были довольно веские: Токтамыш принадлежал к тому же поколению, что и Урус, и поэтому имел право претендовать не только на Мангышлак, но и на трон Синей Орды.

В самом деле, в 1372 г., как только Урус ушел со своими войсками в Поволжье и захватил Сарай, Токтамыш начал собирать вокруг себя царевичей и эмиров, недовольных авторитарным правлением хана, и, возможно, уже тогда стал подумывать о захвате трона Синей Орды. В 1373 г. Токтамыш решился на активные действия и провозгласил себя в Сыгнаке ханом. Урус-хан немедленно оставил Сарай и поспешил в свои владения, чтобы подавить мятеж. Токтамыш не рискнул выступить против войск хана и снова бежал. И, по-видимому, опять же явился с повинной к Урусу, причем снова

был прощен! Несомненно, Урус не мог позволить себе казнить столь влиятельного родича и тем самым вызвать продолжение мятежа в то время, когда сам хан намеревался продолжить борьбу за овладение Поволжьем.

Однако положение Токтамыша, вероятно, ухудшилось по сравнению с прежними временами. Опасаясь за свою жизнь, Токтамыш, воспользовавшись вторичным отсутствием Урус-хана в 1374–1375 гг., бежал от грозного родича. Правитель, который мог бы защитить его от могущественного хана Синей Орды, должен был находиться где-то за пределами владений Джучидов, в которых любой из соперничающих родственников легко мог прикончить Токтамыша как лишнего конкурента в борьбе за ордынский трон. Таким правителем оказался сравнительно молодой тогда еще, 40-летний Амир Тимур, уже в это время укрепивший свою власть в Мавераннахре. К его двору Токтамыш и прибыл в год дракона (1376 г.).

II

Железный Хромец принял беглеца радушно и со всеми почестями, которые полагались потомку Чингис-хана — пусть и бежавшему из своих владений. Радужие Тимура объяснялось несколькими причинами. Во-первых, его положение в то время еще не было столь непоколебимым, как годы спустя, и пребывание при его дворе еще одного потомка Чингис-хана (помимо собственного ставленника — хана Суйургатмыша из рода Угедэя) сильно укрепляло легитимность Тимура в качестве фактического правителя Чагатайского государства.

Во-вторых, возведя своего марионеточного хана на трон Улуса Чагатая, Железный Хромец вполне мог подумывать о том, чтобы такой же его ставленник правил и в Улусе Джучи. Почему было бы не сделать таковым Токтамыша?

В качестве первого шага на этом пути Тимур выделил Токтамышу во владение город Сабран, и здесь проявив политическое благоразумие: этот город, ранее принадлежавший Золотой Орде, теперь находился под контролем Тимура, и передача Сабрана Токтамышу позволяла ордынским властям как-то смириться с неопределенным статусом города. В том же году Токтамыш с помощью Тимура совершил первый поход на Урус-хана.

Урус отправил против своего четвероюродного брата войска под командованием своего старшего сына Кутлуг-Буги, который считался его наследником и уже управлял Синей Ордой, пока его отец боролся за власть в Поволжье. Войска двух Джучидов начали битву, в которой перевес долго не склонялся ни на одну сторону — пока Кутлуг-Буга не был убит случайной стрелой. Кажется бы, потеря военачальника должна была деморализовать его войска, но вышло наоборот: после гибели популярного в армии Кутлуг-Буги они усилили натиск и нанесли Токтамышу поражение, а затем вторглись во владения, пожалованные ему Тимуром, и разграбили их.

Очевидно, Токтамыш посчитал это поражение случайным и вскоре предпринял новую попытку завладеть троном Синей Орды. К этому времени на его сторону перешло значительное количество подданных Урус-хана из различных племен, так что ему, возможно, и не пона-

добилось снова обращаться за помощью к Амиру Тимуру. Очевидно, из этих перебежчиков Токтамыш и сформировал новое войско. Обеспокоенный усилением Токтамыша, а также желая отомстить за смерть сына, Урус-хан направил против него своего сына Токтакию. И Токтамыш потерпел новое поражение, бежал, а при переправе через реку был ранен в руку стрелой и чуть не утонул; его спас посланный Тимуром эмир Идигу из племени барлас.

Посрамленный Токтамыш вернулся к Амиру Тимуру, который, несмотря на два позорных поражения, продолжал считать его своим гостем. Согласно тимуридскому историку Шараф ад-Дину Йазди, в том же году к Тимуру явились послы Урус-хана, передавшие следующие слова своего повелителя: «Дело таково. Токтамыш убил моего сына и бежал к тебе. Направь его ко мне. И если не выдашь, то назови место сражения и готовься к битве!» Тимур отклонил требования властителя Синей Орды: «Тот пришел к нам, прося защиты. Я его никому не отдам. А если хотите войны, то мы готовы!» И, прежде чем послы Уруса успели вернуться к своему повелителю, начал сам готовиться к походу против него и в начале 1377 г. выступил на Сыгнак.

Урус-хан не стал недооценивать грозного противника: он лично выступил против Тимура во главе своих основных сил. В продолжение некоторого времени враги ограничивались мелкими сшибками, в которых победы одерживали то ордынцы, то чагатайцы. Ожидалась битва, исход которой мог все решить: в случае поражения Уруса ханом Синей Орды становился Токтамыш, а в случае

поражения Железного Хромца его собственная карьера завершилась бы, практически не начавшись. Однако вскоре до Тимура дошло известие о кончине Урус-хана. Чагатайский правитель счел, что со смертью опасного противника его прямое вмешательство в дела Синей Орды уже не нужно, и, признав Токтамыша ханом Кок-Орды, вернулся в свои владения.

Между тем, Урусу наследовал его сын Токтакия, который скончался двумя месяцами позже, а его преемником стал его брат Тимур-Малик, который был более известен своим разгульным образом жизни, чем талантами правителя или полководца. По настоянию своих эмиров Тимур-Малик предпринял поход против Токтамыша, хана-конкурента, чтобы покончить с двоевластием в Синей Орде. И хотя сам Тимур-Малик не отличался воинскими дарованиями, у него оставались талантливые военачальники, служившие прежде его отцу. Им-то и удалось одержать очередную победу над Токтамышем, который снова прибежал к Тимуру, лишившись и войска, и надежды занять трон в Сыгнаке.

Неизвестно, готов ли был повелитель Мавераннахра еще раз сделать ставку на Токтамыша и доверить ему новую армию. К счастью для сына Туй-Ходжи, Амиру Тимуру не пришлось делать такой выбор. Тимур-Малик слишком много времени уделял пьянству и развлечениям, а главное — очень любил женщин, и если ему нравилась какая-то из них, он старался заполучить ее, не считаясь с ее происхождением и семейным статусом. В конце концов, он оскорбил ряд крупных военачальников и племенных вождей, позарившись на их жен и доче-

рей. Недовольство ханом крепло день ото дня, и вскоре многие вельможи Синей Орды стали перебегать к Токтамышу, а оставшиеся при дворе в Сыгнаке составили заговор.

В результате в 1379 г. сыгнакские аристократы пригласили к себе Токтамыша. Ему без боя подчинились города Сауран и Отрар, а затем он во главе своих приверженцев двинулся к столице. Тимур-Малик со своими войсками выступил ему навстречу. Однако эмиры-заговорщики, не вступая в бой, вместе со своими войсками перешли на сторону Токтамыша. Тимур-Малик в сопровождении немногочисленных верных эмиров и телохранителей пытался бежать, но был схвачен и казнен по приказу нового хана.

Так, к 1379 г. Токтамыш без боя овладел тронем Синей Орды, за который безуспешно сражался несколько последних лет. А вскоре он решил пойти по стопам Урус-хана и объединить всю державу Джучидов.

III

Зимой 1379/1380 г. Токтамыш во главе крупных сил двинулся в Поволжье. Ему было проще, чем Урусу, которому приходилось оставлять часть войск для поддержания порядка в улусе и для защиты восточной границы от нападений Чагатаидов. Токтамыш, единодушно поддержанный большинством эмиров Кок-Орды и будучи в союзе с Амиром Тимуром, мог не опасаться ни внутренних мятежей, ни внешнего нападения, а потому двинулся на Волгу практически со всеми войсками, находившимися в его распоряжении.

Не встретив сопротивления со стороны Каганбеки, правителя Улуса Шибана, Токтамыш зимой или весной 1380 г. оказался уже у Сарая, где правил хан Арабшах, потомок Шибана. Арабшах не осмелился вступить в сражение с ханом Синей Орды и почел за лучшее отказаться от трона. Впрочем, он вытребовал за свою уступку сохранение за собой и своим родом улуса Шибана — под верховной властью нового хана Золотой Орды.

Вслед за тем Токтамышу удалось без боя, либо после незначительного сопротивления захватить и подчинить своей власти Верхнее и Среднее Поволжье, затем — Хаджи-Тархан и Северный Кавказ. Теперь его единственным противником оставался Мамай — могущественный правитель западной части Золотой Орды, уже в течение двух десятилетий контролировавший практически все ордынские владения к западу от Волги.

Однако судьба по-прежнему оставалась благосклонной к Токтамышу. Мамай, вместо того чтобы выступить против пришельца с востока, вознамерился вернуть под свою власть русские княжества и стал готовить поход на Русь. Однако великий князь Дмитрий Иванович Московский опередил его, напал на ставку Мамай, не успевшего собрать свои основные силы, разгромил его на Куликовом поле и заставил бежать.

Ордынский бекляри-бек, как мы помним, после этого поражения сумел собрать свои основные силы и вновь приготовился к схватке с русскими. Однако как раз в это время, в октябре-ноябре 1380 г., Токтамыш захватил все области к востоку от Волги и подошел к гра-

ницам владений Мамаю, которому пришлось выступить против него.

Исход этой схватки, казалось, был предрешен в пользу Мамаю, считавшегося опытным военачальником — в отличие от своего соперника, который уже неоднократно терпел поражения даже от противников с меньшими силами. Однако Токтамыш, несмотря на свои недостатки, все же был потомком Чингис-хана, Джучидом, тогда как Мамай потерял своего хана в Куликовской битве и не успел возвести на трон нового монарха. По понятиям ордынских вельмож и народа, при таких условиях выступление Мамаю против хана-Чингизида было мятежом. Поэтому, когда войска Токтамыша и Мамаю встретились, военачальники и воины бекляри-бека, не вступая в сражение, сошли с коней и принесли присягу Токтамышу, который в результате стал ханом обеих частей Золотой Орды.

В погоню за Мамаем, бежавшим в Крым, Токтамыш отправил своих воинов, которым удалось настичь бекляри-бека в Солхате (Старом Крыму). Сам Мамай был убит или казнен, а его гарем попал в руки победителя. Чтобы повысить свою легитимность в глазах столичной сарайской знати и оставшихся приверженцев дома Бату, Токтамыш взял в жены Тулунбек-ханум, дочь хана Бердибека и вдову Мамаю. Самого Мамаю, впрочем, новый хан повелел похоронить со всеми полагающимися ему почестями, что примирило с ним уцелевших сторонников бекляри-бека. Даже сын Мамаю, Мансур, позднее явился к Токтамышу и был принят им на службу.

Так в начале 1381 г. Золотая Орда, наконец-то, объединилась под властью монарха, которого признавали своим ханом и центральные области, и некогда мятежные окраинные улусы. Не удивительно, что практически все подданные с самого начала стали обожать и буквально боготворить хана, положившего конец двадцатилетней смуте, считая его едва ли не новым Чингис-ханом, призванным возродить былое могущество державы Джучидов. К сожалению, похоже, Токтамыш и сам уверовал в свое высокое предназначение. «К сожалению», потому что ни в коей мере не обладал талантами своего великого предка!

Впрочем, на первом этапе правления в Золотой Орде новый хан действовал и в самом деле весьма разумно. Так, уже на рубеже 1380–1381 гг. он восстановил мир с генуэзцами, вернув им 18 селений Судакской долины, отнятых у них Мамаем в 1375 г. Тем самым Токтамыш обеспечил дальнейшее развитие торгового сотрудничества с итальянскими республиками в Причерноморье и, соответственно, постоянный доход в ханскую казну. Также хан подтвердил ряд привилегий, дарованных его предшественниками влиятельным эмирам и племенным вождям, что обеспечило ему их поддержку.

Одновременно Токтамыш направил своих посланцев ко всем прежним вассалам Золотой Орды с уведомлением о своем вступлении на престол и напоминанием о необходимости принести ему присягу, а в дальнейшем — выплачивать полагающиеся налоги. Одно из та-

ких посольств было отправлено на Русь, к великому князю Дмитрию Донскому.

IV

Несмотря на анти-ордынский характер действий великого князя Дмитрия Ивановича на Куликовом поле, Токтамыш поначалу совершенно не собирался наказывать русского вассала. Во-первых, победа Москвы над Мамаем существенно облегчила новому хану приход к власти. Во-вторых, русские князья в течение нескольких последних лет признавали себя вассалами ханов, правивших в Сарае — а именно эти ханы формально являлись прямыми предшественниками Токтамыша. Поэтому он вполне обоснованно рассчитывал на то, что Москва и другие княжества признают его власть и сохранят прежний формат отношений с Ордой, и в 1381 г. направил к великому князю послание, в котором сообщил о своем воцарении.

Казалось, поначалу отношения начали складываться, как и предполагал Токтамыш: русские князья в ответ на его послание направили к нему своих представителей («киличеев») с приветствиями и богатыми дарами хану, ханшам и эмирам. Однако когда в следующем году Токтамыш отправил на Русь своего посла Ак-ходжу с 700 воинами, чтобы вызвать князей в Орду для подтверждения их ярлыков, его посольство настолько испугалось отношения местного населения к ордынцам после Куликовской битвы, что не рискнуло даже доехать до Москвы.

Добравшись лишь до пределов Нижегородского княжества, оно вернулось в Сарай.

В результате эйфория Токтамыша, овладевшая им после триумфального прихода к власти в Золотой Орде, сменилась раздражением. Сомнения в анти-ордынском характере действий московского князя исчезли, и теперь стало ясно, что Русь вовсе не собирается вновь признавать вассалитет от хана. Токтамыш принял единственное решение, которое оставалось в данных обстоятельствах: он организовал поход на Русь, причем лично возглавил войска. Вероятно, хан по-прежнему считал себя великим полководцем и полагал, что его командование станет залогом успеха.

Первым делом Токтамыш приказал схватить всех русских купцов, находившихся в ордынских городах Поволжья: он не хотел, чтобы на Руси стало заранее известно о его планах. Торговцы были схвачены и ограблены, а некоторые, оказавшие сопротивление, даже убиты.

Осенью 1382 г. хан двинулся на Русь. Первым русским княжеством на пути его войск была Рязань, правитель которой, Олег Иванович, немедленно явился к хану и принес присягу, а затем выделил припасы и проводников, показавших ханским войскам наиболее удобный путь далее. Аналогичное отношение Токтамыш встретил и в Нижегородском княжестве: князь Дмитрий Константинович не только признал ордынского хана своим повелителем, но и прислал к нему двух своих сыновей — в качестве то ли проводников, то ли заложников.

Таким образом, Московское княжество оказалось единственным, дерзнувшем противиться воле нового

поселителя Золотой Орды. Дмитрий Донской не только не явился к хану с изъявлением покорности, но и решил оказать сопротивление: оставив в столице сильный гарнизон (а также все свое семейство), он отправился в Кострому, где намеревался собрать дополнительные силы для борьбы с ханом.

Однако великий князь не успел реализовать свой план. После того как москвичи в течение трех дней успешно отбивали штурмы ханских воинов, Токтамыш решил прибегнуть к военной хитрости, граничившей, впрочем, с прямым вероломством. Находившиеся при нем нижегородские княжичи Василий и Семен Дмитриевичи поклялись москвичам, что хан не желает разорять Москву и готов удовлетвориться сдачей города и символическим выкупом. Поверившие москвичи отправили к хану посольство, однако когда открывались городские ворота, ханские войска ворвались в город и устроили настоящую резню. После избиения жителей и грабежа Москва была превращена в руины. Это случилось 26 августа 1382 г. Также войсками Токтамыша были взяты Серпухов, Переяславль и Коломна.

В результате были ликвидированы все положительные для Руси последствия и соглашений с Мамаем, и победы на Куликовом поле. Великому князю пришлось вновь признать зависимость от Золотой Орды и выплачивать ей «выход», а в качестве заложника к хану был отправлен княжич Василий Дмитриевич, старший сын великого князя. Впрочем, Токтамыш не лишил Дмитрия Ивановича великокняжеского титула, хотя его конфликтом

с Москвой тут же попытался воспользоваться тверской князь Михаил Александрович, чтобы перехватить у Дмитрия великий стол. Более того, даже «выход» с Московского княжества был ограничен 4 000 рублей. Эти действия в какой-то степени примирили хана с его московским вассалом. И после смерти Дмитрия Донского в 1389 г. его 19-летний сын был торжественно возведен на великокняжеский стол послом Токтамыша — «царевичем Уланом». Впоследствии и новый великий князь, и другие русские князья неоднократно ездили в Орду и постоянно платили «выход». В 1392 г. Токтамыш выдал Василию Московскому ярлык на владение Нижним Новгородом (чего так долго и безрезультатно добивались прежние московские князья, начиная с Ивана Калиты), а также на Тарусу и Мещеру.

Мирные отношения с Русью оказались очень полезны для Токтамыш-хана в связи с последовавшими вскоре событиями.

V

В 1383 г. Токтамыш совершил еще одно успешное военное предприятие: он сумел вернуть Золотой Орде Хорезм. В 1361 г. хорезмские наместники из династии Суфи (они принадлежали к потомкам Узбек-хана по женской линии) провозгласили себя независимыми правителями, не признавая власть «пришлых» сарайских ханов. В 1379 г. Тимур завоевал Хорезм и присоединил его к Улусу Чагатая. Токтамыш решил «восстановить историческую справедливость»: он вторгся в Хорезм, при

полной поддержке местного населения выбил оттуда наместников Тимура и назначил правителем своего темника Сулеймана-Суфи — племянника правителей Хусайна-Суфи и Юсуфа-Суфи, свергнутых Тимуром. Токтамыш решил совершить это поступок, столь недружественный по отношению к прежнему покровителю, когда узнал, что Тимур не сможет оказать ему активное сопротивление: часть чагатайских войск сражалась в Иране, а часть была отправлена в поход на Могулистан. Кроме того, и сам Тимур, вероятно, признавал, что Хорезм являлся частью Золотой Орды, и вынужден был (по крайней мере, на время) смириться с его потерей.

После этого успеха (как оказалось, последнего в его карьере) в завоевательной деятельности Токтамыша наступило затишье, продлившееся около трех лет. Надо полагать, в это время хан старался навести окончательный порядок в системе управления в уделах. Нумизматические данные дают основание говорить о попытке проведения им также и денежной реформы. В процессе этой повседневной деятельности новый хан, по-видимому, впервые выказал себя не слишком-то эффективным правителем, что не проявлялось, пока он вел активные завоевания. Первые восторги подданных по отношению к объединителю Золотой Орды стали сменяться глухим недовольством.

А в 1386 г. Токтамыш столкнулся и с первым заговором, о котором источники сохранили весьма скудные сведения. Так, согласно летописному сообщению, хан казнил свою супругу по имени «Тавлунбека». Этим же

годом датированы и таинственные монеты с именем хана Бердибека. По-видимому, против Токтамыша был составлен заговор с целью замены его на троне потомком Бату. Вероятно, его участниками стали бывшие приверженцы Мамая во главе с его вдовой Тулунбек-ханум, которая в результате и поплатилась жизнью.

Некоторые участники заговора во главе с мангытским эмиром Идигу (Едигеем русских летописей) бежали и нашли прибежище в Мавераннахре, при дворе Амира Тимура, который с этого времени стал охотно принимать ордынских царевичей и вельмож, недовольных Токтамыш-ханом — а таких год от года становилось все больше и больше.

Возможно, именно радушие правителя Чагатаеви Улуса по отношению к врагам Токтамыша послужило поводом для ухудшения отношений между двумя правителями, поскольку в следующем году хан развернул боевые действия в Закавказье, предъявив права на территории, которые Железный Хромец уже считал своими. Но это был именно повод, поскольку причины активизации военной деятельности Токтамыша крылись, скорее всего, в настроениях его приверженцев: их не устраивало мирное прозябание в Сарае или Сыгнаке, им нужно было вести войска в битвы, захватывать добычу и пленников, завоевывать себе новые уделы. Поэтому Токтамышу, не желавшему, чтобы его эмиры, томясь от безделья, составляли новые заговоры, пришлось возобновить военные действия.

В результате зимой 1386 г. Токтамыш во главе ордынских войск вторгся в Ширван. Он огнем и мечом прошел по этому государству, имевшему неосторожность признать зависимость от Тимура. Тебриз, столица Ширвана некоторое время успешно отражал штурмы ордынских войск, и тогда Токтамыш вторично использовал прием, сработавший пять лет назад в Москве. Он заявил, что снимет осаду, если получит с горожан выкуп, и когда те поверили и направили к нему своих послов для переговоров, войска хана неожиданно ворвались в город и устроили избиение населения. Вскоре под властью Токтамыша оказался весь Азербайджан, и он начал здесь чеканить свою монету. Тем самым хан воплотил в жизнь чаяния сарайской знати, мечтавшей о возвращении под власть Золотой Орды этой области, потерянной в 1357 г., после смерти хана Джанибека. Торжествующий Токтамыш прибавил к своему имени почетное прозвище «бахадур».

Амир Тимур, возмущенный «неблагодарностью» своего прежнего протеже, отреагировал немедленно. Поскольку он вел в это время боевые действия в Фарсе, ему не понадобилось много времени для переброски войск в Закавказье, и вскоре он, в свою очередь, оказался в Ширване. Поначалу Токтамышу удалось разгромить передовые отряды Тимура под командованием его сына Мираншаха. Однако, получив вести, что на помощь сыну движется сам чагатайский правитель, хан не рискнул вступить с ним в схватку и предпочел отступить. Кроме того, Токтамыш благоразумно отправил власте-

лину Мавераннахра послание, в котором все случившееся представлял как недоразумение и выражал свое уважение. В результате Азербайджан вновь был потерян для Золотой Орды.

Тимур удовлетворился объяснениями Токтамышша, что было воспринято ханом как слабость. Узнав, что правитель Чагатаева улуса возобновил завоевание иранских областей, Токтамыш начал масштабную военную кампанию в самом сердце владений Тимура — в Мавераннахре. Будучи неплохим дипломатом и опытным интриганом, хан сумел убедить ряд среднеазиатских эмиров, недовольных Амиром Тимуром, начать восстание, а сам отправил им на помощь свои войска. Кроме того, из Хорезма ему на помощь также выступили воины Сулеймана-Суфи.

Осенью 1387 г. Токтамыш и его союзники начали планомерное разорение Мавераннахра. Противостоявшие хану войска мирзы Омар-Шейха, второго сына Тимура, были разгромлены и бежали под защиту стен Самарканда. Войска Токтамышша рассыпались по округе и в течение некоторого времени грабили местное население. Самому Железному Хромцу пришлось срочно снимать войска с иранского фронта и перебрасывать их в родные края. Токтамыш, опасавшийся могущественного противника, снова не осмелился вступить с ним в бой и вывел свои силы из Мавераннахра. Вероятно, это была самая большая его ошибка за все время противостояния с Тимуром: на этот раз у хана были все шансы покончить с гегемонией чагатайского эмира в Средней

Азии. В результате же Тимур получил возможность беспрепятственно подавить мятеж своих непокорных подданных, а затем обрушился на Хорезм.

На этот раз Железный Хромец не ограничился демонстрацией силы. Во-первых, его разгневали не только сами враждебные действия Токтамыша, но и его вероломство: ведь нападение было совершено вскоре после отправки извинительного письма, да еще и в то время, когда сам Тимур увел основные силы в Иран, и его владения остались без защиты. Во-вторых, Хорезм находился очень близко к Самарканду и Бухаре, главным городам державы Тимура, и представлял собой весьма удобный плацдарм для дальнейших ордынских нападений на Мавераннахр. Поэтому ответный ход Железного Хромца оказался быстрым и беспощадным: он осадил Ургенч, после короткой осады взял его, разграбил и разрушил до основания, приказав засеять это место зерном. Сулейману-Суфи вновь пришлось бежать к Токтамышу и довольствоваться ролью темника в его войсках.

После второй неудачи Токтамышу стало ясно, что в борьбе с Железным Хромцом не обойтись без союзников. Хан развил бурную дипломатическую деятельность и в короткое время сумел заключить союз с влиятельными правителями мусульманского мира — египетским султаном Баркуком, Султан Ахмадом Джалаири, правителем Ирана, повелителем Могулистана Хызр-Ходжой, дулатским эмиром Кашгара Камар ад-Дином и киргизским правителем Инка-Торе. Все эти владетели, как и Токтамыш, опасались усиления Тимура, и общая опасность

объединила даже таких смертельных врагов, как Хызр-Ходжа-хан и Камар ад-Дин, который некогда уничтожил почти всех родичей Хызр-Ходжи!

Понадеявшись на помощь новых союзников, Токтамыш в 1388 г. в очередной раз выступил против Тимура, собрав максимально возможное количество воинов. На этот раз он снова решил ударить прямо на Мавераннахр и одновременно вернуть некоторые присырдарьинские города, некогда принадлежавшие Синей Орде, но позже занятые Тимуром. После безуспешной осады хану пришлось отказаться от мысли вернуть свое первое владение Сабран, однако удалось захватить Яссы, столицу Туркестана. Но пока Токтамыш боролся за Яссы, его авангард, двигавшийся к Самарканду, был остановлен и разгромлен у Зарнука на Сырдарье войсками Тимура, которыми командовал беглый ханский родич — Тимур-Кутлуг-оглан.

Не желая ставить под удар свои основные силы, Токтамыш приказал отступить за Сырдарью и, преследуемый конницей Тимура, зимой 1389 г. вернулся в свои владения. Между тем, Тимур, развивая свой успех, не только вернул принадлежавшие ему прежде присырдарьинские города, но и захватил Сыгнак — столицу Синей Орды. Затем последовала серия ударов против союзников Токтамыша в Центральной Азии. Тимур в очередной раз отправил войска на Могулистан, после чего Камар ад-Дин таинственно исчез (его имя с 1390 г. уже не встречается в источниках), а Хызр-Ходжа-хан был разгромлен и бежал; некоторое время спустя он решил за-

включить мир с Тимуром и выдал за него замуж свою дочь. Не смог оказать поддержку Токтамышу и египетский султан Баркук, который, как рассчитывал золотоордынский хан, был должен отвлечь часть войск Тимура в Иране: в 1389 г. Баркук был отрешен от власти сторонниками прежней мамлюкской династии Бахритов и теперь был поглощен борьбой за возвращение трона.

Токтамыш своим походом 1388–1389 гг. оказал себе очень плохую услугу, продемонстрировав и свою несостоятельность как военачальника, и вероломство по отношению к прежнему покровителю Тимур, который решил на этот раз не ограничиваться отдельными контрударами, а довершить разгром врага. В течение 1389–1390 гг. Тимур стягивал войска из всех подчиненных ему областей и в конце 1390 г. вторгся в пределы Синей Орды.

VI

Было бы неправильным представлять противостояние Токтамыша и Тимура всего лишь как результат непродуманных действий хана. Несомненно, в планы Тимура входило подчинение владений Джучидов, как и всей Центральной Азии, что вполне определенно вытекает из его последующей политики. Открытие военных действий против Золотой Орды было только вопросом времени, и Токтамыш своими деяниями всего лишь ускорил их. Настоящей же бедой для Золотой Орды стала нерешительность Токтамыша, который, видимо, переоценивал полководческие способности Амира Тимура

и с самого начала кампании был настроен либо на уклонение от решительного боя, либо на поражение.

Как бы то ни было, зимой 1390/1391 г. войска Тимура вторглись в пределы Синей Орды, а проводниками у них служили царевичи Кунче-оглан и Тимур-Кутлук, потомки Туга-Тимура, и эмир Идигу мангыт. Нет сомнения, что они не только выступили проводниками вражеского войска, но и сумели привлечь на свою сторону часть воинов Токтамыша. Хан предпринял последнюю попытку договориться с Тимуром и направил к нему посольство с дарами и предложением мира, однако тот в ответ лишь упрекнул хана в неблагодарности и заявил, что больше не верит его клятвам и обещаниям.

Поняв, что войны не избежать, Токтамыш во главе своей армии выступил навстречу Тимуру. На его стороне были мороз и голод: войска Тимура, покинув собственные владения и оказавшись на чужой территории, страдали от недостатка продовольствия и от холодов: теперь Железный Хромец сам оказался в положении, в каком пару лет назад был Токтамыш в Мавераннахре! Тимуру даже пришлось на некоторое время прекратить движение вперед и организовать серию облавных охот, чтобы накормить своих голодающих ратников.

Однако Тимур был более харизматическим лидером, нежели Токтамыш, и умел поддерживать боевой дух своих войск, а потому не отказался от продолжения похода, как это сделал в свое время хан Золотой Орды. Благодаря своим «проводникам», Тимуру удалось выйти навстречу войскам Токтамыша там, где бой мог пройти

по его плану. Сражение состоялось на р. Кондурче 15 риджаба 793 г. х. (18 июня 1391 г.). В течение долгого времени было неясно, кто одержит победу, затем нервы Токтамыша не выдержали, и он приказал отступать. Возможно, он намеревался сохранить часть войск и не допустить дальнейшего вторжения чагатайцев в западные области Золотой Орды. Однако, как оказалось, Тимур на этот раз вовсе и не имел таких намерений. Разорив Синюю Орду и ликвидировав тем самым угрозу нападения ордынцев с севера, он вернулся в свои владения в Мавераннахре.

Впрочем, Железный Хромец не ограничился разгромом войск Токтамыша и разорением Синей Орды: он также спровоцировал и междоусобную борьбу среди Джучидов. Находившиеся при нем царевичи Тимур-Кутлуг и Кунче-оглан вместе с эмиром Идигу обратились к Тимуру с просьбой отпустить их в Синюю Орду, чтобы они могли собрать своих приверженцев и усилить ими войска Тимура для дальнейшей борьбы с Токтамышем. Тот согласился, однако впоследствии ни Тимур-Кутлуг, ни Идигу не вернулись: они предпочли остаться в Синей Орде. Только Кунче-оглан оказался верен своему слову и с небольшим количеством приверженцев возвратился к правителю Мавераннахра. Впрочем, и он в следующем году бежал от Тимура и... явился к Токтамышу, став одним из его военачальников.

Разгром на Кондурче означал для Токтамыша не только потерю армии и владений к востоку от Урала. Его авторитет в Золотой Орде настолько упал, что появилось

сразу несколько претендентов на трон. Первым был Тимур-Кутлуг, провозгласивший себя ханом в Синей Орде. Один из военачальников Токтамыша, Бек-Пулад-оглан, бежал с Кондурчи и, не ожидая, что Токтамыш спасется, также решил объявить себя ханом и захватил Сарай.

Однако Токтамыш был еще достаточно силен, чтобы сохранить трон. Бек-Пулад первым почувствовал на себе ханский гнев: он был разгромлен и изгнан в Крым. Токтамыш осадил узурпатора в Солхате, победил и убил. Однако место Бек-Пулада во главе мятежников занял Таш-Тимур, потомок крымских Туга-Тимуридов, переселенных сюда еще во времена хана Менгу-Тимура. Когда войска Токтамыша вторглись в Крым, Таш-Тимур был вынужден вновь признать власть законного хана, но сохранил значительную автономию. По-видимому, Токтамыш не решился окончательно расправиться с мятежным царевичем, поскольку тот, являясь потомственным владельцем Крыма, мог привлечь на свою сторону многочисленное местное население и оказать упорное сопротивление.

Большим политическим успехом Токтамыша стало восстановление власти в восточных уделах Золотой Орды: в 1390-е гг. он сумел примириться с эмиром Идигу (возможно, при посредничестве его брата Исы мангыта, который был военачальником Токтамыша). Хан и Идигу заключили соглашение, по которому эмир получал всю фактическую власть в бывшей Синей Орде, освобождался от уплаты налогов и сборов и лишь номинально признавал верховенство Токтамыша. С помощью

того соглашения хан решал сразу две проблемы — восстанавливал (пусть даже и чисто формально) единство Золотой Орды и обеспечивал себе если не поддержку, то, по крайней мере, невмешательство Идигу в будущие конфликты с Тимуром и другими возможными противниками. Более того, Токтамыш добился еще и того, что Идигу перестал поддерживать самозваного хана Тимур-Кутлуга, поскольку получил от Токтамыша все то, к чему стремился.

Эти действия помогли Токтамышу хотя бы отчасти восстановить свою пошатнувшуюся власть и спокойствие в государстве, нарушенные вторжением Тимура. Хан даже позволил себе написать в 1392/1393 г. послание-ярлык польскому королю и литовскому князю Ягайло, в котором объявлял, что восстановил прежнее могущество, и требовал выплаты «выхода» за владение теми ордынскими областями, которые еще в 1350–1360-е гг. захватил великий князь литовский Ольгерд, отец Ягайло. Вероятно, король вполне серьезно воспринял заявления Токтамыша: упомянутый «выход» выплачивался литовскими великими князьями и польскими королями с этого времени и до середины XVII в.

VII

Вступая в переговоры с Польшей и Литвой, Токтамыш имел целью не только получить «выход» с южно-русских земель, которые считал своими. Помимо этого, хан продолжал дипломатическую борьбу в целях создания союза против Тимура. Его усилия поддержал, наконец,

и султан Египта, который приказал убить посла Тимура. Аналогичные переговоры Насир ад-Дин Махмуд Токтамыш вел не только с еще одним «правоверным» мусульманским государем — османским султаном Байазидом I Молниеносным, но также и с «неверным» царем Грузии Георгием VII.

Дипломатические успехи Токтамыша серьезно обеспокоили Тимура, который понял, что одного похода против Золотой Орды оказалось недостаточно, чтобы покончить с опасным противником. В 1394 г. Железный Хромец совершил очередной поход на Грузию, придав ему характер газавата («священной войны»). Однако Токтамыш, вдохновленный своими успехами в сфере дипломатии, выступил ему навстречу, преградил путь через Дербент и даже вновь сумел захватить Ширван.

Тем не менее, в 1395–1396 гг. Тимур осуществил второе нашествие в ордынские земли. На этот раз он двинулся не на разоренные предыдущим вторжением восточные улусы, а в богатое Поволжье. Через свои закавказские владения Железный Хромец направился в самый центр владений Токтамыша. Хан после бесплодных попыток убедить Тимура отказаться от похода был вынужден собрать войска и выступить навстречу противнику. Как разумный правитель и военачальник, Токтамыш решил не допустить врага вглубь своих владений и поэтому преградил ему путь на границе — на р. Терек, где 15 апреля 1395 г. и состоялось одно из крупнейших сражений на пространстве бывшей Монгольской империи.

Битва продолжалась два дня, причем инициатива большую часть времени была на стороне Токтамыша. Однако, несмотря на стойкость в этой битве (столь необычную для него), хан вновь потерпел поражение. Впрочем, вины его в этом не было: видимо, таланты военачальников Тимура оказались выше, чем ордынских полководцев. На этот раз разгром Золотой Орды был полным: армия хана практически перестала существовать, а сам он бежал, причем в течение нескольких месяцев о нем не было ничего слышно. Возможно, он провел некоторое время на территории Молдавии — впоследствии именно там осела часть его войск, поступившая на службу к местному господарю.

Тимур, разгромив врага, решил не допускать прежней ошибки: чтобы не дать Токтамышу возможности собрать новые войска, чагатайский правитель совершил опустошительный рейд по всему Поволжью, разорил города, поселения и торговые пути от Булгарии до Хаджи-Тархана и Азака, превратив эти богатые и развитые районы в пустыню. Отряды Тимура разорили Крым и дошли до Руси: был полностью разрушен город Елец, и передовые отряды чагатайских войск вступили даже в пределы Московского великого княжества. Захватив огромную добычу и, по некоторым сведениям, целые сотни тысяч пленных, Тимур покинул пределы Золотой Орды.

На развалинах Сарая — некогда великолепной столицы хана Узбека! — был провозглашен ханом ставленник Тимура — Койричак-оглан, сын Урус-хана. Впрочем,

его власть распространялась лишь на остатки города и пригороды, в регионах же Золотой Орды царила полная анархия. Дошло даже до того, что русские князья осмелились вновь выступить против Орды: в октябре 1395 г. царевич Ентяк, владетель Казани, вместе с нижегородским княжичем Семеном Дмитриевичем захватил Нижний Новгород, в ответ на что Василий Московский выслал против них войска, которые изгнали захватчиков и в течение ноября 1395 — февраля 1396 гг. разоряли ордынские владения на Волге.

Только в 1396 г. Токтамыш вновь заявил о себе: во главе своих приверженцев он появился в Крыму и, наконец, покончил с Таш-Тимуром, который в это время вновь провозгласил себя ханом. По одним сведениям, Таш-Тимур был убит, по другим — бежал к Тимуру в Мавераннахр. Сам Токтамыш решил на некоторое время удовлетвориться ханской властью в пределах полуострова. Укрепляя свою власть в Крыму, он вступил в какой-то конфликт с кафинскими генуэзцами, возможно, поддержавшими узурпатора Таш-Тимура: источники сообщают, что Токтамыш осаждал Кафу в 1397 г.

Между тем, в Сарае произошел новый переворот: оставшись без поддержки Тимура, Койричак-хан оказался неспособен противостоять многочисленным противникам и в 1397 г. был свергнут Тимур-Кутлугом и Идигу-мангытом, которые вновь заключили союз. Тем не менее, и победители понесли потери, поэтому некоторое время спустя Токтамыш рискнул перехватить у них сарайский трон и даже снова отправил своих послов к ря-

нискому великому князю Олегу Ивановичу. Однако торжество хана оказалось весьма недолгим: в том же богатом событиях 1397 г. Тимур-Кутлуг и Идигу выбили Токтамыша из столицы. Подчинив своей власти все Поволжье, они решили окончательно добить своего врага и во главе своих основных сил вторглись в Крым, где он нашел временное убежище. Токтамыш был вынужден бежать и с полуострова. Излишне говорить, что местное население не выразило намерения лечь костью за того, кто разгромил и выгнал из Крыма их потомственного правителя Таш-Тимура!

Но даже этот разгром не заставил Токтамыша отказаться от попыток вернуть себе верховную власть. На рубеже 1397/1398 гг. он очутился в литовских владениях, и великий князь Витовт, двоюродный брат польского короля Ягайло, выделил ему земли под Каневом и Черкасинами. Хан заключил с Витовтом соглашение, текст которого (вероятно, «в вольном пересказе») дошел до нас в составе русских летописей: «Поидемъ пленити землю Тигарскую, победимъ царя Темиръ-Кутлуя, возьмемъ царство его и разделимъ богатство и именіе его, и посадимъ по Орде на царстве его царя Тахтамыша, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму, и на Азтракани, и на Заяицкой Орде, и на всемъ приморіи, и на Казани; и то будетъ все наше и царь нашъ, а мы не точію Литовскою землею и Полскою владети имамаы, и Северою, и Великимъ Новымгородомъ, и Псковомъ, и Немцы, но и всеми великими княженіи Русскими, и со всехъ великихъ князей Русскихъ учнемъ дани и оброки имати». Как видим, Витовт

и Токтамыш фактически делили между собой территорию почти всей Евразии! Дело оставалось за малым: нужно было «всего-навсего» победить Тимур-Кутлуга, занимавшего в это время ханский трон, и его бекляри-бека Идигу.

Витовт собрал войска, Токтамыш также созвал всех своих сторонников, и союзники двинулись в золотоордынские владения. На р. Ворскле их встретили войска Тимур-Кутлуг-хана. Поскольку Идигу и значительная часть ордынских войск еще не подошли, хан сумел затянуть переговоры и даже соглашался с беспрецедентными требованиями Витовта: он готов был признать себя «сыном» литовского князя, платить ему дань и чеканить монету с его портретом. Увлечшиеся торгом, Токтамыш и Витовт позволили Тимур-Кутлугу дожидаться подхода Идигу, который немедленно прервал переговоры и 12 августа 1399 г. начал битву.

До сих пор остается непонятным, как превосходящие по численности литовские войска, имевшие на вооружении даже артиллерию и занимавшие, к тому же, выгодную позицию, потерпели сокрушительное поражение. Виновником разгрома, судя по всему, стал опять Токтамыш — на этот раз из-за несогласованности действий со своим союзником. Идигу решил окружить противника, и Токтамыш, разгадав этот маневр, поспешил со своими войсками в тыл, чтобы не дать замкнуть круг. Витовт, не поставленный в известность о причине его действий, решил, что ордынские союзники бегут с поля боя, и сам приказал отступить. Отступление вскоре превратилось

и повальное бегство, во время которого войска Тимур-Кутлуга и Идигу сумели перебить значительное число литовцев. Полегло немало русской, польской и литовской знати, среди погибших оказались даже герои Куликовской битвы — князя Андрей и Дмитрий Ольгердовичи и Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский. Таким образом, победа Тимур-Кутлуга на Ворскле в какой-то степени могла считаться реваншем за разгром Мамайя на Куликовом поле!

VIII

Естественно, ни о каком дальнейшем союзе с Витовтом после столь скандального разгрома не могло идти и речи. Токтамыш едва успел унести свою голову из владений разъяренного литовского князя, виновшего хана в поражении. Путь Токтамыша лежал на восток, в восточные степи, где теперь царило безвластие — ведь Тимур-Кутлуг и Идигу всеми силами старались сохранить безопасность западных границ Золотой Орды.

В результате Токтамышу удалось в очередной раз собрать своих сторонников и, по некоторым сведениям, именно он стал основателем Тюменского юрта, из которого впоследствии выросло Сибирское ханство. Его деятельная натура не могла смириться с тем, что сарайский трон потерян им навсегда, и хан продолжил борьбу за верховную власть.

Казалось, Токтамышу вновь может улыбнуться удача: в 1400 г. молодой еще Тимур-Кутлуг-хан таинственно скончался, и его сменил совсем юный двоюродный

брат Шадибек. Кроме того, сарайские властители умудрились окончательно рассориться с Тимуром, который, по слухам, вновь был готов совершить поход на Золотую Орду. Однако, по мере того, как менялись ханы и снижался авторитет верховной власти, крепла власть фактического правителя Золотой Орды — бекляри-бека Идигу, который стал к этому времени главным противником Токтамышша. В течение 1400–1405 гг. они дали друг другу не менее полутора десятков сражений, заканчивавшихся с переменным успехом.

В конце 1404 г. отношения между Идигу и Тимуром превратились в откровенно враждебные. Токтамыш увидел в этом свой шанс и немедленно отправил к Тимуром своих посланцев с письмом, в котором писал следующее: «За все плохое, что я сделал, получил сполна, все обернулось против меня. Если государь окажет милость, сжалится и простит мою вину, впредь никогда я таких дел не буду делать. И пока я жив, ничего, кроме служения ему, не буду делать». Железный Хромец на этот раз поверил Токтамышу. Многократно битый, хан уже не был тем самонадеянным юнцом, легко захватившим ханский трон и готовым броситься на любого противника. Теперь Тимуром предстояло иметь дело с достаточно пожилым и опытным правителем, который трижды подумает, прежде чем решится предпринять какие-то действия. И он выразил намерение помочь Токтамышу, как только завершит свой поход в Китай. Но 18 февраля 1405 г. Тимур скончался, едва начав запланированный поход. Его смерть стала ударом для Токтамышша, который

ни этот раз, видимо, понял, что больше не сможет рассчитывать ни на чью поддержку.

Поняли это и его противники Шадибек-хан и Идигу, которые в течение 1405–1406 гг. все туже и туже сжимали кольцо вокруг бывших владений Токтамыша. На рубеже 1406–1407 гг. хану, однако, удалось нанести серьезное поражение Идигу. Но вскоре тот собрал новые войска и обрушился на расположенную в верховьях Тобола ставку Токтамыша, совершенно не ожидавшего нападения. В завязавшейся схватке Токтамыш-хан был убит. По одним сведениям, его убил Идигу, под другим — его старший сын Нур ад-Дин, по третьим — сам хан Шадибек.

Многочисленные сыновья Токтамыша сумели спастись: одни бежали в Литву, другие нашли убежище в Москве. Они унаследовали энергию отца и его претензии на власть, так что последующие полтора десятилетия истории Золотой Орды представляли собой бесконечную череду попыток «Тохтамышевичей» занять трон, некогда принадлежавший их родителю. Но ни один из отпрысков Токтамыша ни унаследовал отцовских организаторских способностей и умения привлекать к себе многочисленных сторонников, да и за власть они боролись чаще между собой. Поэтому все эти годы фактическая власть в Золотой Орде принадлежала давнему недругу Токтамыша — Идигу мангыту.

Очерк двенадцатый
ЕДИГЕЙ, ИЛИ ПОСЛЕДНЯЯ
ПОПЫТКА ВОЗРОДИТЬ
ВЕЛИКУЮ ОРДУ
(временщик, 1397–1411/1419)

Личность и деятельность мангытского бия Идигу (Едигея русских летописей) полны противоречий. Многократно предававший своих повелителей, он, тем не менее, пользовался их доверием. Даже борясь за власть в Золотой Орде, он находил время для создания собственного Мангытского юрта, который спустя полвека после его смерти превратился в могущественную Ногайскую Орду. Находясь же пике могущества, Идигу вдруг потерпел полный крах и лишился всего — власти, владений, а затем и жизни. Но даже и после смерти его имя надолго осталось в народной памяти; он стал героем эпосов многих народов — чего не удаивались даже многочисленные ханы-Чингизиды.

I

Согласно позднейшей историографической и особенно эпической традиции, отцом Идигу был некий Кутлукья, потомок Ходжа-Ахмада Баба-Туклеса — полубогатого распространителя ислама в Дешт-и Кипчаке, который, в свою очередь, возводил свою родословную аж к первому арабскому халифу Абу Бакру, тестю и пре-

емнику пророка Мухаммада. Однако на самом деле Идигу был сыном эмира Балтычака из племени мангыт и принадлежал к кругам, близким к «Золотому роду»: его сестра была замужем за царевичем Тимур-беком из рода крымских Туга-Тимуридов.

Отец Идигу долгое время играл второстепенные роли на политической сцене, и только на закате жизни ему повезло: он стал бекляри-беком Синей Орды. Его предшественник, эмир Казанчи, бекляри-бек при хане Урусе, некоторое время успешно сражался с претендентом на трон Токтамышем (однажды даже лично ранив его в сражении), но когда трон перешел к Тимур-Малику б. Урусу, Казанчи, недовольный распутным поведением нового хана, как и многие другие эмиры, перебежал к Токтамышу. Тогда-то, в 1378 г., пост бекляри-бека и был пожалован Балтычаку, оставшемуся верным законному хану. На службе у ханов Синей Орды состоял и Иса, старший сын Балтычака.

Сам же Идигу, родившийся в 1352 г., не имел возможности воспользоваться преимуществами положения сына бекляри-бека: еще ранее, около 1376 г., он бежал от Урус-хана и нашел прибежище у Амира Тимура. Можно лишь гадать о причинах его бегства: в источниках о них не сообщается. Как бы то ни было, при дворе Тимура в Самарканде Идигу сошелся с Токтамышем, с которым деятельно сотрудничал последующее десятилетие. Вероятно, вместе с Токтамышем он участвовал в борьбе с Тимур-Маликом и завоевании Синей Орды.

После того как Тимур-Малику изменили почти все его эмиры и войска, и он бежал, а потом был схвачен и передан Токтамышу, его бекляри-бек Балтычак до

последнего оставался при своем повелителе. Отец Идигу отказался перейти на службу к Токтамышу и в качестве последней милости попросил, чтобы его казнили и похоронили вместе с его ханом. Его желание было исполнено: он был казнен, и его тело опустили в могилу, предназначенную для Тимур-Малик-хана. Ни Идигу, ни его старший брат Иса не попытались воспрепятствовать казни своего отца (хотя, возможно, именно они уговорили Токтамыша предложить Балтычаку поступить к нему на службу). Впрочем, нет сведений и о том, что они как-то были виновны в его смерти — в отличие, например, от Казанчи-бахадур, который, согласно источникам, собственноручно казнил своего отца, чтобы продемонстрировать верность Токтамышу.

В течение ряда лет Идигу и Иса находились при Токтамыш-хане, принимали участие в его борьбе за объединение Золотой Орды и затем вместе с ним обосновались, наконец, в Сарае. Идигу женился на Джаныке-ханум, дочери Токтамыша, и вместе с братом занимал высшие места при ханском дворе. Ряд средневековых авторов упоминает «мангытских смутьянов», которые в 1380-е гг. пользовались огромным влиянием при Токтамыше, оттеснив на второй план могущественных прежде эмиров из племен бахрин и кунграт — вероятно, это и были Идигу со своим братом.

Однако некоторое время спустя (опять же, по невыясненным причинам) Идигу разочаровался в своем повелителе. По-видимому, причиной тому была не слишком удачная, по мнению Идигу, карьера — ведь ему не удалось занять при Токтамыше желанный пост бекляри-бека, который получил сначала некий Али-бек, а затем вы-

неупомянутый Казанчи-бахадур. В результате, когда против Токтамыша в 1386 г. был составлен заговор — предположительно с целью возвращения трона потомкам Бату, — Идигу принял в нем самое деятельное участие. Однако заговор был раскрыт и подавлен, и Идигу пришлось бежать. Интересно, что его старший брат Иса (по-видимому, столь же ревностный служака, как и их отец), в заговоре участия не принимал и до последнего оставался верным Токтамышу.

Идигу вновь нашел убежище при дворе своего прежнего покровителя Амира Тимура, при поддержке которого установил связи с другими аристократами, недовольными правлением Токтамыша. В 1388 г. к Тимуру из Золотой Орды бежали также Чингизиды Кунче-оглан и, что было особенно важно для Идигу, Тимур-Кутлуг, приходившийся мангытскому эмиру родным племянником — сыном его сестры.

С их помощью Идигу принялся настраивать Железного Хромца против Токтамыша. Впрочем, ему не пришлось прилагать для этого больших усилий: как мы помним, Токтамыш и сам прекрасно справился с этим, разжегши сначала недовольство повелителя Мавераннахра, а затем и спровоцировав открытую войну.

II

Шанс отомстить хану Золотой Орды за свои истинные или мнимые обиды появился у Идигу в 1390–1391 гг., когда Железный Хромец выступил в первый поход против Токтамыша. Амир Тимур планировал лишить хана власти над восточным крылом его владений — Синею

Ордой. Во главе многочисленных войск он вторгся в Восточный Дешт-и Кипчак, население которого некогда первым признало власть Токтамыша, и двинулся в глубь ордынской территории.

Идигу и два его единомышленника, Кунче-оглан и Тимур-Кутлуг, выступили в качестве «проводников» Тимура, однако вряд ли их роль и в самом деле ограничилась только этим. Они не только привлекли на свою сторону ряд местных племен и эмиров, но и установили связь с военачальниками Токтамыша. В результате, как сам хан впоследствии жаловался польскому королю Ягайло, в разгар битвы с Тимуром на р. Кондурче в 1391 г. несколько ордынских военачальников изменили своему хану и бежали с поля боя, из-за чего Токтамыш потерпел поражение и потерял контроль над Синей Ордой.

Отметим, однако, что Идигу в данном случае можно было считать изменником своему хану, но вряд ли — своему народу и своей стране. Во-первых, ханские военачальники, вступившие в сговор с Идигу, не присоединились к чагатайским войскам, а всего лишь оставили своего хана и ушли на запад. Во-вторых, вскоре после поражения Токтамыша ордынские беглецы при дворе Амира Тимура обратились к своему покровителю с просьбой отпустить их «собрать свой улус», т. е. своих приверженцев, и поклялись, что вернутся к нему, Тимуру, на службу. Когда же Железный Хромец их отпустил, все трое занялись созданием собственных улусов и совершенно не собирались возвращаться в Мавераннахр.

Источники весьма скупо освещают последующие события в Восточном Деште. По-видимому, прежние

друзья по несчастью, Тимур-Кутлуг и Кунче-оглан, не сумели поделить власть в Синей Орде, поскольку имели равные права на ханский трон, и ни один не собирался уступать другому. Идигу, сплотивший вокруг себя немалое число приверженцев из разных племен, решил поддержать своего племянника, что и решило исход соперничества: Кунче-оглану пришлось, несолоно хлебавши, вернуться к Тимуру, и номинально власть над Синей Ордой перешла к Тимур-Кутлугу.

Между тем, Идигу, демонстративно поддержав своего племянника, на самом деле вовсе не собирался служить ему — у эмира были совершенно другие планы. Поэтому очень скоро он откололся от Тимур-Кутлуга, оставшегося с небольшим количеством сторонников, и бросил клич своим сородичам-мангытам, чтобы они переселялись на земли между Уралом и Эмбой из всех прочих областей Золотой Орды. Многие отозвались на его призыв, бросив Токтамышша, утратившего популярность после поражения на Кондурче. Однако Идигу, несмотря на свою принадлежность к племенной аристократии и даже родство с ханским семейством, все же не пользовался безоговорочной поддержкой соплеменников, поэтому к нему явились далеко не все мангыты. Даже Иса, родной брат Идигу, не отреагировал на его зов и остался при Токтамыш-хане.

Впрочем, и у Идигу были определенные козыри, которыми он умело пользовался, переманивая к себе подданных Токтамышша. Во-первых, он был ханским зятем и, к тому же, пользовался поддержкой Железного Хромца. Во-вторых, сам Идигу был личностью харизматической, обладал запоминающейся внешностью и способностью

привлекать к себе людей. Арабский историк Ибн Арабшах оставил его словесный портрет: «Был он очень смугл лицом, среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой проницательности и сообразительности, любитель ученых и достойных людей...» Перечисленные качества позволили Идигу добиться того, что многие племена Дешт-и Кипчака признали его лидерство. И это дало ему прекрасную возможность самому выбирать, кого поддержать и к кому присоединиться. А необходимость принять такое решение была.

III

Став в начале 1390-х гг. во главе крупных сил, разноплеменных, но объединенных его авторитетом, Идигу занялся созданием собственного, практически независимого, «княжества». Поскольку он предпочел опираться на своих соплеменников-мангытов, новое образование получило в источниках название «Мангытский юрт». Идигу привлекал к себе людей также и тем, что сулил им облегчение налогового бремени, которое существовало во владениях Токтамыша, отчаянно нуждавшегося в деньгах для продолжения борьбы с Тимуром.

Однако, несмотря на все свои прекрасные качества, покровительство сильных мира сего и родовые связи, Идигу не принадлежал к «Золотому роду». Для придания легитимности своей власти в Мангытском юрте он должен был получить официальное признание со стороны хана-Чингизида. Без такого признания ни одно «княжество» не имело перспектив долгого существования

(вспоминания о судьбе авантюристов Пулад-Тимура из Булгара или Хаджи-Черкеса из Хаджи-Тархана, пыгавшихся править независимо, еще не успели выветриться из памяти ордынцев!). Даже противоборствующие органы-Джучиды могли объединиться против Идигу, чтобы наказать представителя «черной кости», посягнувшего на их прерогативу — верховную власть. Наилучшим выходом из такой ситуации было решение поддержать одного из них, признать (о, конечно, чисто номинально!) его власть и с его помощью противостоять остальным.

Но кого именно? Уж явно не Тимур-Кутлуга, не Кунче-оглана и, тем более, не Койричака — сына Урус-хана, также бежавшего к Тимуру после того, как Токтамыш окончательно рассорился с Железным Хромцом. Владения этих трех претендентов на трон, даже вместе взятые, были куда меньше, чем Мангытский юрт! И Идигу решил... вступить в переговоры с Токтамышем, которого сам же ранее предал! Мангытский эмир не без оснований рассчитывал, что хан, уже не раз испытавший горечь поражений и отчаянно нуждавшийся в поддержке, сумеет переступить через свою гордость и ненависть к предателю и станет теперь гораздо сговорчивее.

Политическое чутье не подвело Идигу: Токтамыш, и в самом деле сильно нуждавшийся в союзниках для борьбы с Тимуром и сепаратистами или хотя бы в нейтралитете влиятельных эмиров, с готовностью пошел на условия Идигу. А условия были весьма и весьма амбициозны: бывший эмир, а ныне глава Мангытского юрта, выпросил у хана тарханство (освобождение от уплаты налогов) на все свои владения и заставил его фактически

отказаться от контроля над Синей Ордой и убрать оттуда своих чиновников — даруг и сборщиков налогов. Фактически Токтамыш санкционировал отпадение от Золотой Орды всех ее территорий к востоку от Урала и передал их под контроль Идигу. Взамен мангытский предводитель номинально признавал себя подданным хана Токтамыша и обязывался не поддерживать его врагов. Это было особенно важно в тех условиях, когда хан в любой момент мог ожидать нового вторжения Амира Тимура.

Такие отношения на тот момент устраивали обоих: хан обеспечил себе нейтралитет влиятельного и злопаятного эмира и даже бескровно вернул себе власть (хотя и чисто формально) над отпавшим Восточным Дешт-и Кипчаком, что тоже способствовало восстановлению его изрядно пошатнувшегося авторитета. Идигу, со своей стороны, признав себя подданным самого могущественного из противоборствующих Джучидов, обезопасил свой Мангытский юрт от посягательств других царевичей, которых в это время в Степи было немало. Более того, часть Джучидов восточного крыла, по-видимому, вынуждена была признать власть Идигу и поступиться в его пользу некоторыми своими привилегиями.

К чести Идигу, впрочем, надо сказать, что он скрупулезно выполнял свою часть соглашения. На протяжении нескольких лет он не вмешивался в дела Токтамыша и не вступал в сговор с его врагами. Так, в 1395 г., когда Амир Тимур в очередной раз выступил в поход против хана, разгромил его на Тереке, а затем разорил западное крыло Орды, Идигу не воспользовался случаем и не напал на хана с тыла. А что он не пришел к Токтамышу на

помощь и не прислал ему воинов для борьбы с Тимуром, так это и не предусматривалось условиями их соглашения ...

IV

Нашествие Тимура на Золотую Орду в 1395–1396 гг. существенно изменило расстановку сил в Дешт-и Кипчаке и дало Идигу шанс, которого он ждал всю жизнь. Он приступил к решительным действиям, вскоре вознесшим его на вершины власти в державе Джучидов.

Хан Токтамыш был разгромлен и лишился власти. Ханский трон Тимур передал своему ставленнику Койричаку, сыну Урус-хана. Свержение Токтамыша лишало юридической силы его соглашение с Идигу, и теперь мангытскому эмиру было необходимо заключить договор с новым ханом.

И вновь Идигу стал перед выбором — кого именно поддержать. Кандидатура ничтожного монарха Койричака его не устраивала по нескольким причинам. Во-первых, без поддержки Железного Хромца власть этого хана ограничивалась Сараем и его округой. Во-вторых, признание ставленника Амира Тимура могло дискредитировать самого предводителя Мангытского юрта. Наконец, в-третьих, Койричак был, ко всему прочему, сыном Уруса, с семейством которого у Идигу были далеко не безоблачные отношения. Эти соображения заставили Идигу вновь сблизиться со своим племянником Тимур-Кутлугом и признать его ханом Золотой Орды. После возведения на трон Тимур-Кутлуга мангытский эмир наконец-то стал бекляри-беком. На меньшее Идигу не

согласился бы, да и число его приверженцев среди сторонников Тимур-Кутлуга было преобладающим.

Свержение Токтамыша и последовавшая анархия в Золотой Орде сделали Идигу самым влиятельным правителем в распадающейся Золотой Орде. Поддержка им легитимного представителя ханского рода привлекла к бекляри-беку много новых сторонников, среди которых был и его старший брат Иса, прежде верно служивший Токтамышу: после того как этот хан лишился трона, Иса счел свои обязательства перед ним выполненными и с чистой совестью присоединился к брату и поддерживаемому им Тимур-Кутлуг-хану.

Значительно усилив войска бывшими сторонниками Токтамыш-хана, Идигу и Тимур-Кутлуг развязали военные действия против Койричака. Покорение Поволжья они начали с захвата Хаджи-Тархана. Захватив город, союзники созвали курултай, на котором состоялась официальная церемония коронации Тимур-Кутлуга и возведения Идигу в ранг бекляри-бека. Затем они двинулись на Сарай и в 1397 г. без особого труда выбили оттуда Койричака. Возможно, сам Койричак погиб в этом бою или чуть позже, поскольку больше упоминаний в источниках о нем не встречается. Таким образом, Тимур-Кутлуг воцарился в Сарае и был *de jure* признан ханом всей Джучидской державы.

С этим не мог смириться Токтамыш, также стремившийся вернуть трон Золотой Орды. В 1396 г. ему удалось восстановить свою власть в Крыму, и он почувствовал себя настолько уверенно, что вновь стал подумывать о захвате столицы. На рубеже 1397–1398 гг. Токтамыш предпринял рискованную попытку захватить Сарай

и даже преуспел в этом: выбрав момент, когда Идигу с основными силами в столице не было, по уговору с некоторыми столичными эмирами он занял город. Однако вскоре бекляри-бек подошел к столице, и Токтамыш был вынужден снова оставить ее — на этот раз уже навсегда.

Идигу прекрасно понимал, что неугомонный Токтамыш не остановится в своих попытках вернуть трон, и решил не ограничиваться его изгнанием из Сарая и Поволжья. Вместе с Тимур-Кутлугом бекляри-бек вторгся в Крым, разгромил Токтамыша и заставил бежать в литовские владения, после чего осадил Кафу, принадлежавшую генуэзским сторонникам свергнутого хана, и заставил местных жителей признать власть Тимур-Кутлуг-хана. Таким образом, к 1398 г. практически вся Золотая Орда находилась под контролем Идигу и его ставленника на троне.

Годом позже, в 1399 г., Идигу и Тимур-Кутлуг нанесли сокрушительное поражение Токтамышу и его союзнику литовскому князю Витовту на р. Ворскле. Обстоятельства изначально складывались не в пользу новых властителей Золотой Орды: Идигу с основными силами улаживал какие-то дела на востоке страны, и Тимур-Кутлуг вынужден был в одиночку противостоять превосходящим силам Витовта и Токтамыша. Литовский государь потребовал от хана беспрецедентных уступок: Тимур-Кутлуг должен был признать себя данником Витовта и чеканить монету с его портретом. Хан, оказавшийся не столь уж неопытным дипломатом, сделал вид, что соглашается на эти условия, и три дня затягивал переговоры, дожидаясь подхода бекляри-бека. Когда же подошел Идигу с основными силами, он сразу же

вмешался в переговорный процесс и потребовал аналогичных уступок от самого Витовта: платить Золотой Орде дань и чеканить монеты с ханским именем. В русских летописных источниках сохранился исторический анекдот, связанный с этими переговорами, на которых, якобы, лично встретились Витовт и Идигу. Витовт возмущенно отверг последнее условие, заявив, что не может проставлять имя хана на своих монетах, потому что тот, дескать, моложе его; на это Идигу с легкостью парировал, что сам он гораздо старше Витовта, так пусть, мол, князь чеканит на своих монетах его, бекляри-бека, имя!

Имел этот анекдот историческую основу или нет, ясно одно: Идигу решительно свернул переговоры и продемонстрировал свои намерения сражаться. В битве, состоявшейся 12 августа 1399 г., литовское войско понесло сокрушительное поражение, а его остатки бежали, причем сами Токтамыш и Витовт отступили одними из первых. Разгром вооруженных сил Литовского княжества открыл для ордынцев путь в земли Подолии, которые со времени захвата их Ольгердом в 1362 г. являлись яблоком раздора между Золотой Ордой и Литвой. Тимур-Кутлуг подошел к Киеву и взял с него 3 000 руб. в качестве откупа от разорения. Некоторые подольские города также сумели откупиться от хана, тогда как другие области вплоть до Луцка подверглись разорению и уничтожению.

Поражение на Ворскле заставило Витовта отказаться от планов дальнейших завоеваний на востоке: еще около 15 лет он не вмешивался в золотоордынские дела. Кроме того, был поставлен крест на его союзе с Токта-

мышем, которого литовский князь посчитал главным виновником поражения.

Между тем, сам Токтамыш по-прежнему, не собирався опускать руки и отказываться от борьбы за ханский трон. Он проявил чудеса изворотливости и удивительные организаторские способности, сумев пробраться сквозь владения Идигу на восток. Около 1400 г. ему удалось создать в Чинги-Туре (Тюмени) небольшое, но независимое государство, позднее известное под названием Тюменского юрта (ставшего основой для создания впоследствии Сибирского ханства). Как мы помним, в течение ряда лет Токтамышу удавалось не без успеха отражать нападения Идигу.

До бекляри-бека стали доходить тревожные слухи о том, что бывший хан вновь ищет сближения с Амиром Тимуром, с которым у самого Идигу в последнее время были сильные нелады. Мангытский эмир решил предупредить намерения Токтамыша и восстановить отношения с властелином Мавераннахра: он несколько раз отправлял к нему богатые дары и вежливые послания, в которых именовал себя сыном Железного Хромца. Поскольку Идигу являлся всего лишь эмиром, а не монархом, подобное признание «сыновнего статуса» несколько не умаляло ни его достоинства, ни престижа Золотой Орды.

Впрочем, выражаемая на словах лояльность к Тимурю несколько не помешала Идигу сразу после его смерти в начале 1405 г. развязать военные действия против его наследников и добиться значительных успехов. В 1406 г. Идигу выбил тимуридских наместников из Хорезма, давнего владения Золотой Орды, и назначил

его правителем сначала своего эмира Анка, а в 1409 г. — своего собственного сына Мубарак-шаха.

V

На рубеже 1399–1400 гг. в Золотой Орде произошла очередная смена монарха: при довольно таинственных обстоятельствах скончался молодой еще хан Тимур-Кутлуг. По официальной версии Тимур-Кутлуг умер от пьянства, однако есть все основания полагать, что Идигу решил избавиться от племянника, который в последнее время демонстрировал явное стремление к самостоятельности и не желал более мириться с опекой своего дядюшки и первого министра. На трон был возведен Шадибек (Шади-оглан) б. Кутлуг-бек, юный двоюродный брат Тимур-Кутлуга: слишком молодой для того, чтобы проводить самостоятельную политику, он был самой подходящей кандидатурой с точки зрения Идигу, который и при нем сохранил пост бекляри-бека. Его власть была настолько сильной, а авторитет настолько непоколебимым, что в иностранных государствах даже считали, что в Золотой Орде ханствует именно он, Идигу.

Решив внутренние проблемы, мангытский эмир позволил себе полностью сосредоточиться на борьбе с Токтамышем, которая продолжалась с переменным успехом в течение 1400–1406 гг., т. е. почти все правление Шадибека. В конце концов, зимой 1406–1407 гг. войска Идигу неожиданно напали на лагерь Токтамыша в низовьях Тобола, и во время этого нападения свергнутый хан был убит. Шадибек-хан, успевший за эти годы повзрослеть, решил приписать победу над Токтамышем

исключительно собственным заслугам. Кроме того, и этот хан, в свою очередь, начал тяготиться зависимостью от всемогущего бекляри-бека. В результате сложилась парадоксальная ситуация: законный монарх начал готовить заговор с целью свержения власти своего же первого министра!

Однако Идигу был гораздо могущественнее хана, и ему не составило труда раскрыть и подавить этот заговор. Шадибеку пришлось подумать о спасении жизни, и он бежал — сначала в Хаджи-Тархан, а когда люди Идигу настигли его и здесь, то в Ширван, правитель которого, ширваншах Ибрахим, признавал его ханом и до 1408–1409 гг. чеканил монету с его именем. На требования Идигу выдать хана ширваншах отвечал отказом. Лишь в 1409 г. Идигу удалось покончить с ханом, бросившим вызов его могуществу: Шадибек-хан был убит в Шемахе агентами мангытского эмира.

На опустевший ханский трон Идигу решил возвести одного из сыновей Тимур-Кутлуга, приходившихся бекляри-беку внучатыми племянниками. Старший, Тимур-оглан, к этому времени уже достиг совершеннолетия и отличался строптивым нравом, поэтому выбор Идигу пал на его младшего брата Пулад-бека, который и был провозглашен ханом на рубеже 1407–1408 гг.

Однако позиции самого Идигу несколько поколебались, поскольку он открыто выступил против законного хана Шадибека (им же самим возведенного на трон!) и сверг его. Глухое недовольство знати и народа заставило бекляри-бека подумать о восстановлении пошатнувшегося престижа. Для этого Идигу решил предпринять военную кампанию, которая бы завершилась успехом

и принесла большую добычу ему самому и его приверженцам. Выбор бекляри-бека, как и многих его предшественников, пал на Русь, правители которой в результате междоусобиц в Золотой Орде фактически перестали признавать сюзеренитет ханов. Великий князь Василий Московский, сын и наследник Дмитрия Донского, не только не платил «выход» и не совершал поездок в ханскую ставку, но еще и осмелился принять при своем дворе нескольких сыновей Токтамыша, которые не делали тайны из намерений вернуть себе трон Золотой Орды — наследие отца.

Впрочем, некоторое время Идигу поддерживал с великим князем дружественные отношения. Так, в 1406 г. ордынские войска по приказу Шадибек-хана и Идигу выступили на стороне Москвы в военном противостоянии с Литвой. И позднее Идигу всячески демонстрировал поддержку Василию Московскому, полагая, что усиление одного союзника будет способствовать и усилению второго.

Однако в ноябре 1408 г. Идигу счел Русь достаточно легкой добычей и двинулся против своего московского вассала-союзника с крупными силами. Василий Московский, как и его отец в 1382 г., срочно отъехал на Кострому для сбора войск, а оборону Москвы поручил своему двоюродному дяде Владимиру Андреевичу Серпуховскому, герою Куликовской битвы. Войска Идигу практически без сопротивления взяли Коломну, Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец. Затем ордынские отряды, рассыпавшиеся по русским волостям, вновь соединились под стенами Москвы и приступили к осаде.

Однако Идигу не удалось достичь поставленной цели: вскоре он был вынужден снять осаду, поскольку в это время в Сарае произошел новый государственный переворот, и Пулад-хан слал своему бекляри-беку отчаянные призывы о помощи. Так и не взяв Москвы, удовлетворившись лишь символическим «откупом» в 3 000 руб. с ее жителей, бекляри-бек поспешил в столицу Золотой Орды.

Как выяснилось впоследствии, великий князь московский оказался не менее опытным политиком, чем Идигу: Василий сумел использовать в своих интересах соперничество Джучидов и тем самым избежать фатальных последствий набега бекляри-бека. При поддержке великого князя Керим-Берди, один из сыновей Токтамыши, в начале 1409 г. обрушился на практически беззащитный Сарай, выбил оттуда Пулад-хана и занял трон. Идигу вскоре вытеснил захватчика из столицы и вернул трон своему ставленнику. Однако благоприятный момент для восстановления прежней власти над Русью был упущен: пошатнувшийся престиж Идигу не позволил ему в дальнейшем собрать столь крупные силы под своим началом, да и последующие события заставили его забыть о походе на Русь.

Пытаясь хотя бы отчасти сгладить впечатление неудачи, Идигу на обратном пути направил Василий Дмитриевичу послание. Бекляри-бек «журил» великого князя, что тот в течение правления уже третьего хана не присылает выхода, не приезжает в Орду и не направляет даже своих родичей или ближних бояр. В заключение Идигу настоятельно рекомендовал Василию I исправить положение, совершив все действия, которые бы

свидетельствовали о признании им власти ордынского хана. Об ответе великого князя на это послание источники не сообщают...

VI

Провал московского похода дорого обошелся Идигу: впервые за 12 лет ему пришлось отказаться от поста бекляри-бека. Впрочем, фактической власти он не утратил: бекляри-беком стал его родной брат Иса, никогда не выходивший из воли своего властного младшего брата. Таким образом, братья-мангыты не выпустили из рук управление Золотой Ордой. В том же 1409 г. Пулад-хан, бекляри-бек Иса и Идигу направили посольство к Шахруху, новому властителю державы Тимуридов, которое было благожелательно принято и возвратилось в Орду с богатыми дарами. В ходе переговоров было заключено соглашение о браке Мухаммада-Джуки-мирзы б. Шахруха с дочерью Идигу.

Однако даже частичная утрата власти Идигу вскоре привела к новому государственному перевороту в Сарая. В 1411 г. Пулад-хан был свергнут собственным старшим братом Тимур-огланом. Новый хан имел давние счеты с Идигу, который в обход его возвел на трон его младшего брата, и теперь, заняв трон, решил поквитаться с бывшим бекляри-беком.

Идигу — могущественному сановнику, менявшему ханов по своему усмотрению, — пришлось бежать из Сарая. Впервые за 20 лет он вновь стал беглецом! Идигу был объявлен врагом государства и не рискнул даже укрыться в собственных владениях: по некоторым сведе-

нием, против него выступил даже его старший сын Нур ад-Дин, недовольный тем, что стареющий отец выпустил из рук контроль над Золотой Ордой. В результате бывшему бекляри-беку пришлось искать убежища еще в Хорезме, правителем которого был другой его сын Мубрак-шах. В сопровождении еще одного сына, Султан-Махмуда (от Джаныке-ханум, дочери Токтамыш-хана), Идигу прибыл в Хорезм на рубеже 1411–1412 гг.

Тимур-хан немедленно отправил в погоню за беглецом войска под командованием своего нового бекляри-бека Текне и эмира Газана. Поначалу им удалось разгромить сторонников Идигу в битве недалеко от Хорезма и заставить его искать спасения за городскими стенами. Эмиры начали осаду, которая продолжалась около шести месяцев. Однако за это время в Поволжье вновь сменилась власть: Тимур-хан был свергнут Джалал ад-Дином, сыном Токтамыша, и лично прибыл в Хорезм к своим войскам. В борьбе с Тимур-ханом Джалал ад-Дин решил использовать свои родственные связи: эмир Газан был женат на его сестре, дочери Токтамыша, и новый хан предложил ему прикончить Тимур-хана, что тот и сделал. После этого, получив от Джалал ад-Дина пост бекляри-бека, Газан от имени нового хана потребовал от Идигу выдать ему Султан-Махмуда, обещая, что при выполнении этого условия Джалал ад-Дин заключит с ним мир. Идигу пообещал выполнить ханское требование, и Газан, удовлетворенный обещанием, снял осаду и отступил. Недовольный самовольными действиями Газана, Джалал ад-Дин отправил в Хорезм новое войско под командованием Каджулай-багатура, однако Идигу сумел его разгромить, причем сам Каджулай погиб в сражении.

Впрочем, это было последнее торжество мангытского эмира в Хорезме: в 1413 г. войска Шахруха захватили эту область, а ее правитель Мубарак-шах б. Идигу был вынужден бежать к отцу. К счастью для Идигу, Джалал ад-Дин-хан не смог воспользоваться его трудностями, поскольку погиб еще в 1412 г.: он был убит в сражении с собственным братом Керим-Берди.

Керим-Берди был ставленником и союзником Москвы, и это сильно не устраивало великого князя литовского Витовта, который, наконец-то, вновь осмелился вмешаться в дела Золотой Орды. В 1414 г. литовский государь выдвинул собственного ставленника на ордынский трон — Кебека, еще одного сына Токтамыша, который на короткое время занял трон в Сарае, но вскоре был вынужден отступить под натиском Идигу.

Чтобы снова занять пост бекляри-бека, Идигу был нужен хан, который официально утвердил бы за ним этот пост. Его выбор пал на Чокре-оглана, который одно время также скрывался при дворе сначала Амира Тимура, потом — его внука Абу Бакра, а после смерти Токтамыша при помощи Идигу возглавил Тюменский юрт. В 1414 г. Чокре и Идигу начали борьбу с Кебеком и победили его. Тем не менее, Кебек еще в течение ряда лет считался ханом в южнорусских землях, находившихся под контролем Литвы.

Однако победа над Кебеком вновь усилила позиции Керим-Берди, с которым Чокре и Идигу пришлось бороться на протяжении 1414–1416 гг. После ряда сражений противники разделили между собой сферы влияния: Волжская Булгария отошла к владениям Чокре и Идигу, а Керим-Берди стал управлять юго-западом Золотой

Орды. В конце концов победителем в их противостоянии оказался третий участник: очередной сын Токтамыша, ливовский ставленник Джаббар-Берди, в 1416 г. сумел покончить со своим старшим братом и провозгласил себя ханом. По некоторым сведениям, Нур ад-Дин, перенец Идигу, стал при нем бекляри-беком и действовал против отца. Приблизительно в это же время при туманных обстоятельствах сошел с исторической сцены и Чокре-хан. Идигу тут же провозгласил ханом Сайид-Ахмади, двоюродного брата Чокре, но вскоре и тот погиб, вероятно, в борьбе с Джаббар-Берди. Годом позже, в 1417 г., Джаббар-Берди, в свою очередь, лишился трона, бежал в Крым, а потом в Литву, но по пути был убит собственными спутниками. Трон перешел к очередному ставленнику Идигу — Дервишу. Идигу, достигший к этому времени весьма почтенного возраста, пользовался таким авторитетом, что на монетах нового хана с одной стороны чеканилось имя Дервиша, с другой — его бекляри-бека Идигу.

В 1419 г. Дервиш-хан был свергнут и убит Кадыр-Берди, одним из младших сыновей Токтамыша. Идигу вновь остался без хана и, спасая свою жизнь, бежал в Крым. Здесь он провозгласил ханом некоего Бек-Суфи из числа крымских Туга-Тимуридов (этот хан также стал чеканить монету не только со своим именем, но и с именем Идигу). В отчаянной попытке вернуть верховную власть в Золотой Орде, бекляри-бек лихорадочно искал союзников для борьбы с потомками Токтамыша. Он даже обратился к своему давнему врагу — литовскому князю Витовту, которому направил послание, дошедшее до нас в составе польского историка XV в.

Яна Длугоша. Письмо это содержало, в частности, следующее: «Князь знаменитый! В трудах и подвигах, продиктованных честолюбием, застигла нас обоих унылая старость. Посвятим же миру остаток дней наших! Кровь, пролитая нами в битвах взаимной ненависти, уже поглощена землей; слова бранные, которыми мы поносили друг друга, рассеяны ветром; пламя войны очистило наши сердца от злобы; года погасили пламя». Однако звезда основателя Мангытского юрта, кажется, на этот раз закатилась окончательно: Витовт никак не отреагировал на его послание. Бек-Суфи вскоре был разбит Кадыр-Берди-ханом, хотя еще и сохранял власть над отдельными областями в Крыму до 825 г. х. (1422 г.), пользуясь поддержкой Витовта. Идигу не остался при разгромленном хане, а решил укрыться в собственных владениях на Урале. Однако его отношения с сыновьями продолжали ухудшаться: все они уже достигли солидного возраста и тяготились чрезмерной властью отца, которому, по их мнению, давно следовало уйти на покой и позволить им самим заниматься ордынской политикой.

В том же 1419 г. Идигу решил возвести на трон очередного своего ставленника — Хаджи-Мухаммад-султана. Бекляри-бек даже заставил своих сыновей дать обещание этому царевичу поддерживать его в борьбе за Сарай после его, Идигу, смерти. Эта предосторожность оказалась отнюдь не лишней: в 822 г. х. (на рубеже 1419–1420 гг.) Идигу погиб от рук приверженцев Кадыр-Берди. По одной версии, в стычке с ними он получил серьезные раны, от которых вскоре умер, по другой — был буквально разрублен на куски в самой битве.

По иронии судьбы, Кадыр-Берди примерно в те же дни погиб в Крыму...

Судьба Идигу оказалась гораздо счастливее, чем у других золотоордынских временщиков — в частности, Ногай и Мамай. Во-первых, с его гибелью созданное им собственное владение не погибло, а напротив — росло и набирало могущество и вскоре, под именем Ногайской Орды, достигло расцвета и заставило считаться с собой соседние государства от Москвы и Литвы на западе до Кивахского ханства и Могулистана на востоке. В течение XV–XVIII вв. ногайскими правителями были многочисленные потомки Идигу. Во-вторых, в летописных источниках и особенно в народной памяти Идигу удостоился исключительно положительных отзывов. В эпосе различных народов до нашего времени сохранились песни и дастаны (поэмы) об Идигу, в которых он представлен народным героем, борцом со злом и тиранией.

Авторитет Идигу был настолько высок, что после его смерти его сыновья, внуки и правнуки в течение всего XV в. неоднократно становились бекляри-беками при многочисленных ордынских ханах. Чаще всего именно поддерживаемые ими претенденты на престол становились верховными властителями Золотой Орды. Таковым являлся, в частности, и герой нашего следующего очерка Улуг-Мухаммад-хан.

Очерк тринадцатый
УЛУГ-МУХАММЕД, ИЛИ
ОТ САРАЯ ДО КАЗАНИ
(хан, 1419–1437)

Судьба Улуг-Мухаммада в полной мере отражает политическую историю Золотой Орды первой половины XV в. Все это время не прекращалась борьба за власть царевичей, слишком гордых и знатных, чтобы признать над собой власть кого-либо из родичей и недостаточно могущественных, чтобы подчинить себе остальных. Орда распадалась на самостоятельные улусы, не подчиняющиеся центральной власти. Вчерашние враги становились союзниками и наоборот. Все это в полной мере испытал Улуг-Мухаммад в течение своей долгой и богатой событиями жизни.

I

В «Сборнике летописей», составленном тюркским историком начала XVII в. Кадыр-Али-бием Джалаири, содержится степное предание о том, что Идигу, тяжело раненный в битве со сторонниками хана Кадыр-Берди б. Токтамыша, сумел скрыться от своих врагов, однако один оглан из потомков Джучи, находившихся при нем, предал его сторонникам хана, и они нашли и прикончили старого бекляря-бека. Этим огланом был Ичкили-Ха-

они из крымской ветви потомков Туга-Тимура. Предки Ичкили-Хасана обосновались в Крыму еще в 1260-е гг., его братья Али и Таш-Тимур были владельцами крымского улуса, и можно лишь догадываться, как сам он оказался на Стардарье, где Идигу нашел свой конец. Вероятно, Идигу захватил его с собой при отступлении из Крыма, и царевич в отместку за это выдал его сторонникам сына Токтамыша. Сам Ичкили-Хасан-оглан больше в истории не упоминается: возможно, вскоре после его предательства сыновья Идигу сумели расправиться с ним, отомстив за смерть отца. Но вскоре ханом был провозглашен сын Ичкили-Хасана — Мухаммад-оглан, впоследствии известный как Улуг-Мухаммад-хан.

Мухаммад-оглан (Мухаммад-султан) впервые предъявил претензии на трон в 1419 г. — по крайней мере, к этому времени относятся самые ранние монеты с его именем. По-видимому, он пользовался поддержкой крымской знати: на трон он вступил при помощи могущественного эмира Текне из рода Ширин, а поддержку других аристократических родов хан снискал, подтвердив своими ярлыками ряд льгот, пожалованных им предыдущими ханами. Пользуясь анархией, наступившей в Золотой Орде после гибели Идигу, Мухаммад-хан выступил из Крыма и сумел захватить власть в Волжской Булгарии и Хаджи-Тархане и провозгласил себя общеордынским ханом.

Согласно завещанию Идигу, его сыновья, мангытские (ногайские) эмиры, поддерживали тюменского владельца Хаджи-Мухаммад-хана из рода Шибанидов,

которому с их помощью удалось установить власть над значительной частью бывшей Синей Орды. Не предпринимая попыток захватить Поволжье, Хаджи-Мухаммад довольствовался властью над Восточным Дештом. И хотя сам он и его преемники продолжали именоваться «ханами Дешт-и Кипчака», то есть считали себя преемниками золотоордынских государей, фактически они стали правителями нового государства, известного в историографии как «государство кочевых узбеков». С этого времени восточная часть Золотой Орды окончательно вышла из-под власти сарайских ханов.

Однако далеко не все царевичи и западного крыла (бывшей Белой Орды) были готовы признать власть Мухаммад-хана. Его не поддержали даже собственные двоюродные братья — Худайдат б. Али и Девлет-Берди б. Таш-Тимур, поскольку сами питали надежду занять трон. В результате Мухаммад-хан на рубеже 1421–1422 гг. был разгромлен Бораком б. Койричаком, внуком Урус-хана. Борак имел многочисленных приверженцев в бывшей Синей Орде и пользовался поддержкой самаркандского правителя мирзы Улугбека. Также, что было особенно важно, на сторону Борака стал Мансур, старший сын Идигу, унаследовавший после смерти отца титул бия — главы Мангытского юрта. Сначала Мансур, согласно завещанию отца, поддерживал Хаджи-Мухаммада, но потом счел более подходящим ханом Борака, который назначил Мансура своим бекляри-беком. При поддержке многочисленной мангытской армии Бораку

удалось разгромить Мухаммад-хана и изгнать его из Поволжья.

Мухаммад-хан бежал в Литву, к своему союзнику великому князю Витовту, у которого провел несколько лет. Он благоразумно не стал пытаться сразу же вернуть трон, прекрасно понимая, что у Борака найдутся и другие соперники. Так и оказалось: против пришельца с востока сразу же выступили несколько претендентов на трон. Первым из них стал Худайдат б. Али, двоюродный брат Мухаммад-хана, также крымский царевич. Затем в борьбу включился Гийас ад-Дин б. Шадибек-хан, захвативший сначала Хаджи-Тархан, а затем и Волжскую Булгарию.

II

Борак поначалу добился некоторых успехов: в 1422 г. ему удалось разгромить Худайдата и прогнать его к самым границам Руси. Очевидно, Худайдат рассчитывал на помощь великого князя литовского или Москвы, но ошибся: в следующем году Борак совершил предупредительный рейд в пределы Одоевского княжества, в результате чего ни Литва, ни Москва не стали вмешиваться в ордынскую междоусобицу, ограничившись защитой своих границ. В 1424 г. Худайдат, вероятно, решил наказать литовского князя за то, что тот не пришел ему на помощь, и сам совершил рейд на Одоев, однако Витовт выслал против него войска, на помощь которым двинулись и отряды великого князя московского Василия Васильевича (он был сыном Софьи, дочери Витовта). Не дожидаясь

подхода москвичей, литовцы разгромили Худайдата, которому удалось бежать, однако победителям достался даже гарем хана с двумя его женами. После этого имя Худайдата в источниках не упоминается: очевидно, лишившись войск, он вскоре был убит Бораком.

Именно в это время Витовт, увидев, что Золотая Орда достаточно ослаблена междоусобицами, счел возможным поддержать Мухаммад-хана. На рубеже 1424-1425 гг. Мухаммад с литовской помощью вновь объявил себя ханом в Крыму и вскоре подчинил себе весь полуостров, включая генуэзские колонии на южном побережье. Затем Мухаммад-хан двинулся на северо-восток, сравнительно легко захватил Хаджи-Тархан и, наконец, вступил в схватку с Бораком за Сарай. На этот раз удача улыбнулась Мухаммад-хану: к 1426 г. ему удалось взять верх над соперником и прогнать его обратно на восток.

Борак решил компенсировать потери на западе новыми приобретениями на востоке и попытался отвоевать часть бывших владений Золотой Орды у своего же покровителя Улугбека, правителя Мавераннахра. Улугбек и его брат Мухаммад-Джуки выступили против Борака, но были разбиты, хотя и имели больше войск. Тогда в борьбу вмешался их отец Шахрух, могущественный правитель Хорасана, которому удалось прогнать неблагодарного протеже от границ Мавераннахра. В результате этой неудачи от Борака отшатнулись многие его приверженцы, включая бекляри-бека Мансура б. Идигу, который начал вести переговоры с одним из конкурентов Борака (возможно, со своим прежним ставленником

Хиджи-Мухаммадом). Борак узнал об измене бекляр-бека и приказал его казнить.

Казнь Мансура устрасила других эмиров Борака и тем самым несколько укрепила его положение — настолько, что в 1427 г. он вновь решился вторгнуться в Поволжье и даже победил Мухаммад-хана, захватив Сарай. Причиной победы Борака стало то, что Мухаммаду-хану, вероятно, пришлось перебросить часть своих сил в Крым, где в это время объявил себя ханом Девлет-Берди б. Таш-Тимур, еще один двоюродный брат Мухаммада. В итоге Мухаммад-хан потерпел поражение от Борака и был вынужден покинуть Сарай, сохранив власть лишь над Волжской Булгарией и Хаджи-Тарханом.

К счастью для Мухаммада, Девлет-Берди не воспользовался его трудностями и не выступил против него, и вместо этого атаковал Сарай и, в свою очередь, захватив столицу, провозгласил себя ханом Золотой Орды. Однако торжество Девлет-Берди длилось совсем недолго: по словам свидетеля событий, германского наемника Иоганна Шильтбергера, буквально три дня спустя новому хану пришлось уступить трон вернувшемуся Бораку. Весьма вероятно, что Девлет-Берди погиб в бою с ним, поскольку после 1427 г. его имя не упоминается в источниках.

Поражение и гибель двоюродного брата принесли двойную пользу Мухаммад-хану: во-первых, исчез конкурент в борьбе за власть над Крымом, во-вторых, Борак понес в сражении с ним большие потери, и Мухаммаду

без особого труда удалось вновь изгнать его из Сарая — на этот раз окончательно. А на рубеже 1428–1429 гг. Борах-хан погиб: он был убит Гази и Наурусом, сыновьями Идигу, мстившими хану за казнь их старшего брата Мансура. Так Мухаммад-хан чужими руками избавился от трех конкурентов в борьбе за власть!

Вернув трон, Мухаммад-хан предпринял попытку укрепить пошатнувшийся авторитет Золотой Орды на международной арене. 27 джумада ал-авваль 831 г. х. (14 марта 1428 г.) он отправил турецкому султану Муриду II послание, в котором сообщал о победе над соперниками и предлагал восстановить дружбу и союз, которые поддерживали их предки. Годом позже хан отправил послание и в Египет, однако на этот раз дело кончилось конфузом: согласно египетскому историку ал-Айни, «с ними [ханскими послами — *Р. П.*] были подарок и два письма, одно из них на арабском, другое на уйгурском языке, но никто не понял содержания его (уйгурского письма), и не оказалось никого, кто бы разобрал это писание».

Приблизительно в это же время к Мухаммад-хану прибыли послы германского императора Сигизмунда, который создавал коалицию для борьбы с турками. Поскольку Мурад II и его союзник египетский султан Барсбай не отреагировали на инициативы Мухаммада, хан решил вступить в контакт с их противниками и благожелательно принял послов императора, дав понять, что не против союза с ним. В то же время Мухаммад-хан актив-

но поддерживал связи со своим покровителем литовским князем Витовтом, который в 1429 г. писал великому магистру Ливонского ордена: «Царь Махмет... через посла своего предложил нам прочный союз». Несколько позднее, в 1433 г., Мухаммад-хан и сам вел переписку с ливонским магистром. Казалось, на трон Золотой Орды, наконец-то, вступил хан, которому удалось объединить ее под своей властью и вновь поднять международный престиж державы Джучидов.

III

Однако активно заняться большой международной политикой Мухаммад-хану так и не пришлось: вскоре в его государстве начались новые смуты.

Во-первых, улус Борака возглавили его сын Абу Саид Джанибек и двоюродный племянник Гирей, пришедшие к власти не Мухаммад-хана, а Шибанидов, правивших в Восточном Деште. Кроме того, Гази и Наурус, участвовавшие в борьбе с Бораком, действовали отнюдь не в интересах Мухаммад-хана: около 1428 г. они поддержали нового претендента на трон — Мухаммад-султана б. Тимур-хана. Новый претендент имел сильную поддержку в Хаджи-Тархане, откуда и начал свой путь к власти. С этого времени в борьбе за трон Золотой Орды столкнулись два Мухаммад-хана, и, чтобы их не путать, нашего героя стали называть Улуг-Мухаммадом («Большим/Старшим»), а его соперника — Кичи(Кучук)-Мухаммадом («Малым/Младшим»).

Как раз в это время волжские степи страдали от засухи и мора. Вероятно, неспособность Улуг-Мухаммад-хана как-то помочь своим подданным справиться с бедствием оттолкнула от него многих из них и заставила их отдаться под покровительство Кичи-Мухаммада. Пользуясь поддержкой населения Нижнего Поволжья и могущественных ногайских князей Гази и Науруса, Кичи-Мухаммаду не составило бы труда победить Улуг-Мухаммада, который вряд ли мог воспользоваться поддержкой крымских эмиров или Литвы, пока находился в Поволжье. На его счастье, между Кичи-Мухаммадом и сыновьями Идигу произошла ссора, в результате которой мангытские эмиры покинули своего ставленника. Гази перешел к Шибаниду Юмадуку, новому хану Восточного Дешта, стал его бекляри-беком, но вскоре был убит ханскими приближенными, позавидовавшими его быстрой карьере. Наурус же переметнулся на сторону Улуг-Мухаммада вместе со всеми своими войсками. Обрадованный сарайский хан немедленно назначил его своим бекляри-беком и вместе с ним еще в течение ряда лет не без успеха противостоял Кичи-Мухаммад-хану.

Однако возвышение ногайского эмира сильно оскорбило других влиятельных приближенных Улуг-Мухаммада — Текне, предводителя рода Ширин, и Хайдара, главу рода кунграт, которые уже много лет были связаны с ханом и немало сделали для его прихода к власти. А Улуг-Мухаммад, отличавшийся властностью и гордым нравом, не только не попытался вновь нала-

дить отношения со своими приверженцами, но вскоре и добавил им поводов для недовольства.

В 1430 г. Хайдар Кунград без ханского ведома напал на литовские окраины и обманом захватил Григория Протасьева, воеводу города Мценска: не сумев взять город, эмир заманил воеводу на переговоры и пленил. Но когда торжествующий Хайдар привез пленника в ставку хана, Улуг-Мухаммад «поругаася Аидару и не похвали его о томъ, и почтивъ Григоріа отпусти его». Некоторые историки склонны объяснять этот поступок благородством хана, представлявшим собой, по словам Н. М. Карамзина, «пример чести, весьма редкий между шарварами». Но скорее всего, хан поступил так, поскольку не желал портить отношения со своим союзником — литовским князем. Однако Хайдар воспринял действия хана как личное оскорбление и затаил на него обиду.

А год спустя хан сильно оскорбил и Текне Ширина.

Благодаря своим успехам в борьбе с соперниками в конце 1420 — начале 1430-х гг., Улуг-Мухаммад считался верховным ханом в глазах всех вассалов Золотой Орды и, соответственно, был для них высшей судебной инстанцией. Поэтому именно к нему в 1431 г. явились для разрешения спора о великом княжении Василий Васильевич Московский и его дядя Юрий Дмитриевич Звенигородский. Юрий заручился поддержкой Текне, который обещал ему всяческое содействие и даже пригласил погостить в своих крымских владениях, пока идет подготовка к суду. Текне убеждал звенигородского князя, что имеет большое влияние на хана, и что сам Юрий яв-

ляется главным претендентом на великокняжеский стол, будучи старшим из потомков Дмитрия Донского и в соответствии с завещанием своего отца.

Однако интересы Василия Васильевича представлял весьма опытный дипломат и интриган — боярин Иван Дмитриевич Всеволожский. Выступая перед ханским судом, он сумел сыграть на гордости и властности хана, заявив, согласно русским летописям: «Наш государь великы князь Василей ищетъ стола своего великого княжения, а твоего улусу, по твоему жалованию и по твоим девтерем и ярлыком, а се твое жалование перед тобою. А господинъ нашъ князь Юрьи Дмитриевич хочет взяти великое княжение по мертвои грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волного царя, а ты ищешь в своемъ улусе, кого въсхощешь жаловати на твою воле». Кроме того, Иван Всеволожский сумел внушить хану и его советникам, что Юрий Дмитриевич слишком уж сближается с Литвой, тогда как Василий Васильевич был и остается верным «холопом» хана. Это тоже сыграло свою роль в решении хана. В результате Улуг-Мухаммад-хан, имевший претензию считать себя не только грозным владыкой, но и справедливым судьей, склонился на сторону Василия II. Когда же Иван Всеволожский упомянул, что Тегне Ширин намерен поддержать Юрия, хан в гневе заявил: «аще речет Тегиня за князя Юрья о великом княженъе, то убити его повелеваю». В 1432 г. торжествующий Василий Васильевич вернулся в Москву.

Правосудие Улуг-Мухаммада, однако, дорого обошлось ему: оскорбленный ширинский эмир затаил на него обиду. Текне вступил в сговор с другим обиженным — Хайдаром кунгратам, вместе с которым и стал строить планы мести хану.

IV

Долго ждать эмирам-заговорщикам не пришлось: в том же 1432 г., когда против Улуг-Мухаммада в очередной раз выступил Кичи-Мухаммад, Текне и Хайдар покинули своего повелителя и откочевали в Крым со всеми своими приверженцами. Не довольствуясь просто уходом от Улуг-Мухаммада, эмиры решили отнять у него и сам полуостров: они выдвинули нового претендента на трон — Сайид-Ахмада б. Керим-Берди, внука Токтамыша, власть которого вскоре признал весь Крым.

В довершение прочих неприятностей Улуг-Мухаммада, еще в 1430 г. скончался великий князь литовский Витовт, давний покровитель и союзник Улуг-Мухаммада. Между его преемниками Свидригайло Ольгердовичем, братом польского короля Ягайло, и Сигизмундом Кейстутьевичем, братом самого Витовта, началась борьба за власть. В 1431–1433 гг. Улуг-Мухаммад поддерживал Свидригайло и даже неоднократно присылал ему войска для борьбы с родным братом — королем Ягайло. Но уже в 1433 г. Свидригайло в письме ливонскому магистру сообщил о своем союзе с противником Улуг-Мухаммада — Сайид-Ахмадом. Улуг-Мухаммад пытался заручиться поддержкой Сигизмунда, но тот сам погряз

в борьбе со Свидригайло и не мог стать полезным союзником. Таким образом, сарайский хан был вынужден в одиночку противостоять Кичи-Мухаммаду.

В результате, когда Кичи-Мухаммад начал очередное наступление, Улуг-Мухаммаду пришлось прибегнуть к дипломатии, чтобы сохранить власть хотя бы над частью прежних владений. Около 1432/1433 г. Улуг-Мухаммад и Кичи-Мухаммад заключили договор: Мухаммад Большой отказывался от претензий на Поволжье и сохранял за собой владения к западу от Волги, включая Крым и Северное Причерноморье. К Мухаммаду Малому, таким образом, отошли центральные области Золотой Орды и сомнительное право владеть Сараем, на который в это же время стал засматриваться и казанский владетель Гийас ад-Дин б. Шадибек. Многократно разоренная столица, однако, не прельщала Кичи-Мухаммада, и его главной ставкой продолжал оставаться Хаджи-Тархан.

В течение 1433–1436 гг. в Золотой Орде, таким образом, сохранялся определенный паритет: три хана — Улуг-Мухаммад, Кичи-Мухаммад и Сайид-Ахмад — не решались нападать один на другого, опасаясь, что третий в это время ударит с тыла. Ситуация была настолько необычной, что в 1434 г. великий князь московский, не желая попадать впросак, решил выплатить ордынский «выход» всем трем ханам! Впрочем, по словам венецианского дипломата И. Барбаро, побывавшего в это время в Золотой Орде, Улуг-Мухаммад номинально продолжал считаться старшим ханом.

Но в 840–841 гг. х. (1436–1437 гг.) вооруженному нейтралитету пришел конец. Наурус, бекляри-бек Улуг-Мухаммад-хана, в свою очередь, не поладил с ханом и переметнулся к Кичи-Мухаммаду, получив и у него пост бекляри-бека, некогда принадлежавший его брату Гази. Воспользовавшись ослаблением «Большого» Мухаммада, на него тут же напал Сайид-Ахмад. А некоторое время спустя из Хаджи-Тархана подоспел и «Маленький» Мухаммад, который, наконец, разгромил своего давнего врага. Добить Улуг-Мухаммада окончательно ему помешала досадная мелочь: пока Кичи-Мухаммад воевал в южных степях, Сарай был все же захвачен казанским правителем Гийас ад-Дином, и «Маленькому» Мухаммаду пришлось срочно выбивать нового врага из своей официальной столицы. Гийас ад-Дин удерживал город около месяца, но, в конце концов, был побежден и, вероятно, убит Кичи-Мухаммадом.

Армия Улуг-Мухаммада после двух разгромов была рассеяна, часть его подданных перешла к ханам-соперникам, часть перекочевала в Литву. Теперь при нем насчитывалось не более 3 000 чел. Понимая, что представляет легкую добычу для своих соперников, хан решил уйти в пределы Руси. В конце 1437 г. беглый хан разбил лагерь под г. Белевом и стал думать о своих дальнейших действиях.

V

Первым делом Улуг-Мухаммад-хан отправил послание Василию Московскому, в котором просил разрешить

ему пребывание в пределах Руси. Великий князь не имел причин отказывать беглому хану, тем более что номинально Белев находился под властью Литвы, хотя его правители и стремились перейти в московское подданство. Между великим князем и ханом был заключен договор, подтверждающий прежние дружественные отношения. Однако вскоре к хану, построившему под Белевом собственный «городок», стали стекаться многочисленные приверженцы. Ситуация вызвала беспокойство белевских князей, и они отправили великому князю послание с просьбой принять меры.

Василий II оказался в сложном положении: с одной стороны, он находился в дружбе с Улуг-Мухаммадом, с другой стремился укрепить свою власть над Белевом. В конце концов, великий князь решил, что хан со своим небольшим войском не может быть ни ценным союзником, ни опасным врагом, и направил ему послание, в котором требовал покинуть пределы Белевского княжества. Хан, возмущенный вероломством Василия II и его неблагодарностью за прежние ханские благодеяния, отказался, и тогда московский государь отправил против него войска.

Московские войска под командованием Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного, сыновей Юрия Звенигородского и двоюродных братьев великого князя, направились к Белеву. Оказавшись перед многочисленным московским войском, Улуг-Мухаммад, едва ли не унижаясь перед противником, попытался избежать битвы, грозившей ему неминуемым поражением. Он отправил

на переговоры с московскими воеводами своего зятя «Гиббердея» и эмира Хусайна б. Сарая, суля в обмен на мир беспрецедентные перспективы: клялся не только избавить Москву от уплаты «выхода», но и сам обязывался выплачивать великому князю дань, обещал выдать ему в заложники одного из своих сыновей и пр. Однако гордые сознанием своей силы, братья великого князя высокомерно отвергли его просьбы и предложения. И когда ханские посланцы принесли своему повелителю их отказ, стало окончательно ясно, что сражения не избежать, хан стал готовиться к бою.

В битве под Белевом, состоявшейся 5 декабря 1437 г., московские войска сначала обратили ханских воинов в бегство, но ордынцы неожиданно ворвались в Белев, в котором и закрепились. При штурме города погибли московские воеводы Петр Кузьминский и Семен Волынец, что несколько охладило пыл москвичей. Воспользовавшись их нерешительностью, хан сам перешел в наступление и в кровопролитном бою сумел разгромить войска великого князя. Позднейшие летописцы, стремясь объяснить столь позорное поражение, в результате которого «малое и худое оно безбожных воинство одолеша тмочисленным полком нашим», быстро нашли виноватого. Им оказался вышеупомянутый мценский воевода Григорий Протасьев, некогда милостиво отпущенный из ордынского плена Улуг-Мухаммадом: он, якобы, попытался примирить москвичей с ханом, но пока шли переговоры, дал сигнал ханским войскам напасть на русский лагерь, что и привело к поражению ве-

ликокняжеских войск. Два года спустя, в 1439 г., Василию II удалось захватить Протасьева, который был жестоко наказан за свое вероломство: великий князь ему «очи вымал».

Победа над московскими войсками позволила Улуг-Мухаммаду прочно закрепиться в его новых владениях. Вскоре ему принесли присягу удельные владельцы Среднего Поволжья — мордовские и болгарские князья, а также владетель Казани Али-бек, сменивший Гийас ад-Дина б. Шадибека, погибшего при попытке захвата Сарая. Так в Среднем Поволжье фактически было создано еще одно независимое джучидское государство, которое Улуг-Мухаммад устроил по образу и подобию Золотой Орды: он создал при себе совет четырех карачи-беев (из родов Аргын, Барын, Ширин и Кипчак) и назначил в подвластных ему областях даруг (баскаков).

Большой удачей для хана оказалось то, что в это время ему не пришлось противостоять своим соперникам: Сайид-Ахмад в 1441 г. лишился власти над Крымом и теперь вступил в борьбу с Кичи-Мухаммадом за Северное Причерноморье и Поволжье. Благодаря их соперничеству, Улуг-Мухаммаду удалось наладить связи с кавказскими вассалами Золотой Орды, в частности, с черкесами, от которых он нередко получал подкрепления для своих военных предприятий.

Разгневанный на великого князя московского за его вероломство, Улуг-Мухаммад неоднократно демонстрировал ему свою враждебность. Так, по некоторым сведе-

нием, вскоре после Белевской битвы, в начале 1438 г., хан захватил Нижний Новгород, в это время находившийся под властью Москвы, и пробыл здесь около года. А уже весной 1439 г. Улуг-Мухаммад внезапно оказался под стенами Москвы, которую осаждал в течение 10 дней. Столицу Василия II ему взять не удалось, однако ее округу хан сильно разорил. Явным анти-московским ходом Улуг-Мухаммада стало вручение в 1442 г. ярлыка на Нижний Новгород князю Даниилу Борисовичу — представителю суздальской династии, правившей здесь до захвата города московскими князьями. До самой кончины престарелого (на восьмом десятке) князя Даниила хан поддерживал его, тем самым создавая немалую проблему для господства москвичей в Поволжье.

Однако не все действия Улуг-Мухаммада против Москвы были столь удачны. Так, зимой 6952 (1443/1444) г. его сын Мустафа вступил в пределы Рязанского княжества, разграбил ряд поселений и захватил немало пленников. Не придумав ничего умнее, царевич решил продать пленников здесь же, в рязанской земле, рассчитывая, вероятно, что их выкупят родственники. В это время ударили сильные морозы, и Мустафа заставил жителей Переяславля впустить его воинов в город на зимовку. Узнав об этом, великий князь Василий II выслал против ханского сына войска, к которым присоединились мордовские князья, враждебные Улуг-Мухаммаду. Напуганные переяславцы заставили царевича покинуть город, и ему пришлось сражаться в страшный мороз сразу на три фронта: с москвичами, мордвой и рязанскими

«казаками». В результате в бою на р. Листани отряд Мустафы погиб вместе со своим предводителем, а уцелевшие эмиры и воины попали в плен к москвичам. Естественно, гибель сына не добавила Улуг-Мухаммаду любви к московскому государю.

В 1444 г., когда скончался поставленный ханом нижегородский князь Даниил Борисович, в Нижний Новгород вновь вступили московские наместники. Улуг-Мухаммад, не желая, чтобы город вернулся под руку Москвы, немедленно захватил его. Московские воеводы сумели закрепиться в городском кремле, где стойко отбивали штурмы ханских войск, а весь остальной город оказался под контролем хана. Обосновавшись в стратегически важном городе, Улуг-Мухаммад начал дальнейшее продвижение в глубь русских земель. В конце того же года его войска захватили также и Муром.

VI

Появление в Среднем Поволжье нового ханства, правитель которого настойчиво требовал от Москвы признания его сюзеренитета и выплаты «выхода», не могло не обеспокоить московское правительство. Великий князь Василий Васильевич решил уничтожить эту опасность в зародыше и после захвата Улуг-Мухаммадом Мурома собрал войска и выступил против хана. На помощь к великому князю прибыли его близкие родичи Дмитрий Шемяка Галицкий, Иван Андреевич Можайский с братом Михаилом Белозерским и Василий Ярославич Серпуховский. Зимой 1444/1445 г. объединенные

войска Московской Руси выступили против хана. Узнав о приближении столь многочисленного войска, Улуг-Мухаммад не решился на открытый бой и, покинув Муром, вернулся в Нижний Новгород. Но уже весной 1445 г. хан решил нанести ответный удар и отправил в поход на Русь своих сыновей Махмуда и Якуба. В это же время к хану прибыли еще 2 000 воинов от его союзников из Черкессии, которые вскоре присоединились к царевичам.

Василий II после зимней бескровной победы над ханом не придавал большого значения действиям его сыновей. Он вновь собрал князей-«подручников», но и они весьма безответственно отнеслись к походу. Так, князья Иван и Михаил Андреевичи пришли «с малыми людьми», Дмитрий Шемяка не явился вообще, а татарский царевич Бердедат Кудудатович (сын хана Худайдата, поступивший на русскую службу) накануне решающей битвы под Суздаlem был еще у Юрьева-Польского.

Тем не менее, в битве, состоявшейся 7 июля 1445 г. у Спасо-Евфимьевского монастыря на берегу р. Нерли, перевес поначалу клонился на сторону русских войск. Войска Махмуда и Якуба отступили, затем отступление превратилось в повальное бегство, а конница московского князя бросилась в погоню. Однако часть русских воинов, посчитав, что победа уже одержана, стали грабить трупы убитых врагов. Когда убежавшие ордынцы обнаружили, что их преследует лишь незначительная часть московского войска, они остановились и сами напали на преследователей. В короткой схватке русские потеряли

весь свой командный состав: Иван Можайский и Василий Серпуховский были ранены и бежали с остатками своих войск, а сам Василий II, сражавшийся мужественно и получивший несколько ран, вместе с Михаилом Белозерским попал в плен к Махмуду. Ордынцы потеряли в этом сражении около 500 чел. После столь крупной победы торжествующие сыновья Улуг-Мухаммада ворвались в Суздаль и три дня грабили его. Затем они двинулись к Владимиру, однако жители города успели подготовиться к обороне, и ордынские войска не рискнули осаждать его, ограничившись грабежом предместий, после чего вернулись в Муром, а оттуда — к хану в Нижний Новгород.

В августе 1445 г. Улуг-Мухаммад вместе с пленным великим князем покинул Нижний Новгород и двинулся в Курмыш. Отсюда он отправил своего посла Бегича в Москву, к Дмитрию Шемяке, который, будучи старшим из потомков Дмитрия Донского после Василия II, стал временным правителем государства. Шемяка принял посла с почетом и заявил о своей лояльности хану, надеясь получить от него ярлык на великое княжение в обход двоюродного брата. Дмитрий Юрьевич, стремясь расположить к себе Бегича, устраивал в его честь многочисленные пиры, но радушие Шемяки сослужило ему плохую службу: Улуг-Мухаммад, долго не получавший вестей от своего посла, заподозрил, что Бегича убили в Москве, и решил освободить пленного великого князя.

Освобождение Василия II обошлось ему весьма дорого: он обязался выплатить за себя, своих родичей, бояр и воинов выкуп, составлявший, по разным сведениям, от 15 000 до 200 000 руб., а также выделить двум сыновьям Улуг-Мухаммада, Касиму и Юсуфу, уделы в Мещере, находившейся под властью Москвы. Но самое главное, великий князь официально признал себя вассалом именно Улуг-Мухаммада и обязался выплачивать ему ордынский «выход». После выработки условий хан освободил Василия II и 26 октября 1445 г. отправил его в Москву с escortом из 500 ордынцев.

По пути великому князю стало известно, что посол Бегич возвращается к Улуг-Мухаммаду с посланием Дмитрия Шемяки, в котором тот выражал покорность хану. Василий II немедленно приказал перехватить посла. Великокняжеский наместник в Муроме, князь В. И. Оболенский, устроил Бегичу и его свите торжественный прием, на котором ханское посольство было напоено допьяна и затем тайно утоплено в Оке. Таким образом, великий князь не только сумел узнать об измене двоюродного брата, но и пресечь ее возможные последствия. В октябре 1445 г. Василий Васильевич прибыл в Москву, и Шемяка, поняв, что его намерения известны великому князю, бежал в Углич и стал готовиться к войне. Однако Улуг-Мухаммад-хан не мог использовать эти события в своих целях: осенью 1445 или в начале 1446 г. он умер, и новым ханом стал его старший сын Махмуд.

Махмуд решил расправиться с братьями, которые могли начать с ним борьбу за трон. Ему удалось покончить со

своим братом Юсуфом, однако двое других, Касим и Якуб, сумели спастись: они бежали сначала к своим союзникам черкесам, а затем нашли убежище в московских землях, обосновавшись в Мещере — во владениях, выделенных им по договору Василия II с Улуг-Мухаммадом. Так на этих землях возникло подвластное Москве Касимовское ханство.

Казанский владетель Али-бек, узнав о смерти Улуг-Мухаммада, не признал власть его наследника, однако его решение дорого ему обошлось. Махмуд, и впоследствии проявлявший себя как решительный и энергичный правитель, немедленно обрушился на Казань, взял ее и казнил Али-бека. После этого Махмуд не стал сажать здесь нового наместника, а сам обосновался в городе, сделав его столицей своих владений.

Потомки Улуг-Мухаммада управляли Казанью вплоть до 1518 г., когда со смертью его правнука Мухаммад-Амина их род пресекся. Далее, вплоть до завоевания Казани Москвой в 1552 г., ханством управляли его более дальние родичи — крымские Гирейи и даже (своеобразная усмешка истории!) несколько потомков Кичи-Мухаммада.

Потомство Улуг-Мухаммада в Касимовском ханстве пресеклось уже в 1483 г. со смертью Даниара б. Касима, внука Улуг-Мухаммада, и власть в Касимове перешла к другим ветвям Джучидов. В 1508–1532 гг. правнук Улуг-Мухаммада Абд ал-Латиф и его потомки были наместниками великого князя в Белоозере. Однако наиболее блестящую карьеру при московском дворе сделал

еще один правнук Улуг-Мухаммада — султан Худайкул, брат Мухаммад-Амина и Абд ал-Латифа, в крещении — «царевич Петр Ибрагимович». В течение ряда лет он был полководцем на службе у Ивана III и его сына Василия III, женился на дочери Ивана III, в 1521 г. был наместником Москвы, а затем до своей смерти в 1523 г. считался наследником бездетного на тот момент великого князя Василия III. Со смертью упомянутых царевичей род Улуг-Мухаммад-хана окончательно пресекся.

Ни один из казанских и касимовских ханов, начиная с Махмуда б. Улуг-Мухаммада и его брата Касима, уже не претендовал на трон Золотой Орды, уступив верховную власть в державе Джучидов Кичи-Мухаммаду и его потомству. Отказ казанских и крымских ханов от претензий на верховную власть ради сохранения независимости собственных уделов позволил сарайским правителям во второй половине XV в. вновь попытаться объединить Золотую Орду. Эту попытку предпринял сын Кичи-Мухаммада — Ахмад-хан.

Очерк четырнадцатый

АХМАТ, ИЛИ КРУШЕНИЕ ОРДЫ

(хан, 1459/1461–1481)

Правление Ахмад-хана — довольно нетипичное явление для поздней Золотой Орды: он не только удерживал власть в Сарая около двух десятилетий, но и вел весьма активную внутреннюю и внешнюю политику. Ахмад находился в дипломатических отношениях с Римом, Венецией, Османской империей, активно вмешивался в дела Крыма, Восточного Дешта и Руси. В 1470-х гг. ему едва не удалось восстановить единство Золотой Орды, однако могущество властителей Сарая к этому времени было настолько подорвано, что личных талантов и энергии Ахмада оказалось недостаточно для реализации его амбициозных планов.

I

Ахмад, второй сын Кичи-Мухаммад-хана, впервые упоминается в источниках около 1460 г. Под этим годом русские летописцы сообщают, что он приходил под Переяславль-Рязанский и разорил его округу. Тот факт, что он упоминается летописцем в качестве «царя», свидетельствует, что к этому времени он уже занимал трон.

В самом деле, последние монеты хана Кичи-Мухаммада, удачливого соперника Улуг-Мухаммада в борьбе за трон Золотой Орды, относятся к 1459 г. Вероятно, в том же году он умер, и к власти пришли его сыновья Махмуд и Ахмад. По-видимому, братья вскоре разделили владения. Махмуд, сохранивший номинальное главенство, господствовал в южнорусских степях и Северном Причерноморье (до тех пределов, где начинались владения крымского хана Хаджи-Гирея), а главная ставка его располагалась в Хаджи-Тархане. Ахмад же получил в управление Поволжье и все земли далее на восток, которые еще подчинялись ордынским ханам. Возможно, ему же отошла и бывшая столица Золотой Орды Сарай.

Разделение братьев помогло им сохранить мир и согласие в Золотой Орде, однако некоторое время спустя повлекло неприятности. В 1465 г. Махмуд-хан собрался в поход на русские земли (принадлежавшие то ли Москве, то ли Литве), но когда он переправлялся через Дон, на него неожиданно напал крымский хан Хаджи-Гирей, который разгромил Махмуда и заставил вернуться в Хаджи-Тархан. Поражение оказалось настолько сильным, что владения и многие подданные Махмуда попали во власть крымского хана.

Хаджи-Гирей уже готовился провозгласить себя новым государем всей Золотой Орды, однако в августе 1466 г. неожиданно умер. Последовавшая за его смертью смута в Крымском ханстве позволила Махмуд-хану вернуть себе потерянные в результате поражения от крымцев улусы. Вскоре он мог с полным правом вновь считать себя законным и полноправным преемником своего отца. В послании к турецкому султану Мехмеду II Фатиху

от 22 шабана 870 г. х. (10 апреля 1466 г.) Махмуд писал: «Благодарение милости Аллаха, когда великое место прежних ханов — предков наших было милостиво даровано нам» и в заключение предлагал султану восстановить дружеские отношения и обмениваться послами и торговыми караванами, как это делали их предки.

Ахмад, владевший северо-восточной частью Золотой Орды, в то время не имел конфликтов с крымским ханом, поскольку у них не было общих границ. Поэтому он мог уделять больше внимания делам на востоке, где его интересы столкнулись с интересами Шибанидов — ханов бывшей Синеи Орды, а ныне независимого государства кочевых узбеков. Их столкновение произошло по поводу Хорезма. Дело в том, что одной из жен Ахмада в 1450-е гг. стала Бади ал-Джамал (Балке)-бегим, сестра Хусайна Байкары, потомка Амира Тимура, впоследствии ставшего правителем Хорасана. Вероятно, в качестве приданного за сестрой Султан-Хусайн-мирза согласился вернуть сарайскому хану Хорезм, вторично захваченный Тимуридами у Золотой Орды в 1412/1413 г.

Однако Хорезм в это время попал в сферу интересов могущественного узбекского хана Абу-л-Хайра, который неоднократно предпринимал попытки захватить эту область и не собирался уступать права на нее ни Тимуридам, ни ордынским ханам. Ахмад-хан, не решаясь вступить в открытый конфликт с грозным узбекским властителем, решил выждать и начал действовать уже после смерти Абу-л-Хайра, последовавшей в 1468 г.

II

Узбекский Абу-л-Хайр-хан был правителем решительным и энергичным и отличался крутым нравом. Не удивительно, что после его смерти многие из его подданных не захотели, чтобы у власти оставались его потомки, обладавшие таким же характером. Поэтому после смерти Абу-л-Хайра на трон возвели представителя другой ветви Шибанидов — Йадгар-хана. С этим ханом Ахмаду было легко найти общий язык: по некоторым сведениям, Йадгар в свое время помог его отцу Кичи-Мухаммаду возглавить Золотую Орду. Поэтому весьма вероятно, что Ахмад вступил в союз с новым ханом, обеспечив тем самым безопасность восточных границ своих владений.

Однако Йадгар, ставший ханом уже в преклонном возрасте, скончался в 1469 г., и сторонники прежней династии возвели на трон Шайх-Хайдар-хана, сына Абу-л-Хайра. Новый хан был не менее энергичен и деятелен, чем его отец, но, на свою беду, не обладал его харизмой, талантами и властностью, поэтому многие подданные вскоре взбунтовались против него. Ахмад, почувствовав, что пришел его час, решил, наконец, вмешаться в борьбу в Восточном Деште и заполучить Хорезм.

У Шайх-Хайдара оказалось очень мало и войск, и приверженцев, а против него выступили султаны Джанибек и Гирей, правнуки Урус-хана (в 1430-е гг. подчинившиеся Абу-л-Хайру), ногайские мирзы Муса и Ямгурчи, правнуки Идигу, а также Буреке-султан б. Йадгар-хан, и еще один Шибанид — тюменский царевич Ибак (Сайид-Ибрахим), сын Хаджи-Мухаммад-хана, некогда убитого Абу-л-Хайром. В 1470–1471 гг.

Шайх-Хайдар лишился власти над значительной частью своих владений. Поэтому появление в это время в Восточном Деште Ахмада с его претензиями на Хорезм было для него совершенно некстати.

По-видимому, узбекскому хану пришлось выделить часть своих и без того немногочисленных войск для защиты западных границ. А вскоре Ибаку удалось застичь врасплох Шайх-Хайдар-хана, у которого остался небольшой отряд воинов, и в короткой схватке сын Абу-л-Хайра был убит. Ахмад так и не вступил в эту борьбу, однако после гибели узбекского монарха заключил мир с его противниками, женился на сестре ногайских мирз Мусы и Ямгурчи и, вероятно, получил от новых союзников заверение, что они не будут ему препятствовать в овладении Хорезмом.

Однако пока Ахмад занимался своими восточными делами, в Хаджи-Тархане умер его брат Махмуд, и хану пришлось поспешить в Поволжье, чтобы не позволить начаться очередной смуте. Сразу по прибытии, в том же 1471 г., он узнал, что его племянник Касим б. Махмуд, унаследовавший Хаджи-Тархан, дал приют двум внукам Абу-л-Хайра — узбекским царевичам Мухаммаду Шайбани и Махмуд-султану. Пытался ли Касим своими действиями показать, что он не повинуется дяде-хану? Наверное, нет. Скорее, он просто не знал, что ситуация в Восточном Деште изменилась, и, полагая, что дядя по-прежнему состоит в союзе с узбекскими Шибанидами, решил оказать покровительство царевичам из этого рода.

Как бы то ни было, внуки Абу-л-Хайра считались претендентами на трон узбекского государства, а потому

Ахмат и его союзники решили расправиться с ними. Объединившись с ногайским бием Аббасом (дядей Мусы и Ямгурчи) и Ибаком, Ахмат двинулся к Хаджи-Тархану и осадил его, потребовав у племянника немедленно выдать Мухаммада Шайбани и Махмуд-султана. Касим, не желавший (да и не имевший возможности) противостоять собственному дяде и его многочисленным союзникам, был вынужден отказать беглецам в гостеприимстве. Впрочем, он успел заранее предупредить их, и узбекским царевичам удалось покинуть город, прежде чем кольцо осады сомкнулось. Касим поспешил уверить дядю в своей лояльности, что позволило ему избежать разорения Хаджи-Тархана.

Выяснив, что беглецов в городе нет, союзники выпустили свои войска и разошлись по уделам, решив что Мухаммад Шайбани, оставшийся без убежища и поддержки, вскоре так или иначе погибнет. Однако они ошибались: у внука Абу-л-Хайра были совершенно иные планы. Вскоре после своего бегства из Хаджи-Тархана ему удалось объединиться с группой приверженцев своего деда, вместе с которыми он совершил нападение на лагерь Ибака, убив его сына и брата.

Ахмат-хан не сразу получил вести о нападении на своего союзника. Он в это время двинулся в поход на Русь, очевидно, решив показать своим русским вассалам, что со смертью Махмуд-хана власть Орды над ними не ослабла. В ходе этого набега ему удалось разграбить юго-западные окраины Руси, а город Алексин был им разорен и сожжен дотла. Однако как раз в это время хану донесли о том, что дерзкий внук Абу-л-Хайра осмелился

напасть на его, Ахмада, собственные владения. Не вступая в бой с московскими войсками, хан повернул домой.

Как оказалось, Мухаммад Шайбани, вдохновленный своим успешным нападением на Ибака и знавший, что Ахмад со своими основными силами двинулся на Русь, решился на отчаянный набег в пределы Тахт-эли («Престольного владения» — так в период распада называли область, где находилась резиденция номинального верховного хана). Конечно, внук Абу-л-Хайра не собирался вступать в бой с войсками Ахмада, а намеревался лишь пограбить его улусы. Разделив своих 150 всадников на несколько отрядов, узбекский султан разослал их в разные стороны. По пути к одному из стойбищ Ахмад-хана отряд из сорока воинов под командованием самого Мухаммада Шайбани столкнулся с разъездом под предводительством Конуш-бека из племени кипчак, в стычке с которым одержал победу. После этого удалницы узбекского царевича напали на кочевья Ахмад-хана и начали их грабить, но, узнав о возвращении хана из похода на Русь, немедленно покинули пределы Тахт-эли и вернулись в Восточный Дешт.

После этого досадного инцидента в 1472 г. Ахмад-хан уже не имел никаких враждебных отношений с узбеками. Возможно, впрочем, что это было связано с тем, что он, унаследовав от брата Махмуда интересы на западе, перестал претендовать на ордынские владения на востоке, включая и Хорезм. Узбекские и казахские владетели, до конца XV в. находившиеся в состоянии беспрестанной междоусобицы, были весьма признательны могущественному властелину Поволжья за

невмешательство в их дела и, в свою очередь, не доставляли неприятностей Ахмад-хану.

III

Номинально возглавив род Джучидов, Ахмад за короткое время сумел установить контроль над Поволжьем и южнорусскими степями. В связи с этим фигура хана вызвала большой интерес в Западной Европе, где его стали всерьез рассматривать как равноценный противовес грозному турецкому султану Мехмеду II Фатиху («Завоевателю»).

В 1471 г. Ахмад заключил союз с польским королем Казимиром IV Ягеллоном о совместных действиях против Московской Руси. По некоторым сведениям, именно в рамках этого соглашения Ахмад в 1472 г. и совершил поход на русские земли, закончившийся разорением Алексина. К счастью для Москвы, король не смог выполнить свои союзнические обязательства, поскольку в это время должен был помогать своему брату Владиславу в борьбе за венгерский престол. Тем не менее, антирусский союз между Казимиром IV и Ахмад-ханом продолжал оставаться реальностью на протяжении всего правления хана, что побудило Москву пойти на сближение с Крымом. В 1474 г. между Иваном III и крымским ханом Менгли-Гиреем было заключено соглашение, в соответствии с которым хан обязывался помогать своими войсками москвичам, если польский король выступит против них, а великий князь московский в случае нападения Ахмад-хана на Крым обещал выслать против него ордынских «царевичей», состоявших на его службе.

Еще в 1470 г. венецианский сенат с огромным вниманием выслушал доклад некоего авантюриста Джованни-Баттисты делла Вольпе («Иван Фрязин» русских летописей) о блестящих возможностях союза с ханом Ахмадом, который мог бы помочь республике отвоевать владения в Средиземном море, захваченные у нее турками. Антонио Джисларди, племянник делла Вольпе, сообщил сенаторам, что в распоряжении хана находится до 200 000 воинов, готовых двинуться на османов по первому его слову.

Годом позже, в 1471 г., венецианцы приняли решение направить к Ахмад-хану секретаря сената Джованни-Баттисту Тревизано с предложением о союзе и ценными подарками. Однако посол на три года застрял в Москве (правительство которой не слишком-то желало установления венециано-ордынского союза и поэтому поспешило обвинить его в шпионаже в пользу хана) и прибыл к Ахмад-хану лишь в июле 1474 г.

За время пребывания Тревизано в Москве вышеупомянутый делла Вольпе вернулся в Италию и в июне 1472 г. появился в Риме, где много рассказывал о своих доверительных отношениях с Ахмад-ханом. По словам авантюриста, хан был готов собрать «страшное войско против турок» и напасть на них со стороны Венгрии, если ему каждый месяц будут выплачивать 10 000 дукатов и пришлют подарков еще на 6 000 дукатов. Однако итальянские политики весьма осторожно отнеслись к предложениям делла Вольпе и в конечном счете решили отвергнуть их — из-за значительности сумм и рискованности предприятия.

Тем не менее, когда в 1476 г. в Венецию вернулся Тревизано с двумя послами Ахмад-хана, Темиром и «Брунахо Батырем», сенат республики с радостью отреагировал на предложение хана — выступить с 200 000 воинов против турков через Дунай вдоль Черного моря. Сенат выделил 2 000 дукатов на новое посольство Тревизано, которое в середине того же года направилось к хану. Однако, как ни странно, против инициатив Венеции выступил на этот раз польско-литовский король Казимир IV, который и сам считался союзником хана Золотой Орды: он опасался, что союз Орды с Венецией вызовет угрозу его границам, ведь именно через его пограничные территории лежал путь ордынских войск! Не желая портить отношения с христианским королем-союзником ради не слишком надежного союза с ханом-иноверцем, венецианский сенат в марте 1477 г. отозвал Тревизано, который успел доехать только до Польши.

Тем не менее, сам факт переговоров с венецианцами в значительной степени способствовал росту внешнеполитической активности Ахмад-хана, который все более и более беспокоился по поводу усиления турков. В самом деле, несмотря на единство вероисповедания и прежние дружеские отношения с Османами, хан был очень недоволен активной экспансией турков в Восточной Европе. В результате походов Мехмеда II в первой половине 1470-х гг. пали союзные Золотой Орде Трапезундская империя (1470 г.), княжество Феодоро и генуэзские колонии в Крыму (1475 г.), на месте которых появились османские бейлики, никоим образом не зависимые от воли золотоордынских ханов.

Хан попытался исправить это положение в 1476 г., воспользовавшись смутой в Крыму. В 1475 г. Менгли-Гирей б. Хаджи-Гирей был в очередной раз свергнут с трона своими братьями Нур-Девлетом и Хайдаром, бежал в Кафу и попал в плен к туркам, которые как раз в это время захватили генуэзские колонии в Крыму. Эминек из рода Ширин, бекляри-бек Нур-Девлет-хана, не поладил со своим младшим братом Хаджике, который вступил в союз с Ахмад-ханом и призвал его в Крым. Ахмад немедленно отправил на полуостров войска под командованием своего племянника Джанибека б. Махмуд-хана. В конце 1476 г. Джанибек при помощи Хаджике был провозглашен правителем Крыма, а его соперники, сыновья Хаджи-Гирея, были вынуждены бежать.

Объединив под своей властью Поволжье, Причерноморье и Крым, Ахмад-хан был полон самых радужных ожиданий и мог себе позволить достаточно высокомерный тон в общении с турецким султаном. В начале 1477 г. он направил Мехмеду II Фатиху послание, которое высокомерно назвал ярлыком — повелением высшего государя нижестоящему. Хан снисходительно соглашался продолжать поддерживать с султаном мир и дружбу и «позволял» Мехмеду II отправлять к нему послов с дарами. «Как только эти сведения достигнут ушей моего брата, с хорошим известием Исхака быстро назад ко мне пошли и дружбу между нами твори! Так говоря, ярлык с нишаном написал», — завершал Ахмад-хан свое послание.

Между тем, оказалось, что хан рано радовался. Джанибек, находившийся в Крыму, гораздо лучше осознал ситуацию и почувствовал, что его владычество долго не

продлится. Не случайно он, провозгласив себя крымским правителем, немедленно вступил в переговоры с московским великим князем, прося предоставить ему убежище в случае потери власти. И в самом деле, уже весной 1477 г. Джанибеку пришлось оставить крымский трон, на который вновь вступил Нур-Девлет — причем, по некоторым сведениям, при полном одобрении Ахмад-хана (до которого, возможно, дошли слухи о переговорах племянника с Москвой). Однако в 1478 г. и Нур-Девлет снова (на этот раз окончательно) был свергнут своим братом-соперником Менгли-Гиреем, бежал в Литву, а затем поступил на московскую службу.

Потеря Крыма, а также закончившиеся ничем переговоры с Венецией заставили Ахмад-хана несколько сбавить тон в переписке с Мехмедом II, в союзе с которым он теперь нуждался. Новое ханское послание, написанное в сафаре 882 г. х. (май-июнь 1477 г.), было выдержано уже не в таком вызывающем тоне и даже не именовалось ярлыком. Хан льстиво именовал султана «господин получатель, дражайший и благородный брат, господин султанов арабских и персидских, властелин над выями народов, тень Аллаха на земле, повелитель вод и суши, помогающий рабам Аллаха, покровитель стран Аллаха, побеждающий врагов Аллаха, справедливейший из правителей людей и духов, источник, источающий справедливость и благодеяния, помощь этого мира и веры». Вместо прежнего снисходительного предложения мира и дружбы Ахмад-хан поздравлял султана с завоеванием многих земель и сам просил у него дружбы и союза, обещая помогать ему в военных предприятиях.

Однако усилия Ахмада пропали зря: султан лишь формально продолжал поддерживать с ним отношения после того как в 1478 г. на крымский трон был возведен Менгли-Гирей, признавший себя вассалом султана, Мехмед II уже не нуждался в союзе с ханом Золотой Орды. И если для Ахмада это было просто потерей возможного союзника, то его сыновья впоследствии гораздо сильнее пострадали от ухудшения отношений с Османской империей...

Ахмад-хан, лишившись контроля над Крымом и Северным Причерноморьем, решил сосредоточить все усилия, чтобы не потерять другие свои владения. В связи с этим его взор вновь обратился на русские земли.

IV

Московский великий князь Иван III в течение всего правления Ахмад-хана вел себя совсем не как верный вассал и союзник. Вступив на престол в 1462 г., он не приезжал в Орду за ярлыком сам и не присылал своих представителей. Не было и соответствующих «поминков», т. е. подарков, взяток и пр. Даже рейд Ахмада на русские земли в 1472 г. не заставил великого князя пересмотреть свою политику: как мы помним, хану не удалось решить поставленные задачи из-за отсутствия помощи от польского короля и нападения узбекского царевича Мухаммада Шайбани. Неудачный поход лишь убедил Ивана III в слабости хана и, вероятно, побудил его отказаться от признания зависимости и выплаты ордынского «выхода».

Во второй половине 1470-х гг. хан предпринял последнюю попытку подчинить строптивного вассала мирными средствами. В 1476 г., вскоре после захвата Крыма, он отправил на Русь своего посла Бочука, доставившего Ивану III послание-ярлык, в котором Ахмад-хан сообщал о своей победе в Крыму, требовал выплаты дани и вывода из Касимова царевича Даниара б. Касима, внука Улуг-Мухаммада.

Московский государь находился в это время в сложной политической ситуации: он был вынужден противостоять польско-литовскому натиску и в то же время готовился к окончательному покорению Новгорода. В таких условиях портить отношения с ханом Золотой Орды ему было совершенно ни к чему. Не случайно именно в этот период, в марте 1475 г., Иван III, рискуя вызвать гнев своего союзника крымского хана Менгли-Гирея, отказался порвать отношения с Ахмад-ханом и продолжал обмениваться с ним послами. Поэтому и на этот раз он принял ханского посла радушно и отправил обратно вместе с собственным посланцем — Матвеем Бестужевым. Есть основания полагать, что в трудных политических условиях Иван III пошел на уступку хану: собрал дань и временно «вывел» Даниара из Касимова. Естественно, позднейшие русские летописцы предпочли скрыть столь позорный для великого князя факт.

Однако к 1479 г., когда Новгород был окончательно присоединен к великокняжеским владениям, а положение Ахмада, напротив, ухудшилось из-за потери Крыма и провала переговоров с Венецией и турецким султаном, Иван III понял, что его час настал. И когда Ахмад-хан

в очередной раз прислал к нему послов с требованием выплаты дани и явки самого великого князя в Орду. Иван Васильевич, согласно преданию, разорвал ханское послание, «истоптал басму» и отправил ханских посланцев обратно со своим дерзким, «ругательным» ответом, что несказанно разъярило хана. В итоге последовал поход Ахмад-хана на Русь.

Вместе с ханом в поход выступила «вся Орда»: на Русь отправились шесть ханских сыновей и его племянник Касим из Хаджи-Тархана; кроме того, польский король также обещал предоставить свои войска. Соответственно, хан намеревался объединиться с поляками и двинулся к владениям Казимира IV. Именно с этой целью в июне 1480 г. хан вышел к Угре.

Иван III отправил в поход против хана войска под командованием своего старшего сына Ивана Молодого и брата Андрея Васильевича Меньшого, которые соединились в Калуге и двинулись к Угре. Сам великий князь в это время находился то в Коломне, то в Москве, занимаясь не менее важным делом: ему было необходимо обосновать свое выступление против хана, который, несмотря на напряженные отношения Москвы с Ордой, все же считался «царем», законным сюзереном Руси. Итогом деятельности великокняжеских мудрецов стала выработка концепции, согласно которой Ахмад вовсе не являлся «царем», как и все его предшественники, начиная с Чингис-хана и Батыея, а потому выступление против него не только не было мятежом, но еще и всячески приветствовалось. Наиболее ярко эта идея была отражена в известном «Послании на Угру», составленном вид-

ным церковным деятелем конца XV в. ростовским архиепископом Вассианом Рыло.

Московские полки прибыли на Угру как раз вовремя, чтобы воспрепятствовать намерению хана с ходу форсировать реку. В нескольких коротких стычках москвичи сумели пресечь попытки ордынских войск переправиться, в чем им очень помогли привезенные ими пушки. Началось «стояние на Угре», продлившееся до ноября 1480 г. В течение всей осени ханские войска предпринимали отдельные неудачные попытки переправиться через реку.

Не сумев с налета ворваться в русские земли, Ахмад-хан был вынужден согласиться на переговоры с Москвой. Московское посольство во главе с И. Ф. Топарковым прибыло к хану с посланием великого князя и богатыми дарами. Однако Ахмад повел себя весьма непоследовательно: согласившись выслушать предложения москвичей, он вдруг вернулся к своей прежней бескомпромиссной позиции — обвинил Ивана III в невыплате «выхода», отказе приезжать к нему «бить челом» и соглашался продолжать переговоры, если только великий князь лично явится к нему. Естественно, московский государь не мог согласиться на эти требования, и переговоры зашли в тупик.

Между тем, к негодованию хана, польский король так и не выступил ему на помощь, хотя невыполнение союзнического долга было обусловлено отнюдь не вероломством Казимира. Дело в том, что крымский хан Менгли-Гирей счел осень 1480 г. весьма удачным моментом для набега на польско-литовские рубежи, что за-

ставило польского короля повременить с отправкой войск на соединение с Ахмад-ханом. Кроме того, Казимир IV как раз в это время столкнулся с очередным мятежом «верховских князей» — правителей-Рюриковичей из пограничных княжеств, уже давно тяготевших к Москве.

По некоторым сведениям, именно из-за восстания этих князей в тылу Ахмад внезапно решил оставить попытки переправиться через Угру и ускоренным маршем двинулся на юг. В российской исторической традиции эти действия Ахмада, датируемые 11 ноября 1480 г., принято считать последней точкой в истории «монголо-татарского ига на Руси» и объяснять, естественно, божественным вмешательством: якобы русские, сами боясь, что ордынцы сумеют перейти реку по льду, решили отступить, а их враги, опасаясь военной хитрости противника, смутились и бежали — это-то взаимное бегство и было приписано «чуду пресвятой богородицы».

V

Виня за неудачу на Угре своего ненадежного союзника, польского короля, Ахмад-хан не преминул отплатить ему: отступая с русских земель, он обрушился на владения Казимира IV и в течение 6 недель опустошил их, захватив города Мценск, Перемышль, Воротыньск, Белев, Одоев, Козельск. Считалось, что хан совершил нападение на князей, восставших против своего законного повелителя-короля и державших руку Москвы, но Казимир IV в любом случае вряд ли мог оценивать разорение своей земли как дружественный поступок. В ре-

результате союз между польским королем и ордынским ханом фактически был разорван.

Не желая отказываться от наказания русских, Ахмад-хан отправил своего старшего сына Муртазу в набег на владения Ивана III. Царевич совершил набег «на Коцин да на (Н)Юхово» и, по некоторым сведениям, даже решил закрепиться и обосноваться здесь. Однако его планы были нарушены вмешательством «двух Андреев», братьев Ивана III: узнав от одного из пленников, что дружины братьев великого князя находятся неподалеку, Муртаза поспешил отступить в ордынские пределы.

Неудачный поход на Русь означал также и отсутствие значительной добычи (хотя, согласно некоторым сообщениям, еще до своего отступления с Угры Ахмад-хан распорядился отправить «полон» в свои владения), и следовательно — и невозможность содержать огромное войско. Поэтому по возвращении в свои владения Ахмад был вынужден распустить свои силы. Все его сыновья и племянники, а также и племенные вожди разъехались по своим уделам. Даже бекляри-бек Ахмада, Тимур мангыт б. Мансур (внук Идигу), оставил своего повелителя, отправившись в свой улус. Хан остался в своей ставке с небольшим количеством телохранителей.

Этим решили воспользоваться тюменский правитель Ибак, потомок Шибана, и его ногайские союзники — мирзы Муса и Ямгурчи. Как мы помним, эти деятели в начале 1470-х гг. вступили в союз с Ахмад-ханом и признали его номинальное верховенство. В последующие годы судьба развела их по разным областям бывшей

Джучидской державы, и их интересы никак не пересеклись: Ахмад сосредоточился на объединении Поволжья, Причерноморья и других западных уделов, а Ибак и ногайские мирзы старались укрепить свою власть в Восточном Дешт-и Кипчаке и Сибири. Однако во второй половине 1470-х гг. усиление Ахмад-хана стало вызывать беспокойство его прежних соратников. Подчинение Крыма, готовящийся союз то с европейскими государствами, то с Османской империей могли позволить Ахмаду в дальнейшем предпринять попытки по овладению и восточными улусами Джучидов (не следовало забывать также о его родстве с Тимуридами и правах на Хорезм). Все эти обстоятельства превратили прежних союзников во врагов. Неудивительно, что, узнав о неудаче Ахмада на Угре и роспуске им войск, Ибак с ногайскими князьями решили использовать свой шанс.

6 января 1481 г. Ибак, Муса и Ямгурчи всего с тысячей воинов внезапно напали на становище Ахмада, перерезали его охрану и, ворвавшись в белый шатер хана, прикончили последнего великого правителя Золотой Орды. Впоследствии и Ибак, и Ямгурчи приписывали себе честь умерщвления Ахмада. Возможно, впрочем, что оба они лично приняли участие в убийстве хана.

Вскоре до Москвы дошли смутные слухи о гибели Ахмад-хана. Их неопределенность отразилась в очередном послании Ивана III крымскому хану Менгли-Гирею, датированному апрелем 1481 г.: великий князь выражал надежду, что его союзник по-прежнему «на всякого на нашего недруга бытии со мною заодин», независимо от того, «кто будет на том юрте на Ахматове места царь».

Вскоре, однако, неопределенность исчезла. Тимур мангыт, бекляри-бек Ахмад-хана, благодаря своей счастливой судьбе, сумел избежать участи своего государя (хотя Тимур приходился двоюродным дядей Мусе и Ямгурчи, отношения между ними были настолько напряженными, что кровное родство не остановило бы их перед убийством). Ему удалось собрать в степи некоторых сыновей Ахмада, вместе с которыми он отправился в Крым и отдался под покровительство Менгли-Гирсей-хана. От Тимура-то властитель Крыма и узнал достоверно о гибели своего противника.

С этого времени на сцену вышло новое поколение ханов Золотой Орды — и, как оказалось, последнее. Главными действующими лицами завершающего этапа ордынской истории стали многочисленные сыновья Ахмад-хана, наиболее заметное место среди которых занял Шейх-Ахмад.

Очерк пятнадцатый
ШЕЙХ-АХМЕД, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ
ХАН И ЕГО БРАТЯ
(хан, 1481/1482–1502/1528)

После гибели хана Ахмада его многочисленные сыновья и племянники всеми силами старались удержать власть над собственными уделами, уже не помышляя о возрождении былого могущества Золотой Орды и лишь отражая попытки других родичей покуситься на их самостоятельность. Для иностранных же государей «Ахматовы дети» превратились в своеобразное орудие влияния на других соседей. Особенно ярко выделялась в этом плане фигура Шейх-Ахмада, традиционно считающегося последним ханом Золотой Орды: не обладая и тенью власти своих предков, он, тем не менее, около сорока лет считался ханом, по сути, являясь игрушкой в руках различных политических сил.

I

Шейх-Ахмад был одним из девяти сыновей Ахмад-хана. Он не был старшим (в источниках его упоминают его обычно третьим), но обстоятельства сложились так, что именно ему было суждено стать преемником отца и последним ханом Золотой Орды.

Как мы помним, после смерти Ахмад-хана его бекляри-бек Тимур мангыт вместе с двумя сыновьями своего господина, Муртазой и Сайид-Ахмадом, сумел бежать в Крым, где они нашли убежище при дворе Менгли-Гирея. Крымский хан, несмотря на вражду с Ахмадом, радушно принял беглецов: будучи опытным политиком, он прекрасно понимал, что таких влиятельных врагов лучше держать рядом, под своим контролем.

Вероятно, в это-то время Шейх-Ахмед, следующий по старшинству брат, и был провозглашен ханом: приверженцы Ахмада опасались, что без хана (пусть даже и номинального) государство Джучидов падет окончательно. В 1481 (или 1482 г.) престол, опустевший после гибели Ахмад-хана, наконец-то был занят легитимным монархом.

В течение нескольких лет Муртаза и Сайид-Ахмед проживали при дворе крымского хана на положении то ли почетных гостей, то ли пленников. Их статус окончательно определился в 1485 г., когда царевичи попытались покинуть двор Менгли-Гирея: крымский хан немедленно отправил за ними погоню и успел захватить Муртазу. Сайид-Ахмаду же удалось бежать в Дешт-и Кипчак, где он, при поддержке бежавшего вместе с ним Тимура мангыта, вскоре также был провозглашен ханом, выступив, таким образом, конкурентом Шейх-Ахмада. Возможно, именно из-за этого первым же шагом Сайид-Ахмада стала попытка освобождения из крымского плена Муртазы: он надеялся на поддержку и признание своего ханского достоинства со стороны старшего брата.

В 1485 (или 1486) г. Сайид-Ахмед, узнав, что Менгли-Гирей распустил свои основные войска, вместе со сво-

им бекляри-беком Тимуром внезапно вторгся в Крым, осадил Кырк-ер и освободил Муртазу. После этого братья решили подчинить себе весь Крымский полуостров. Не сумев захватить столицу ханства, обороняемую самим Менгли-Гиреем (раненым в бою с войсками Сайид-Ахмада еще в начале вторжения), они двинулись сначала к Эски-Крыму и, пообещав не причинять жителям вреда в случае добровольной сдачи, сумели овладеть городом, который разорили, а многих горожан перебили.

Почувствовав себя хозяевами Крыма, братья предприняли попытку захватить и турецкие владения на южном берегу полуострова, но тут их подстерегла неудача: турки Кафы, применив военную хитрость, внушили «Ахматовым детям», что султан прислал им на помощь большой флот с многочисленным войском, и ордынцы поспешили покинуть побережье полуострова. При отступлении на них обрушился Менгли-Гирей, сумевший собрать свои силы; ему удалось отбить у Сайид-Ахмада и Муртазы почти всех пленников.

Тем не менее, братья чувствовали себя победителями, что не замедлило проявиться: Муртаза также провозгласил себя ханом при полной поддержке Сайид-Ахмада — вероятно, при условии признания его соправителем. Фактически братья-ханы противопоставили себя Шейх-Ахмаду, хотя до открытого столкновения дело пока не доходило. Каждый из противоборствующих ханов нуждался в какой-то успешной кампании, которая бы выдвинула его среди остальных братьев и позволила претендовать на верховную власть.

Муртаза не был удачливым полководцем или правителем, но унаследовал от своего отца склонность к поли-

тическим интригам, что и доказал вскоре после своего воцарения. В том же 1486 г. он попытался лишить своего недруга Менгли-Гирея крымского трона, причем предпочел сделать это чужими руками. Муртаза направил два послания: одно — Нур-Девлету, старшему брату Менгли-Гирея, неоднократно занимавшему крымский трон, а другое — великому князю Ивану III. Содержание посланий было примерно одинаковым: Муртаза предлагал Нур-Девлету помощь в свержении брата и занятии ханского трона, обещая дружбу и союз как крымскому царевичу, так и московскому государю. Дипломатическая миссия Муртазы, однако, потерпела крах: когда его посол Шах-Баглул в августе 1487 г. привез оба послания в Москву, они попали в руки Ивана III, который, не ознакомив с их содержанием Нур-Девлета, немедленно переслал оба письма Менгли-Гирею.

Сразу после этого Иван III выслал свои войска под командованием того же Нур-Девлета (который в 1486 г. стал касимовским ханом) на южные рубежи, чтобы предупредить возможные враждебные действия Муртазы и Сайид-Ахмада против Москвы или Крыма, о чем тоже немедленно уведомил своего союзника Менгли-Гирея.

II

Неудача Муртазы сильно подорвала его авторитет даже в глазах брата-соправителя: Сайид-Ахмад в конце 1480-х гг. предпочел сблизиться с Шейх-Ахмадом, почитав сотрудничество с ним более перспективным.

И в самом деле, уже в 1490 г. Шейх-Ахмад вместе с братом замыслил новую кампанию против крымского

хана. Турецкий султан Баязид II попытался примирить их, но это ему не удалось: этот миролюбивый монарх, столь непохожий на своего грозного и воинственного отца Мехмеда II Завоевателя, не пользовался большим уважением со стороны ордынских правителей.

Братья неплохо подготовились к нападению: сначала они усыпили бдительность Менгли-Гирея, предложив заключить мир, а когда он, поверив в их намерения, распустил войска, нанесли внезапный удар. Войска Шейх-Ахмада, Сайид-Ахмада и их союзника, астраханского правителя Абд ал-Керима б. Махмуда, опустошили северные области Крыма, после чего отступили к Нижнему Днепру, готовя силы для более масштабного вторжения.

Однако деятельный Менгли-Гирей не был обескуражен ни разорением своих владений, ни вероломством «Ахматовых детей». Он быстро собрал собственные силы, а также отправил гонцов с просьбой о помощи в Москву (уверив при этом великого князя, что ордынцы собираются напасть на русские земли!) и в Кафу. Турки прислали крымскому хану 2 000 янычар, а Иван III направил в тыл армии «Ахматовых детей» войска под командованием казанского хана Мухаммад-Эмина и нового касимовского хана Сытылгана б. Нур-Девлета. Братьям-ханам пришлось срочно отступать в свои владения. Впрочем, неудача не обескуражила их, и они не отказались от дальнейших планов по покорению Крыма.

Однако обстоятельства сложились так, что «Ахматовым детям» пришлось на некоторое время забыть о Крыме. Вскоре до Дешт-и Кипчака дошли слухи, что турецкий султан разгневан на ордынских ханов за веро-

ломное нападение на его вассала и намерен отправить войска против Орды. Первым об этом узнал Муртаза, который немедленно дистанцировался от братьев, заявив, что сам он в поход на Крым не ходил, а во всем виноват Сайид-Ахмад, который теперь также не намерен портить отношения ни с крымским ханом, ни с султаном. Успокоенный его мирными заверениями, Баязид II отказался от отправки войск против Орды.

Положение Шейха-Ахмада как первого среди равных братьев-ханов оказалось, однако, сильно поколеблено. И последствия не заставили себя долго ждать: и на западе, и на востоке появилось несколько претендентов на трон и владения Шейх-Ахмада.

Прежде всего, ухудшились отношения Золотой Орды с Мангытским юртом — Ногайской ордой. Виновником конфликта оказался двоюродный брат и союзник Шейх-Ахмада — Абд ал-Керим, правитель Хаджи-Тархана. После неудачи в Крыму он решил компенсировать свои затраты на поход и совершил несколько нападений на ногайские кочевья. Поскольку Шейх-Ахмад и Сайид-Ахмад не приняли никаких мер по обузданию родича, ногайцы вполне обоснованно сочли их его сообщниками и решили отомстить.

Могущественный бий мангытов Муса не ограничился ответным набегом на ордынские владения, а пошел гораздо дальше: он вознамерился вообще сменить династию в Золотой Орде, свергнув потомков Туга-Тимура. Его ставленником стал Ибак, тюменский хан из рода Шибанидов, который около 11 лет назад убил отца Шейх-Ахмада и Сайид-Ахмада. Теперь вместе с ногайскими князьями Мусой и Ямгурчи (своими сообщниками

по убийству Ахмада) он вновь предпринял попытку захватить золотоордынский трон.

Заручившись поддержкой крымского хана Менгли-Гирея, приветствовавшего свержение давних недругов, тюменский хан вместе со своим калгой (наследником) Мамуком и ногайцами явился на Волгу и, по-видимому, сумел на короткое время захватить власть в Поволжье. По крайней мере, Ибак вскоре отправил хвастливое послание Ивану III, в котором заявлял, что наконец-то сумел захватить «Саинской стул» (т. е. трон Бату) и предлагал великому князю дружбу и союз при условии, что московский государь отпустит к нему бывшего казанского хана Ильгама («Алегама»). Иван III не успел своевременно отреагировать на это послание: он получил его только в ноябре 1493 г., когда Ибаку и ногайцам уже пришлось покинуть Поволжье. Дело в том, что Менгли-Гирей не сдержал обещание и не прислал Ибаку на помощь свои войска, и «Ахматовы дети» в союзе с астраханским Абд ал-Керимом сумели вытеснить пришельцев.

Напуганный столь опасной угрозой со стороны ногайцев, Шейх-Ахмад решил устранить ее наиболее эффективным, как он посчитал, способом: в 1493 г. хан женился на дочери бия Мусы. Ордынские эмиры были крайне недовольны тем, что при ханском дворе получит влияние враждебный им правитель Ногайской Орды, и решили проблему радикально: свергли Шейх-Ахмада, пригласив в качестве правителя его брата-соперника Муртазу. Примечательно, что Сайид-Ахмад во время этого переворота сохранил и свои владения, и статус хана-соправителя. Бекляри-бек Хаджике (Хаджи-Ахмад) мангыт, племянник прежнего бекляри-бека Тимура,

больше всех ратовавший за призвание Муртазы, также сохранил свой пост и при новом хане.

Однако год спустя Шейх-Ахмаду удалось вернуть себе трон и власть: то ли ему помог тесть Муса-бий, то ли сарайские эмиры сочли Муртазу еще худшим правителем, чем его младший брат. Как бы то ни было, уже в июне 1494 г. (899 г. х.) Менгли-Гирей в письме Ивану III сообщал, что Шейх-Ахмад вернулся на трон, а Муртазе вместе с бекляри-беком Хаджике пришлось бежать за Терек и скрываться у своих союзников-черкесов. Возвратив трон, Шейх-Ахмад назначил нового бекляри-бека — им стал Таваккул б. Тимур мангыт, сменивший бежавшего Хаджике (своего двоюродного брата). Положение Сайид-Ахмада и на этот раз не изменилось, правда, с этого времени он сильно присмирел и в течение последующих лет оставался безропотным исполнителем воли Шейх-Ахмада.

III

После нескольких покушений на свою власть Шейх-Ахмад, наконец, осознал, что без влиятельных союзников ему не обойтись. Ради восстановления отношений с эмирами Поволжья хан был вынужден отказаться от сотрудничества со своим тестем Мусой и искать других партнеров. Шейх-Ахмад принял решение продолжать политику своего отца и поддерживать союз с Польшей и Литвой.

В 1496 г. хан направил посольство к литовскому великому князю Александру Ягеллону, предлагая возобновить союз, существовавший при их отцах. Литовский

правитель, еще с 1493 г. пытавшийся использовать ордынцев, чтобы отвлечь русские и крымские войска от войны с Литвой, с готовностью согласился и, в свою очередь, направил в Орду послов. Одной из статей проекта договора стало предложение князя Александра заменить Менгли-Гирея на крымском троне еще одним его братом, Уз-Тимуром, находившимся в это время в Литве. Однако посольство великого князя литовского не добралось до хана: его перехватили крымцы. Письмо Александра попало в руки Менгли-Гирея, который немедленно переслал его в Москву. Шейх-Ахмад был вынужден отписать литовскому государю, что придется прекратить контакты, пока он, хан, не перекочет поближе к литовским рубежам, чтобы можно было вести переписку без помех со стороны Крыма.

Год спустя, в 1497 г., Шейх-Ахмад снова отправил свое посольство в Литву, причем во главе его стоял ханский брат Хаджи-Ахмад (Хожак-султан, Хаджике). Послы предложили Александру помощь в борьбе с Крымом, на что великий князь обещал дать окончательный ответ после своих переговоров с Менгли-Гиреем. Завуалированный отказ не обескуражил Шейх-Ахмад-хана: в 1498 г. он снова прислал послов в Литву не только, повторно предлагая помощь, но и приглашая великого князя на свою свадьбу с дочерью правителя Шемахи. Однако на этот раз литовский государь даже не соизволил принять послов. Причиной тому стали переговоры литовцев с посланцами Муртазы, брата-соперника Шейха-Ахмада, который просил Александра предоставить ему убежище в своих землях.

В том же 1498 г. черкесы совершили набег на владения Шейх-Ахмада и перебили немало его подданных. Враждебные действия черкесов были вызваны неоднократными попытками Шейх-Ахмада в конце 1490-х гг. перекочевать в принадлежащие им плодородные земли Прикубанья.

К 1500 г. у Шейх-Ахмада появился новый могущественный враг — природные бедствия. В Поволжье наступили сильнейшие засуха и голод, и хану пришлось подумать о перекочевке в более плодородные районы. Таковыми были, в частности, степи Приднепровья, но когда подданные Шейх-Ахмада появились здесь, оказалось, что им преграждают путь крепости, недавно возведенные Менгли-Гиреем и оснащенные турецкой артиллерией. Тогда Шейх-Ахмед направил посланцев к кафинскому наместнику турецкого султана, шахзаде Мухаммаду б. Баязиду, с просьбой разрешить ему пребывание в этих областях. Однако шахзаде был зятем Менгли-Гирея и, конечно же, отказал Шейх-Ахмаду, предложив ему договориться с самим крымским ханом. В отчаянии золотоордынский хан отправил послов в Стамбул, однако Баязид II лишь подтвердил отказ своего сына. Между тем, подданные Шейх-Ахмада поодиночке и целыми семьями уже начали перебегать в Крым и присягать на верность Менгли-Гирею. Ордынскому хану ничего не оставалось, как попытаться решить свои проблемы военным путем.

Зимой 1500/1501 г. Шейх-Ахмед начал подготовку к походу на Крым. Он направил посланцев и к своему соправителю Сайид-Ахмаду, и к астраханскому Абдал-Кериму, и даже к давнему недругу Муртазе, предлагая

им объединить силы и ударить на Менгли-Гирея. Кроме того, литовский князь Александр, надевшийся с ордынской помощью отвоевать у Москвы Черниговщину, подержал инициативу Шейх-Ахмада и прислал ему богатые дары стоимостью 30 000 червонцев. Планы хана, однако, были весьма скептически встречены его родичами. Только Сайид-Ахмад, всецело подчинявшийся брату, решил присоединиться к нему со своими силами. Братья-ханы двинулись к Дону, у места, где в него впадала р. Сосна, но оказалось, что Менгли-Гирей со своими войсками уже ожидал их. Не рискуя принять открытый бой, братья укрепили свой лагерь и приготовились отразить нападение врага.

Однако вскоре между «Ахматовыми детьми» произошла глупая ссора. Люди Шейх-Ахмада выкрали двух богатых торговцев из лагеря его брата, вероятно, надеясь получить за них выкуп. А когда Сайид-Ахмад прислал к Шейх-Ахмаду гонца с требованием вернуть его людей, хан приказал умертвить посланца. Разгневанный Сайид-Ахмад вместе с другим братом, Бахадур-султаном, покинул Шейх-Ахмада и отправился под Хаджи-Тархан. Шейх-Ахмад остался со своими братьями (калгой-наследником Хаджи-Ахмадом и Джанаем) и бекляри-беком Таваккулом.

Силы Шейх-Ахмада сильно уменьшились после ухода брата-соправителя, но ему удалось быстро компенсировать потери: он отправил послов к ногайцам, и те с готовностью приняли его предложение пограбить Крым. Встревоженный Менгли-Гирей немедленно направил к Ивану III посланцев с требованием исполнить союзнический долг и отправить ему на помощь 10 000 воинов

с пушками и пищалями, однако великий князь московский предпочел не вмешиваться в ордынско-крымский конфликт. По-видимому, в последний момент Иван III посчитал, что полное уничтожение Золотой Орды и усиление Крыма невыгодны Москве. В результате крымскому хану пришлось отступить на полуостров, оставив настибища Приднепровья в распоряжение Шейх-Ахмада, чего тот и добивался.

Не останавливаясь на достигнутом, Шейх-Ахмед решил дать своим подданным возможность поправить свое положение за счет грабежа соседних территорий. А поскольку таковыми поблизости были только литовские владения, хан, недолго думая, двинулся на них. Литовцы не ожидали такого вероломства от союзника, и ему не составило труда захватить Рыльск и Новгород-Северский. При этом сам Шейх-Ахмед считал, что по-прежнему является союзником князя Александра, и, взяв эти города, написал ему письмо, в котором наивно поведал: «Для тебе их есми не рушил»!

Небольшие успехи после длительной череды неудач настолько вскружили Шейх-Ахмаду голову, что он пошел еще дальше и потребовал у князя Александра передать под его власть Киев, намереваясь сделать здесь наместниками князей Глинских — потомков Мамая, состоявших в это время на литовской службе. Хан направил письмо и самим Глинским, называя их «истинными детьми Мамая» и «своими большими слугами». Однако переговоры вокруг Киева застопорились, что было совершенно недопустимо в условиях, когда прочие события происходили с невероятной быстротой.

Узнав о продвижении Шейх-Ахмада в глубь литовских земель, Иван III немедленно направил к нему послов с предложением союза (в трактовке самого Шейх-Ахмад-хана и его бекляри-бека Таваккула это звучало как признание московским государем своего «холопства»). За прекращение нападений на русские границы Иван III сулил хану даже еще большие выплаты, чем прежде его отцу. Угроза нападения на Русь и в самом деле была весьма вероятна: крымский хан, обиженный на Ивана III за неприсылку войск, бездействовал и не пытался обуздать Шейх-Ахмада.

Казалось, Золотой Орде суждено было обеспечить покорность прежних вассалов и повысить международный престиж, тем самым сделав серьезный шаг на пути к возрождению былого могущества. Однако природа решила иначе: голод и засуха продолжались и в 1501–1502 гг., а к ним прибавились также и сильные зимние морозы. Подданные Шейх-Ахмада перебежали к крымскому хану уже десятками, сотнями и целыми родами. В конце концов, даже одна из ханских жен, не выдержав голодных условий, бежала в Крым и отдалась под покровительство Менгли-Гирея. С ханом рассорился даже бекляри-бек Таваккул б. Тимур. Крымский хан понял, что его час настал, и начал готовиться к решительной схватке с Золотой Ордой.

Баязид II (возможно, руководствуясь теми же соображениями, что и Иван III, т. е. не желая полного исчезновения Золотой Орды) попытался примирить врагов и направил к Шейх-Ахмаду посланца с предложением покинуть владения Менгли-Гирея и перекочевать к Южному Бугу. Однако турецкий посол, так и не доехав до

ордынского хана, был перехвачен и убит в степи его подданными, которые сочли посла лазутчиком Менгли-Гирея. В результате Шейх-Ахмад, сам того не желая, снова навлек на себя гнев Стамбула.

В начале мая 1502 г. войска Менгли-Гирея выступили против Шейх-Ахмада. Ордынский хан в это время находился на р. Суле, где спешно строил укрепления против крымцев. Менгли-Гирей, не встречая сопротивления (напротив, попадавшиеся ему на пути ордынцы сразу же признавали себя его подданными), практически без боя смял укрепления Шейх-Ахмада и разогнал его немногочисленных, изголодавшихся воинов.

Не ограничиваясь этим, крымский хан огнем и мечом прошел по владениям Шейх-Ахмада и завершил свой поход символическим актом — разорением и сожжением Сарая. Его успех был несомненен и позволил ему с полным правом отписать Ивану III, что ставка Шейх-Ахмада и его улусы находятся под его, крымского хана, властью. С этого времени крымские ханы начали именовать себя повелителями «Великого улуса», то есть Золотой Орды, считая именно себя (вполне справедливо, надо отметить) главными наследниками ордынских ханов.

IV

Разгромленный Шейх-Ахмад сумел спастись с отрядом не более 300 всадников. Однако он не собирался сдаваться и еще неоднократно предпринимал попытки восстановить власть — в отличие от своих братьев, которые с этого времени фактически отказались от ханских

титолов и довольствовались небольшими уделами, в которых могли кочевать со своими немногочисленными приверженцами.

Сначала Шейх-Ахмад нашел убежище у своего двоюродного брата и союзника Абд ал-Керима, правителя Хаджи-Тархана. Однако тот, по-видимому, отнесся к нему слишком покровительственно, что было непереносимо для гордого хана Золотой Орды — пусть даже и бывшего. Поэтому некоторое время спустя Шейх-Ахмад покинул город и разбил свой лагерь недалеко от него. Затаив обиду на двоюродного брата, он в очередной раз решился на вероломный поступок: в 1503 г. тайно направил к великому князю Ивану III посла с просьбой помочь ему «достать» Астрахань в обмен на отказ от союза с Литвой. И, оставаясь вероломным до конца, в июне того же 1503 г. отправил послов в Вильну с дружеским посланием и дарами!

Не получив от Ивана III положительного ответа, Шейх-Ахмад не успокоился: он возобновил союз с Ногайской ордой, где после смерти его тестя Мусы правил его брат и преемник Ямгурчи. Отчаянное положение хана заставило его смирить гордость и лично явиться к бию! Шейх-Ахмад получил ногайские войска под командованием своего шурина Султан-Ахмад-мирзы б. Мусы и начал осаду Астрахани, которую от него защищали вместе с Абд ал-Керимом и Бахадур-султан — родной брат Шейх-Ахмада! Но тут хану опять не повезло: Иван III дал понять бию Ямгурчи, что если тот желает иметь мир с Москвой, ему не следует помогать свергнутому ордынскому хану. В результате ногайцы оставили своего

союзника, и тому пришлось срочно бежать из Поволжья, поскольку рассчитывать на снисхождение астраханского правителя, только что преданного им, не приходилось. Уход Шейх-Ахмада из Поволжья открывал для Абд ал-Керима блестящую возможность: с этого времени (1502/1503 г.) начинается история независимого Астраханского ханства, правители которого также претендовали на преемство от ханов Золотой Орды.

Шейх-Ахмад бежал на запад. С немногочисленной свитой он миновал Киев и в августе 1504 г. достиг Белгорода, считавшегося уже владением турецкого султана. Отсюда он отправил Баязиду II послание, прося предоставить ему убежище в своих землях. Однако султан прекрасно помнил все неприятности, доставленные ему беспокойным сыном Ахмада. В письме Ивану III крымский хан Менгли-Гирей писал, что отправленный султаном паша приказал бывшему хану: «Коим путем к нам есте пришли, тем путем и назад пойдите, вас мы не знаем, нам друг и брат Менгли-Гирей царь; кто Менгли-Гирею царю друг, и мы тому дружи, а кто Менгли-Гирею царю недруг, и мы тому недрузи; вы Менгли-Гирею царю недрузи стоите, в нашу отчину вам пути нет, куды вам въехать». После этого Шейх-Ахмад со своими спутниками был выгнан из Белгорода, а по пути еще и подвергся нападению сыновей Менгли-Гирея, сумев спастись лишь благодаря счастливой случайности.

В конце 1504 г. хан и его спутники вновь оказались в Киеве, где были тут же арестованы местным воеводой Дмитрием Путятичем. Пленников отправили в Вышгород, а оттуда — к литовскому великому князю Александру,

ставшему к этому времени и польским королем. В 1505 г. в Бресте был созван сейм, на котором хану пришлось оправдываться перед польско-литовской аристократией за свои недружественные действия в 1501–1502 гг. По-видимому, ему это удалось: он остался при королевском дворе как почетный гость. Король Александр использовал Шейх-Ахмада как «средство сдерживания» крымского хана, угрожая Менгли-Гирею в случае враждебных действий отпустить бывшего ордынского хана обратно в степи, где тот непременно начнет создавать проблемы Крымскому ханству. Не случайно крымский хан неоднократно писал королю и его панам, советуя схватить свергнутого хана и его свиту и посадить в темницы, причем по разным городам.

Положение Шейха-Ахмада при королевском дворе существенно изменилось годом позже, когда Александр умер, и новым польским королем стал его брат Сигизмунд I, который не столь дружелюбно отнесся к свергнутому хану. Шейх-Ахмада такое отношение не устроило, и он предпринял попытку бежать от короля. Однако его поймали и в качестве наказания заключили в Ковно, что имело грозное символическое значение: именно здесь около 1455 г. умер Сайид-Ахмад-хан, внук Токтамыша, также в свое время являвшийся союзником литовцев, но потом обратившийся против них. Спутники Шейх-Ахмада, помогавшие ему в бегстве, были отправлены на невольничий рынок, и только часть из них была выкуплена ордынцами, находившимися на литовской службе. Обо всех этих событиях Сигизмунд I тут же отписал

Менгли-Гирею, представив пленение и заточение Шейх-Ахмада как оказание услуги крымскому хану.

Начались долгие годы заключения, причем условия содержания хана то смягчались вплоть до приглашения его к королевскому двору, то вновь ужесточались, и ему даже запрещали вести переписку с родственниками, жившими на Волге или в Ногайской Орде. Судьба узника зависела от интереса к нему на международной арене: иногда его именем можно было «припугнуть» крымского хана, и тогда его ценность в глазах короля и панов возрастала, иногда же о нем не вспоминали годами. Фигура пленного хана вызывала также беспокойство и турецкого султана, который предписывал своим вассалам, крымскому хану и валашскому господарю, не допустить появления Шейх-Ахмада в Дешт-и Кипчаке.

V

На протяжении более чем 20-летнего заключения Шейх-Ахмада его союзники ногайцы неоднократно обращались к королевским властям с просьбой выпустить хана. Не получая положительного ответа, они посчитали возможным решить свои проблемы с помощью других «Ахматовых детей».

После пленения Шейх-Ахмада в степи оставалось несколько его братьев. В середине 1510-х гг. были живы, по меньшей мере, трое из них — Муртаза, Хаджи-Ахмад и Музаффар, которые в течение некоторого времени не привлекали внимания племенных вождей бывшей Золотой Орды. Но в 1510-е гг. в Ногайской Орде началась смута: на титул бия стали претендовать сразу двое сыновей

Мусы — Алчагир и Шейх-Мухаммад, который был тесно связан с родом золотоордынских ханов. Это, вероятно, поначалу и склонило весы на сторону его противника Алчагира: ногайцы испытывали недоверие к своим поволжским союзникам (и, надо сказать, это недоверие было взаимным).

Шейх-Мухаммад-мирза, понимая, что в открытой борьбе ему не одолеть старшего и более влиятельного брата, решил стать не просто бием ногайцев, но еще и бекляри-беком при хане. Однако для этого нужен был хан! И поскольку единственный законный обладатель этого титула находился в литовском плену, оставалось выбрать ханом кого-то из его братьев, которые пребывали в ногайских владениях.

Первоначально выбор пал на старшего, Муртазу, который, однако, будучи уже пожилым человеком, отказался от трона в пользу другого брата, Хаджике, являвшегося в свое время калгой — наследником Шейх-Ахмада. Осенью 1514 г. на берегах Терека Хаджике (Хаджи-Ахмад) был торжественно возведен на ханский трон в присутствии Муртазы, Музаффара и ногайской знати. Он назначил своим бекляри-беком Шейх-Мухаммада, который тут же попытался избавиться от ханских родичей, схватив их и бросив в заключение. Однако Музаффар-султану и одному из его сыновей удалось бежать в Хаджи-Тархан к Джанибек-хану (тому самому, который некогда при помощи Ахмад-хана стал правителем Крыма), и тот, узнав о коронации Хаджике, сильно обеспокоился: он отнюдь не желал терять независимость и признавать власть марионетки ногайского мирзы.

Джанибек предложил бию Алчагиру совместный поход против Хаджике и Шейх-Мухаммада, но в последний момент потенциальные союзники рассорились и вступили в сражение друг с другом. Это позволило Хаджике номинально оставаться ханом еще в течение пяти лет — до 1519 г., когда его покровитель и бекляри-бек Шейх-Мухаммад был сначала разгромлен казахами, а потом окончательно разбит и убит астраханским ханом Джанибеком.

После неудачи в восстановлении Золотой Орды во главе с Хаджике ногайские аристократы возобновили переговоры с польским королем об освобождении Шейх-Ахмада. Король Сигизмунд по-прежнему продолжал грозить сменяющим друг друга крымским ханам, что выпустит своего царственного пленника, если они будут враждовать с Польшей и Литвой. Такие угрозы имели место в 1521, 1523 и в 1524 гг., когда к королю прибыло посольство нового ногайского бия Агиша б. Ямгурчи, снова просившего отпустить хана к ногайцам. Пока король обдумывал это предложение, крымский хан Саадат-Гирей I, считая вопрос об освобождении Шейх-Ахмада уже решенным, поспешил «заранее отомстить» королю и отправил в поход против него своих сыновей. Новая война отвлекла Сигизмунда от судьбы пленника, освобождение которого отложилось еще на три года.

Наконец, весной 1527 г. престарелый Шейх-Ахмад был все же выпущен из заключения и отправлен в Киев, где его встретили его сторонники, в сопровождении которых он двинулся на Волгу. Шейх-Ахмад прибыл к Хаджи-Тархану и разбил здесь лагерь.

Возвращение хана на Волгу вызвало большой резонанс в Крыму. Крымские ханы, султаны и аристократы заявляли, что этот шаг свидетельствует о враждебности польского короля по отношению к Крымскому ханству, а сами с подозрением посматривали друг на друга: вдруг кто-нибудь из них захочет предать дом Гиреев и пойти на сговор с Шейх-Ахмадом? Который, что ни говори, оставался законным правителем всех Джучидов, пусть даже и номинальным...

Как вскоре оказалось, у крымской знати были основания для подобного беспокойства. Ислам-Гирей, сын хана Мухаммад-Гирея I, много лет боровшийся за трон со своим дядей Саадат-Гиреем I б. Менгли-Гиреем, решился на сговор со старым ханом и предложил ему совместно выступить против крымского хана. Конечно, у самого Шейх-Ахмада войск не было, но его поддерживали ногайцы, обладавшие большой военной силой. Сведения об этом сговоре дошли до Саадат-Гирея, и он ценой больших уступок сумел помириться с племянником, назначив его своим калга-султаном (соправителем-наследником).

Интерес к Шейх-Ахмаду имелся и в Астраханском ханстве, которое в этот период также сотрясали междоусобицы. Чтобы обрести какое-то подобие порядка, местные эмиры решили пригласить на трон последнего хана Золотой Орды. По некоторым сведениям, именно он являлся астраханским ханом в 1527–1528 гг. Вероятно, в это время Шейх-Ахмад установил дипломатические отношения с великим князем московским Василием III, который, оправдываясь перед крымскими ханами

за сношения с их врагом, объяснял, что тот первым прислал к нему послов. В 1528 г. пожилой хан скончался или был убит.

У хана осталось, как минимум, трое детей. Один из сыновей, Узбек («Азубек-султан»), остался в Литве и был главным судьей в спорах между литовскими татарами. Он получил от короля Сигизмунда несколько поместий и, в свою очередь, оставил трех сыновей — Бахадур-султана, Джаная и Чингиса, потомки которых носили титул царевичей Острынских, но уже не выделялись среди литовской знати. Вероятно, не имея никаких оснований рассчитывать на блестящую карьеру в Литве, один из них, Джанай, решился на безумную авантюру: в 1549 г. он позволил ногайскому бию Юсуфу провозгласить себя ханом (сам Юсуф стал при нем бекляри-беком). По-видимому, это была самая последняя попытка реставрации Золотой Орды в истории! Известно, что Джанай умер в Литве до ноября 1555 г., так что, скорее всего, он не пожелал быть марионеткой степного правителя и вернулся в более привычные условия жизни.

Потеряв своих жен во время крымского разгрома 1502 г., Шейх-Ахмад женился в Литве на дочери виленского хорунжего Кадыша из племени найман. Когда хана отпустили домой, его супруга предпочла остаться в Литве, приняла католичество и вновь вышла замуж. А дочь Шейх-Ахмада от этого брака по требованию хана отправили к нему.

Наконец, еще один сын Шейх-Ахмада, Шейх-Хайдар, по-видимому, постоянно находился при отце и в какой-то степени разделил его судьбу. По некоторым све-

дениям, он был астраханским ханом в промежутке между 1537 и 1542 гг. Его сын Дервиш-Али в течение ряда лет состоял на московской службе, а в 1554 г. при помощи московского царя был возведен на тот же астраханский трон. Однако в 1556 г. он отказался подчиниться русским наместникам в ханстве и выгнал их, что вызвало поход Ивана Грозного и вхождение Астрахани в состав Московского государства. Несомненно, есть что-то символическое в том, что именно потомок последнего хана Золотой Орды стал последним ханом Астраханского ханства!

Послесловие

ПОТОМКИ ОРДЫНСКИХ ВЛАСТИТЕЛЕЙ

Ни одно государство никогда не исчезало бесследно — у него непременно находились преемники, претендовавшие на его территории, его наследие и статус его правителей. Так же было и с Золотой Ордой после ее распада и крушения. Главным наследником Золотой Орды стало, как уже было отмечено выше, Крымское ханство, правители которого присвоили себе титул ханов Великого Улуса и Дешт-и Кипчака. Так они и именовали себя вплоть до присоединения Крыма к России в 1783 г.

Однако крымские ханы не были единственными наследниками Золотой Орды, которая распалась на ряд мелких государств, во главе которых встали в большинстве своем потомки героев нашей серии очерков.

Так, Шибаниды, прямые потомки хана Пулада, стали основателями Бухарского и Хивинского ханств, причем в Хиве до середины XVIII в. правили прямые потомки еще одного нашего героя — хана Арабшаха. Позднее на хивинский трон стали приглашаться различные казахские султаны — потомки золотоордынского хана Уруса (четвероюродного брата и соперника Токтамышша).

Казанским ханством, как тоже уже было отмечено, в 1445–1518 гг. правили потомки Улуг-Мухаммад-хана, а затем — потомки золотоордынского же хана Ахмада. Также потомки Ахмада (и его сына, последнего золотоордынского хана Шейх-Ахмада), а также его брата Махмуда стояли во главе Астраханского ханства в течение всего его существования (1502–1556).

Потомки Едигея возглавляли ногайцев на протяжении XV–XVIII вв., т. е. всего существования Ногайской Орды и выделившихся из нее впоследствии более мелких образований — Малой Ногайской, Алтыульской, Касаевской, Беслинеевской, Едисанской, Джамбулукской и других Орд.

Известна и судьба прямых потомков Мамая, которые стали князьями Глинскими и вошли в число высшей знати Великого княжества Литовского, а с первой половины XVI в. стали и русскими боярами. Дочь одного из них, Елена Глинская, вышла замуж за великого князя московского Василия III и родила ему сына — будущего Ивана IV Грозного, первого русского царя.

Некоторые потомки наших героев играли менее значительную, но все же важную роль в истории. Так, отдельные потомки Улуг-Мухаммада и Ахмада стали правителями Касимовского ханства, вассального великим московским князьям. Другие ордынские султаны (в русской официальной традиции «царевичи») и эмиры (соответственно, «князья») становились воеводами на великокняжеской службе, русскими боярами. За время нахождения на русской службе они многократно роднились с московской аристократией, включая и правящий род

Рюриковичей и дали начало многочисленным княжеским, боярским и дворянским родам.

Судьба каждого из этих родов и государств, возглавляемых потомками золотоордынских властителей, неоднократно привлекала и, несомненно, еще будет привлекать внимание исследователей. Хочется надеяться, что настоящая книга в определенной степени будет способствовать повышению этого внимания и позволит ответить на ряд вопросов, связанных с историей Золотой Орды, ее правителей и их наследников.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. Золотая Орда и ее властители.</i>	<i>5</i>
Очерк первый. Батый, или Саин-хан и его три жизни.	11
Очерк второй. Берке, или Младший брат.	44
Очерк третий. Менгу-Тимур, или Первый хан	78
Очерк четвертый. Ногай, или Ордынский Kingmaker.	97
Очерк пятый. Токта, или Самый талантливый и честолюбивый среди сыновей Менгу-Тимура	132
Очерк шестой. Узбек, или «Золотой век» Золотой Орды	153
Очерк седьмой. Джанибек, или «Добрый хан»	181
Очерк восьмой. Мамай, или Взлет и падение titanus'a	201

Очерк девятый. Пулад, или Загадочный хан смутного времени.	234
Очерк десятый. Арабшах, или Бич русских окраин	242
Очерк одиннадцатый. Токтамыш, или «Новый Чингис-хан»	254
Очерк двенадцатый. Едигей, или Последняя попытка возродить Великую Орду.	288
Очерк тринадцатый. Улуг-Мухаммед, или От Сарая до Казани	312
Очерк четырнадцатый. Ахмат, или Крушение Орды	336
Очерк пятнадцатый. Шейх-Ахмед, или Последний хан и его братья	356
<i>Послесловие. Потомки ордынских властителей.</i>	<i>379</i>

Научное издание

Почекаев Роман Юлианович

ХАНЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Директор издательства *Чубарь В. В.*

Главный редактор *Трофимов В. Ю.*

Верстка *Харитонов Л. А.*

Корректор *Чебыкина М. В.*

Подписано в печать 25.12.2009.

Формат 60 × 90^{1/32}.

Усл. печ. л. 12. Гарнитура «Times New Roman».

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Тираж 2000 экз. Заказ № 181.

ООО «Издательство „ЕВРАЗИЯ“»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр.,

д. 86, пом. 106, тел. (812) 320-57-74,

[http:// www.eurasiabooks.ru](http://www.eurasiabooks.ru)

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии ООО «ИПК „Бионт“»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86,

тел. (812) 322-68-43.

За несколько веков своего существования Золотая Орда пережила этапы становления, расцвета, упадка и, наконец, окончательного падения. Каждый из этих этапов совпадал с деятельностью конкретных правителей – ханов и временщиков Золотой Орды, – которым и посвящена эта книга.

Героями биографических очерков являются: Бату, фактический основатель Золотой Орды; Менгу-Тимур, ее первый хан, официально принявший этот титул; Узбек, при котором Орда достигла наивысшего расцвета и могущества; временщик Мамай, старавшийся сохранить единство государства в эпоху смут; Токтамыш, при котором Золотая Орда сначала объединилась после смуты, а затем окончательно пришла в упадок; Улуг-Мухаммед, золотоордынский хан, ставший основателем Казанского ханства; Ахмат, при котором Русь освободилась от ордынского «ига»; и еще восемь властителей, оставивших значительный след в истории.

Привлечение многочисленных исторических источников позволило по-новому оценить деятельность ряда золотоордынских правителей и их роль в истории.

ISBN 978-591852011-6

9 785918 520116